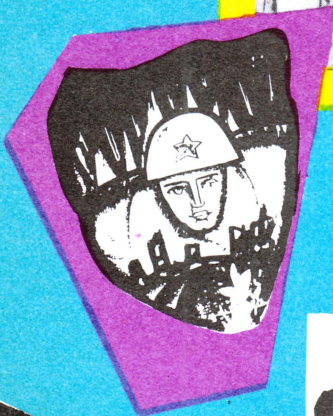

У Р А Л Ь С К И Й
Следопыт

1

1968

Рассказы
бывалых людей

Приключения
и фантастика

Дает адреса
романтикам

СЛЕДО-
ПЫТСКИЕ
ДЕЛА

Занимательное
краеведение

Мечты
современников

Следопытские
дела

О подвигах,
о доблести, о славе

ЛИТЕРАТУРНО-
художественный
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

1
1968
ГОД ИЗДАНИЯ
ОДИННАДЦАТЫЙ

Георгий СЕННИКОВ

Рисунки Н. Мооса

МЫ ПОДВОДНИ КИ

Автору этой повести было двадцать лет, когда он — штурманский электрик, старшина второй статьи — воевал в Заполярье на подводной лодке «малютке». В минуты, свободные от вахты, на базе, когда экипаж отдыхал после очередного рейда в тыл противника, он вел скупые записи — зарисовки событий, которые довелось пережить, короткие рассказы о людях, с которыми столкнула его нелегкая фронтальная судьба.

8 февраля 1944 года,

Полярное

Сегодня получил приказ перейти на подводную лодку «М-119». У них погиб штурманский электрик. Я должен занять его место.

Не скажу, чтобы это назначение очень обрадовало меня. Жаль расставаться со своим экипажем. Ведь так много вместе прожито. Но делать нечего — приказ есть приказ. Наскоро собираю вещи, прощаюсь с ребятами и бегу на пирс: до отхода рейсового катера в Полярное, где стоит «М-119», остались считанные минуты.

Мурманск позади. Катер выходит на середину залива и, подхваченный крупной волной, то чайкой взлетает к горизонту, то зарывается носом в воду и снова взлетает.

Свинцовая, кипящая поверхность залива почти не отличается цветом от неба, покрытого слоем тяжелых лохматых туч. Лишь кое-где проглядывают кусочки чистого неба, багрового от лучей заходящего солнца. Огненные блики в небе не радуют глаз, скорее напротив: они только усиливают извечную угрюмость этого сурового края. Грохочущие волны с белыми шапками пены, вереницы бегущих туч, изломанная линия черных, присыпанных снегом скал...

Заполярье!

Я вспомнил, с каким чувством одиночества и обреченности оглядывались мы вокруг, впервые попав в эти места два года назад. Казалось, здесь — конец света. Да так оно и есть. Ведь впереди — Ледовитый океан на многие тысячи миль... А сейчас, кажется, нет места роднее и ближе. И самое главное — это наша Россия!

Удивительно, как в дни войны стало близким и родным все наше, русское. В школе все это воспринималось как-то неопределенно, слишком абстрактно — и события национальной истории, и народные былины, и стихи Пушкина. А сейчас все так зримо, так ощутимо, и от этого — в тысячу раз дороже...

Недавно я прочитал роман В. Яна «Батый» и невольно задумался над его страницами:

«О русская земля!.. Ворвался к нам народ чужой, злобный и немилостивый. Пробрался он в самую глубину, в сердце русской земли, расколол ее на мелкие клочки и грызет, и рвет, не давая передышки... Эх! Собраться бы с силой и сбросить с плеч насаженного врага!»

И сейчас топчет враг нашу землю. Все еще топчет...

9 февраля

С утра представился командиру «М-119» капитану третьего ранга Константину Михайловичу Колосову, и вот я — уже полноправный член экипажа лодки.

Командир произвел на меня двойственное впечатление. Я знаю, что это настоящий, боевой командир. На счету лодки пять потопленных кораблей противника. Для «малютки» это немало, если учесть, что первый поход она совершила немногим больше года назад. Лодка не раз попадала в труднейшие ситуации, но всегда благополучно возвращалась в базу. О командире среди матросов даже поговорка ходит: «С Колосовым плавать — жив будешь».

А вот внешне он какой-то удивительно не «морской»: китель сидит мешковато, в движениях медлителен, и глаза слишком уж добрые. То ли дело штурман Капитонов! Этот — моряк до кончиков ботинок. Собранность, подтянутость и какая-то чисто флотская лихость во всем. Глядя на него, невольно подтягиваешься и сам.

Механика, инженер-капитан-лейтенант Тимофеева, я видел мельком. Он командовал переборкой дизеля в пятом отсеке.

Матросы... что ж, матросы — как матросы: веселые, дружные, работающие. В общем — живем!

10 февраля

Когда человек волею обстоятельств вверяет свою жизнь в руки другого, самое меньшее, что он может требовать, это знать: кому? Истина старая, но мне от этого не легче.

Сегодня весь день возился с гирокомпасом и постоянно чувствовал на себе неусыпное око кого-нибудь из экипажа. Приглядываются! Смешно и немножко обидно. Хотя, в общем-то, все правильно. На лодке настоящая семья, в которой я — чужой. Пока чужой. Вот и хочется скорее в море. Я уверен, не подкачаю.

Лодка — однотипная с той, на которой я плавал прежде. Все здесь знакомое, но в то же время не такое: механизмы покрашены в другой цвет, не там маховик клапана подачи воздуха высокого давления и станция гирокомпаса расположена иначе...

2 А главное — иной распорядок жизни: более четкий и слаженный.

Мое хозяйство — «заведование», как здесь говорят, — в прекрасном состоянии. Видимо, Яша Васильев, мой предшественник, был хорошим хозяином.

Стоим в Гала-губе у плавучей мастерской «Красный горн». Поднимали крышки цилиндров дизеля, притирали клапаны. Тяжелая, трудоемкая работа. Особенно крышки. Не так-то легко поднять цепными таями эту махину в невыносимой тесноте отсека.

Главные действующие лица ремонта — старшина группы мотористов Николай Павлович Новожилов и его помощник, командир отделения Сергей Махов. Они чем-то очень похожи друг на друга. Может быть, знанием дела, умением работать? Во всяком случае — не внешне. Новожилов высок и прям, Махов низок и сутуловат. Первый всегда спокоен и молчалив, второй вечно в движении. А уж язык! Не приведи господь попасть на него. Как струя забортной воды.

Перед ужином большая часть экипажа собирается в мой, четвертый отсек. В нем мало механизмов, основное пространство занимают подвижные койки. Но внизу, под настилом, святая святых подводной лодки — аккумуляторная батарея, источник движения большинства механизмов и гребного электромотора.

Матросы отдыхают после трудного дня, валяются по койкам, зубоскалят. Из первого отсека доносятся приятные запахи: там орудует торпедист Филипп Ткач, по совместительству — корабельный кок. Он готовит что-то вкусное, запахи прямо сногшибательные. И не случайно предприимчивый Махов уже минут двадцать вкрадчиво мурлычет у переговорной трубы:

— Филя! Тебе баночку солыра не нужно на протирку настила? А? Я — мигом!..

Рулевой Ваня Шестаков, мой напарник по отсеку, низкорослый крепыш с копной светлых волос, говорит мне:

— У нас Филька — первоклассный кок! Правда, не всегда был таким. Вначале такую жару готовил — акулу стошнит. Скажем, «суп с бугорком». Слышал про такое? А это — кастрюля воды и посередине — Эльбрусом — капуста. Ешь — не хочу!.. Или пончики раз испек. Полгода обещал, наконец сотворил. Ох, уж и колдовал он над ними! Мы их потом аварийными топорами зарубали: не по зубам. Но сейчас он — спец высшей марки. Недаром его на большую лодку смаивают.

Ткач действительно «спец». Ужин на славу, и команда расправляется с ним в два счета.

14 февраля

Возвращался с лодки в кубрик береговой базы и невольно задержался на пирсе: уж больно колоритные сцены вокруг, мимо которых мы постоянно ходим, не замечая.

Вот лодка готовится к выходу в море. Грузят торпеды. Подъемный кран плавно подает смертоносные сигары, а лодка, хищно оскалившись жерлами торпедных аппаратов, медленно заглатывает их внутрь. Отчаянно ругается торпедист, проклиная «береговых лодырей», плохо пригнавших какую-то заглущку. Его товарищ на пирсе, ядовито ухмыляясь, выводит пальцем на смазке очередной торпеды: «Неизвестному фрицу — от всей души!».

Командоры чистят пушку, вдвоем протягивая банник через неестественно длинный ствол. На мостике возится штурманский электрик. Он протирает головки перископов, лениво насвистывает что-то и временами, оторвавшись от дела, смотрит затуманенными глазами вдаль, туда, где за черной скалистой грядой глухо рокочет грозное Баренцево море.

Жизнь течет своим чередом. Приходят и уходят лодки. Провожания, встречи... Но встречи лучше провожаний. Особенно, когда лодка приходит с выстрелом в знак победы. Начало этой традиции еще в 1941 году положила подводная лодка «К-2» под командованием капитана третьего ранга Уткина. В сентябрьском походе они вышли на транспорт противника и, всплыв, затопили его артиллерийским огнем. Из пушки, стрелявшей по фашистскому транспорту, и был сделан победный выстрел в родной бухте. Командующий флотом адмирал Головкино благосклонно отнесся к этому начинанию. С тех пор гулкие выстрелы лодочных орудий частенько грохочут над Екатерининской гаванью.

Провожания хуже. Всегда чувствуешь какую-то вину перед уходящими. Их ждут тяжелые испытания, может быть гибель. А ты остаешься. Сколько ушло от этих пирсов подводных лодок, и сколько людей так и не вернулось больше в родную гавань...

Рядом с нами стоит сейчас легендарная «Щ-402». Это она под командованием капитан-лейтенанта Столбова открыла боевой счет подводников-североморцев. А в феврале 1942 года лодка чуть не погибла: после атаки вражеского каравана подверглась бомбежке, получила пробоины в соляровых цистернах и осталась на позиции без топлива. неподвижный корабль вблизи вражеских берегов... Представляю, как чувствовал себя экипаж в течение долгих часов ожидания, пока на

помощь не подошла лунинская «катюша», снабдившая аварийную лодку соляром.

Летом все того же, 1942 года «Щ-402» попала в новую беду: на позиции в открытом море взорвались обе группы аккумуляторной батареи. Погибло девятнадцать человек экипажа, в том числе сам командир. Вышли из строя многие механизмы, но самое страшное — лодка потеряла возможность погружаться. Снова — мишень, но на этот раз движущаяся, так как дизеля удалось запустить. Лодку привел в базу матрос Николай Александров. До войны он учился в мореходке, и почерпнутые там знания пришлось как нельзя кстати. С неисправным компасом — привел!

Говорят, Командующий, встречавший лодку, прямо на пирсе снял со своей груди орден Красного Знамени и прикрепил его к фланельке Александрова.

Сейчас «Щ-402» — гвардейская Краснознаменная лодка, на ее рубке — внушительная цифра потопленных транспортов противника. Вот пример живучести корабля и бесстрашия экипажа. Перед этой лодкой хочется снять бескозырку.

16 февраля

Целые сутки провозились с зарядкой аккумуляторной батареи. Цикл был лечебный, длительный и поэтому особенно мучительный. Спать приходилось урывками между очередными замерами плотности электролита и напряжения, а от бесконечного ползания по обнаженным шинам порядком натерлись колени и руки. Но хуже всего электролит. Как ни стараешься — обязательно плеснешь кислоту мимо мензурки. И вот результат: моя новая роба уже украсилась живописными лохмотьями.

А после зарядки, когда настил был поставлен на место и сделана уборка в отсеках, старшина

группы электриков Иван Матвеевич Сазонов таинственно поманил меня в шестой отсек — царство электриков. Здесь собрались все участвовавшие в зарядке. Откуда-то появилась бутылочка спирта, которая и была распита во здравие главного электродвигателя.

Сазонова называют за глаза Матвейчем. Вероятно, за возраст — он старше других, за ровный характер и за великую работоспособность. Он вечно копается в своем заведовании. А оно у него огромное — все электрооборудование лодки.

20 февраля

Все еще стоим в Оленьей губе у рефрижератора. Это огромная посуда норвежской постройки, используемая как плавучая база подводных лодок. Корабль старый и довольно мрачный. Особенно матросские кубрики. Они глубоко в трюме. Иллюминаторы крошечные, поэтому всегда полутьма, а двухъярусные деревянные койки с высокими бортами производят впечатление гробов.

Стоянка в Оленьей порядком надоела. Единственное развлечение — кино. Его крутят в салоне с утра и до вечера. Но фильмы все старые, виденные сорок раз. Тогда механик догадался — крутит наоборот. Смешно смотреть, как Джульбарс мчит к зрителям хвостом, а земля сама прыгает на лопату.

На верхней палубе — холодище. Залив неподвижный, а вода каких-то коричневых оттенков. Справа — выход в Баренцево море, там вечное грозное рокотанье. Слева — резкий изгиб залива, в крайней точке которого стоит теплоход «Пушкин» — тоже древнейшая калоша. Он на приколе и слабо дымит.

Наша плавбаза прижалась к отвесной скале. Это уменьшает угрозу со стороны вражеской авиации. Фашистские самолеты появляются довольно часто, правда — на солидной высоте. Вчера ходили на шлюпке к Большому Оленьему. Этот скалистый клочок земли весь усеян осколками зенитных снарядов...

Матросы заняты решением важной проблемы: пустят на праздник 23 февраля в главную базу или нет. Еще бы лучше — в Мурманск. Но лучше всего — в море. Чтоб к празднику с подарком. В одном из походов «М-119» потопила огромный океанский транспорт водоизмещением в десять тысяч тонн. Это произошло утром первого мая. Первого мая! Прекраснее подарка к празднику не придумаешь.

Мы готовы к походу. Все механизмы отремонтированы и отрегулированы. Проведены испытания. Лодка в полной боевой готовности.

Скорей бы в море!

Хороши вечера в кубрике перед отбоем. Все в сборе. Ребята укладываются спать и чешут на сон грядущий языки. Каких только историй не слушаешься! Тут и рассказы из прошлого, и военные были, и откровенные выдумки. Травля матросская!

Особенно изощряется торпедист с «эски» Виктор Муратов — здоровенный детина, смуглый и горбоносый, за внешностью да за любовью к песням прозванный «Цыганом». Виктор — старослужащий. До войны он успел побывать на всех флотах и теперь каждый из своих очередных рассказов

начинает стереотипной фразой: «А вот у нас на Балтике случай был...», либо: «У нас на Черном море...», «У нас на Тихом...»

Наш гидроакустик Леша Уразин сказал ему нынче в сердцах:

— А у нас в Саргассовом море, случаем, ничего не было?

Виктор глазом не моргнул и тут же преподнес очередную историю, переделав для этого на свой лад «Остров погибших кораблей» А. Беляева. Его немедленно разоблачили, но извинили плагиат: очень уж замысловато врет.

24 февраля

Вот и праздник позади. Он прошел быстро, без флагов расцвечивания и парадов: время военное. С утра — чтение приказа, затем обед с толикой спиртного, вечером — концерт в нашем бригадном клубе. Отрадно было услышать в приказе Командующего о присвоении нескольким нашим лодкам звания гвардейских. Но еще отраднее — внушительная цифра потопленного бригадой вражеского тоннажа...

Сейчас вечер. Я иду в штурманский кабинет. Он находится в здании штаба бригады и занимает две комнаты, сплошь увешанные и уставленные электронavigационными приборами. Хозяйничает здесь Николай Павлов — высокий, нескладный парень, удивительный знаток своего дела. Павлов был штурманским электриком на «К-3». Но весной прошлого года, когда лодка ушла в свой последний поход, из которого не вернулась, Павлов находился в госпитале. Так и остался в живых единственный из всего экипажа. Он тяжело переживал это.

Назначение штурманского кабинета — совершенствовать знания корабельных специалистов. Но это, так сказать, в официальном порядке. А в неофициальном — это наш клуб.

Каждая морская специальность по-своему интересна. Но мы, штурманские электрики, с железной убежденностью считаем, что наша специальность — самая важная из всех имеющихся. Ведь в нашем ведении находятся электронavigационные приборы, без которых любой корабль в море уподобится слепому в дремучем лесу. Такая своеобразная профессиональная гордость да частые встречи в кабинете Павлова очень сблизили всех нас, создав в конце концов своеобразный «сперритический» клан («Сперри» — марка гирокомпаса).

Мы очень любим свой кабинет, и какая-то часть нашей братии постоянно отирается там, пока другая находится в море. Особенно хорошо здесь в длинные ненастные вечера. Где-то внизу грохочет штормовое море. Гигантские волны обрушиваются на берег горы ледяной воды и рвут, как нитки, стальные швартовы. А здесь, в кабинете, мягко светятся плафоны электроламп и струится приятное, почти домашнее тепло. Вой непогоды, едва слышимый сквозь толстые бревенчатые стены, только усиливает ощущение уюта. Здесь особенно легко развязываются матросские языки и плетутся такие немислимые истории, что даже заядлые шахматисты отвлекаются от своих фигур.

Вот и сегодня у Николая весело. Во второй, дальней комнате на перевернутом коляске от гирокомпаса сидит Женька Анохин — штурманский с «эски» и, поблескивая глазками, старательно поет что-то о бравом капитане и «девушке в се-

ренкой юбке». Ему подпеваает могучий, незнакомый мне детина. Сам Павлов угрюмо меряет длинными ногами комнату. Время от времени он косится в сторону певцов и чертыхается сквозь зубы.

Но я пришел не веселиться. По всем признакам, нам скоро в море, а у меня барахлит эхолот — едва ли не самый капризный из всех приборов, когда-либо изобретенных человеком. Павлов охотно придвигает стулья к рабочему столику, снимает крышку с контрольного прибора и достает схему.

Через два часа я уйду из штурманского кабинета с твердой уверенностью, что знаю эхолот лучше собственной биографии.

25 февраля

Сегодня провозжали в боевой поход подводную лодку «М-108». Они уходили на рассвете. Я был на вахте и, поскольку «восьмерка» стояла рядом с нами, борт о борт, отдавал им швартовы. Из последнего похода, в начале февраля, они вернулись с победой. Настроение у ребят хорошее: значит, и на этот раз все будет в порядке.

Из экипажа «М-108» я хорошо знаком с Василием Ивановичем Князевым, старшим группы электриков. Интересный он человек! Давнее и любимое его увлечение — скульптура. Он, конечно, не профессионал, вряд ли он и учился где-нибудь. Но лепит он здорово и очень уж по-своему.

У Василия Ивановича всего один ком какой-то несохнувшей глины — специальной, что ли? Поэтому, вылепив одну физиономию и налюбовавшись ею вдосталь, он ломает ее и начинает лепить другую. Так, постепенно, он перебрал весь экипаж своей лодки, и я не раз был свидетелем, когда очередная жертва его творчества упрямилась сохранить бюст. Но Василий Иванович неумолим: комок глины-то всего один.

И что самое удивительное: посмотришь на его работу — какая-то неотесанная, корявая глыба. А она живет, дышит, глядит на тебя глазами только одного, причем конкретного человека. Матросы смотрят и ахают: «Да это же Костя Каптанов, наш трюмный! Усмехается, мерзавец, опять какую-нибудь каверзу придумал!»

В последнее время Василий Иванович оставил команду в покое. Он недавно женился в Мурманске и теперь лепит только портреты своей жены Людмилы. По памяти.

Сегодня, перед самым походом, Василий Иванович разыскал меня, сунул в руки бумажку с адресом жены и попросил написать ей:

— Понимаешь, обещался приехать на днях. А тут — поход. Даже письма написать не успел. Будь добр, черкни за меня. Ты ведь умеешь лирики напустить. А то беспокоиться будет. Добро? — Ну, конечно!

И вот они ушли. А я тут же, на вахте, сочинил большущее послание, всю душу вложил в него. Такое я написал бы ей! Но ее, увы, нет...

Как мало я знаю... Знаю основы навигации и электротехники. Знаю свое заведование: гирокомпас, лаг, перископ. Могу стоять на руле и на ходовой станции гребного электромотора. Могу запустить дизель и трюмную помпу, открыть кингстоны и произвести выстрел из корабельной пушки...

Но этим могут похвастаться все. Взаимозаменяемость на подводной лодке — закон жизни. Но я ничего не знаю из того, что находится за пределами корпуса лодки. Ничего!

А надо так, чтобы каждый день чем-то обогащал твой ум, чтобы ты узнавал что-то новое, неизвестное.

Надо читать, как можно больше читать! Читать... Но как? Ведь и здесь должна быть какая-то система: как читать, что читать, в какой последовательности?

Сунулся было с этим вопросом к штурману, но тот только рукой махнул: война идет, а он о самообразовании болтает!.. Попробую к библиотекарше, она славная тетя.

27 февраля

И вот — долгожданный приказ: боевая готовность номер один. С утра принимаем торпеды, грузим соляр, масло, продукты питания. Каждый выполняет свои обязанности быстро и четко. У меня все в порядке, Гирокомпас давно работает и уже в меридиане. Отрегулированы репите-ры. Приготовлены и проверены перископ, лаг, эхолот. Вдвоем с Ваней Шестаковым пеньковым тросом закрепляем вещи в своем отсеке, чтобы их не разбросало в качку. В меховом канадском костюме чувствуешь себя неуклюжим медведем. Но надо привыкать, теперь это наша основная одежда на долгие дни, а может быть и недели.

Вечереет. Горизонт быстро темнеет и сливается с небом. Острый холодный ветер поднимает тучи снега на пирсах, скрывая из глаз мрачные сопки и здания бригады. Только море, покрытое черными ревущими волнами, уходит куда-то за снежную пелену, как под занавес. Штормит вторую неделю. На днях вот в такой же штормовой вечер из похода вернулась лодка Хрулева. Ну и неважно же выглядели они под ледяным панцирем. Не лодка, а айсберг. И нас, похоже, трапнет изрядно.

Закончив работы на лодке, я иду в кубрик базы. Здесь весь наш экипаж. Одетые по-походному ребята валяются на койках и горланят песни. Их окружают матросы с других лодок. Шум, смех, веселые голоса.

В кубрик входит старпом. Всем ясно, что это означает: «Команде на лодку!» Смех исчезает. Все сразу делаются серьезными. Прощаются. Вижу, как меня разыскивает Саша Елфимов, мой давний приятель, рулевой с «семерки». По его лицу догадываюсь, что он хочет сказать что-то «душевное». Сам не знаю почему, но я скрываюсь от него и первым удираю на лодку.

Все по местам. Приходит командир бригады капитан первого ранга Иван Александрович Колышкин. Он обходит отсеки, прощается со всеми. Звучат последние слова: «Счастливого плавания!» Я не вижу сейчас пирса, но знаю, что там собралась вся бригада.

Вот и команда, обрывающая связь с землей: «По местам стоять, со швартов сниматься!»

28 февраля, открытое море

Первый день боевого похода.

В отсеках лодки не слышно человеческих голосов. Полутьма, только чуть теплятся лампы на боевых постах, освещая неподвижные фигуры вахтенных. Свободные от вахты спят. Я один в

этом спящем царстве: мы на ходу подзаряжаем батарею, и я произвожу замеры в обеих аккумуляторных ямах.

Медленно тянутся тяжелые, угарные часы в гуле дизеля и резких взмахах корабельной палубы.

Шторм все крепчает. Лодка чаще зарывается носом в волну, на какое-то мгновение обнажая гребной винт, и тогда ровный гул дизеля сменяется дробным грохотом. Волны бьют в корпус с каким-то стеклянным звоном. Кажется, что весь океан покрыт плотной ледяной коркой, рассыпающейся при ударе на тысячи осколков. Лодка то и дело стремительно ложится на борт, выпрямляется, снова ложится, и в этой чудовищной карусели болтаются на подвесных койках тела спящих матросов. Они стонут, ругаются и... спят.

Но мне нельзя спать. Ходить по палубе, которая поминутно становится чуть ли не вертикально, уже невозможно, и, производя замеры, я передвигаюсь от элемента к элементу ползком. В голове набухает томительный звон, к горлу подступает тошнота, но я все ползаю, потеряв всякое представление о времени.

Зарядка кончается только под утро. Прибав-

ляем ходу. До норвежских берегов, где наша позиция, — еще далеко. Укладываюсь на койку. Теперь и я могу уснуть. Блаженные минуты! Постепенно и лодка, и море, и вся куча опасностей отходят куда-то далеко-далеко...

2 марта

Третьи сутки мы сражаемся со штормом. Третьи сутки исполинские волны треплют наш крошечный корабль, временами совершенно стирая его с поверхности океана. Промерзшие, голодные, обессиленные, мы сидим по боевым постам, проклиная непогоду, Баренцево море и собственные желудки, отказывающиеся переваривать пищу. И уже просто не верится, что на свете существуют неподвижные стены и пол.

Но, несмотря на бурю, лодка упорно пробивается на север, к тому месту норвежского побережья, которое на штурманской карте отмечено скромным кружком. Что-то ждет нас в этом кружке...

3 марта

Сегодня под утро мы пришли, наконец, в район своего квадрата и погрузились перед входом во вражеский фиорд.

Здесь, в глубине океана под надежной защитой водяной толщи, царят тишина и покой, которые после штормовой карусели действуют просто ошедомляюще. До дикости странно передвигаться по палубе с помощью одних только ног, а не всех частей тела.

Скоро по отсекам разливается тепло от работающих механизмов. Оживший кок притаскивает бачки с обедом — настоящим, первым после выхода в море. Вокруг них немедленно располагаются все свободные от вахты матросы. Шум, смех, оживленные лица. И уже слышится грозный голос боцмана Потопина, ругающего своих подчиненных — рулевых Шестакова и Пьянкова:

— Опять перед походом кусок льда на пирсе гоняли, — шумит боцман. — Ишь, футболисты липовые! Сапог новых до весны не дам, так и знайте!

— Боцман, помилуй! — в неприторной мольбе воздевает руки Сережка Пьянков. — Ведь до того пирса сейчас сотни миль! Водичка же кругом. Даже сверху...

Шестаков более практичен и прямолинеен:

— Не дашь сапог? — говорит он боцману. — Ну, и не давай! Мы ляжем на койку и будем плевать в подволоку. Правда, Сергей? А в море пусть супружница боцмана идет. Она, брат, сапоги у него из горла вынет!

Я невольно усмехаюсь: неисповедимы пути твои, душа человеческая! Под водой, где-то у берегов Норвегии, в фашистском логове,— и спор о дырявых сапогах.

Подает свой голос и оттаявший Махов. Он увидел трюмного машиниста Петю Захарова — и немедленно наваливается на него. Захаров — великий скептик и правдоискатель. Он любит побрюзжать и вернуть свое частное мнение по любому вопросу. Это его качество очень «импонирует» Махову и является постоянной целью его неистощимого остроумия. И снова смех, живой, откровенный, как будто не было вчера жестокого, изнуряющего шторма, а завтра, может быть, — глубинных бомб.

4 марта

Однообразно тянутся дни на позиции. Мы ходим на глубине перед устьем фиорда, всплывая на короткие часы ночных зарядок аккумуляторов. Мы ждем врага. Периодически командир поднимает перископ и осматривает горизонт. Увы, он неизменно чист. Лишь изредка из щели фиорда, как ретивый конь, вылетит сторожевой катер или мелькнет зловещая тень «Арадо» — противолодочного самолета. И снова пустынное море катит косматые волны, гулко разбивая их о скалы фиорда.

В подводном положении мне почти нечего делать. Приборы мои работают нормально, а ходовой вахты я не несущу. Монотонно жужжит гирокомпас, пощелкивают релюшки на станции лага, из шестого отсека доносится равномерное постукивание гребного вала. На подвесных койках спят подвахтенные. Некоторые читают или болтают вполголоса. Тихо, спокойно, совсем по-будничному.

Трудности начинаются со вспытием. Обычно этого момента ждут с нетерпением, особенно заядлые курильщики: в подводном положении курить запрещается. Да и остальные тоже. Все-таки долгое пребывание под водой утомляет зверски: воздух уплотняется, сердце начинает биться учащенно, а движения становятся вялыми, неточными. Голова — как в обруче, тугом и болезненном.

Первая струя свежего воздуха оживляет всех. Но с ней приходит неизменная качка и, что еще хуже, холод. Дизель, как компрессор, тянет ледяной воздух через жилой отсек (шахту подачи воздуха к дизелю стараются открывать пореже — на случай срочного погружения). В лодке становится сразу сыро, морозно, неуютно. Подвахтенные, укладываясь спать, натягивают на себя все теплые вещи. Но и это мало помогает. Особенно плохо верхней вахте: они возвращаются в отсек мокрые насквозь, а обсушиться негде. Вот почему каждый из них норовит завалиться на отдых в так называемый «фиорд» — узкое пространство между дизелем и топливной цистерной. Там всегда сухо и тепло от работающей машины. Монотонный же грохот дизеля под самым ухом усыпляет лучше всякого снотворного. Но мотористы бдительно охраняют свой «фиорд», и попасть в него не легче, чем в норвежский.

В надводном положении достаётся и мне: начинается обычная зарядка аккумуляторной батареи, а вместе с нею и мое бесконечное — на всю ночь — ползание от одного контрольного лючка до другого. Не так-то просто во время качки набрать из бачка электролита в мензурку и заме-

рить плотность. Кислота неизменно проливается на колени, дырявя одежду. А руки! С них каждый раз снимаю перчатки... из собственной кожи.

Но хуже всех приходится трюмному машинисту Грише Милентееву. Он страдает морской болезнью и не стоит, а скорее висит на боевом посту. Выворачивает его ужасно, а подменить некем: вахта у нас двухсменная, и его напарник — старшина группы Захаров — только что отстоял свои четыре часа. Так и несет Гриша вахту... Но не хнычет, не жалуется. Да и кому жаловаться? Матросы этого не любят. Тот же Махов в начале похода весьма своеобразно «ободрил» Милентеева:

— Морская болезнь, — заявил он, — имеет три стадии. Первая — когда человек думает, что он умирает, вторая — когда он думает, что уже умер, третья — когда он жалеет, что все еще не умер. Судя по всему, Гриша, ты пребываешь в первой стадии. Так что — все в порядке.

Сам Махов держится молодцом. Он разгуливает вокруг дизеля по пляшущему настилу, как по твердой земле. И неизменно насвистывает что-то под нос. Хотя «разгуливает» — сказано слишком смело. В этой паутине механизмов можно только извиваться ужом, что он и делает с завидной ловкостью.

Часы зарядки тянутся долго и нудно. Изредка я сворачиваю папиросу, пролезая сквозь круглый люк в центральный отсек и по отвесному трапу поднимаюсь в рубку. Здесь качка еще ощутимее. И тьма. Светится лишь картушка репитера да фиономия Шестакова.

Грохочут волны, бросая лодку то на один, то на другой борт. Грохочет дизель, вспарывая кипящую поверхность океана. Мечутся звезды, то стремительно взлетая над кораблем, то скатываясь за горизонт. Молча застыли люди на мостике, намертво слившись с поручнями.

Подводная лодка в боевом походе.

5 марта

Снова мы под водой перед входом во вражеский фиорд. У Лешки Уразина напряженное лицо. Он медленно вращает маховик пеленгаторного устройства, плотно прижимая свободной рукой наушники с огромными резиновыми прокладками. Не так-то легко в грохоте океанских волн услышать дальний шелест винтов вражеских кораблей.

Утренний час. Огромный электрический чайник стоит прямо на палубе отсека. Вокруг него — свободные от вахты. Под водой, когда качка отсутствует, можно «рубануть» и поплотнее. Особенно старается Гриша Милентеев, вознаграждая себя за вынужденный пост в надводном положении.

Матросы хмурятся. Уже неделю мы в море и до сих пор даже издалека не видели ни одного вражеского корабля. Фиорд как вымер. Но мы-то знаем, что там, в глубине его, — вражеская база. Там фашистские транспорты. Там идет напряженная работа — во вред нам. Но там, а не здесь, в открытом море.

К Николаю Павловичу обращается моторист Измаил Ялюшев. Он впервые в боевом походе и поэтому полон вопросов:

— Товарищ старшина! А почему бы не войти в фиорд? Там ведь полно добычи.

— Не так-то это просто, друг мой, — отвечает Новожилов. — Фиорд охраняется. Там и посты на-

блюдения, и береговые батареи, и катера, и минные поля, а возможно — и противолодочные сети. Попробовали мы однажды, еще в первом походе... Мы тогда обнаружили транспорт, идущий из Вадсэ в сторону Вардэ — это порты норвежские на северном побережье Варангер-фиорда. Вышли мы в атаку, но транспорт укрылся в шхерах. Туда нам ходу нет. Тогда командир решил перехватить транспорт у Вардэ. Шли мы скоро торопились, но все равно опоздали. Транспорт на наших глазах скрылся за скалами в бухте Ютре-Киберг. Такая обида! Вот тогда-то командир и решил войти вслед за транспортом в бухту, чтоб там с ним разделиться. Уж больно не хотелось из первого похода возвращаться с пустыми руками. Ну, вошли. Заливчик узкий, как щель. Вокруг скалы отвесные — не развернуться. Дело плохо. А тут транспорт — как на ладони! Он даже пришвартоваться не успел. Ну, мы его и трахнули по всем правилам, как на полигоне...

— А потом? — Ялюшев широко открывает глаза и невольно подвигается ближе к старшине.

— А потом такое началось — не приведи господь! На беду, мы еще и обнаружили себя — выскочили на поверхность после атаки, рубку показали. Тут на нас и навалились. Катера мечутся —

сериями бомбы кладут. Береговые батареи ныряющими снарядами потчуют. Тоже, скажу, впечатление сильное. А батя наш: «Самый полный назад!» К устью фиорда. Так раком и выперли в открытое море. А немцы еще долго старались, море бомбами кипятили. Потом, говорят, на весь мир объявили о потоплении нашей лодки. Даже вешку поставили на том месте. Но, надо сказать, выпали они нам здорово. Неделю с синяками ходили да дыры латали.

— А транспорт с чем был?

— Вот это, пожалуй, самое интересное. Как доложила наша разведка, на том транспорте было полно офицеров с сухопутного фронта. Их на отдых переправляли в Вардэ, где у них увеселительные заведения устроены. Так они, горемыки, и отдыхают до сих пор — на дне фиорда.

— Товарищ старшина, — не унимается Ялюшев, — а когда глубинные бомбы рвутся, что с лодкой происходит?

— А это ты лучше у Махова спроси, — отвечает Новожилов. — Ему тогда больше всех досталось.

Махов охотно включается в разговор:

— Все дело в палубе, — авторитетно заявляет он.

— Как — в палубе?

— Палуба погано бьдет себя во время бомбежки. Сначала она ударяет тебя по пяткам, потом — по зубам, а уж дальше — по всем частям тела без разбору. Понял? Матросы хохочут.

Сегодня я целый день провозился с эхолотом. Вместо нормального показания глубины — проблески по всей шкале. Что-то разрегулировалось. Но что? Сорок раз просматриваю всю схему, меняю лампы, чищу контакты — результат один.

Поглядев на мои старания, штурман не выдержал и расхохотался:

— Да ты глянь на карту, — говорит он мне.

Я добросовестно посмотрел, но ничего не увидел.

— А ты внимательней посмотри. На глубины посмотри.

Посмотрел: 700, 750, 820... И тут меня осенило: ведь наш эхолот рассчитан на глубину до пятисот метров. А здесь... Вот откуда проблески!

Однако ничего себе, глубина солидная: без малого километр! А предельная глубина погружения у нас — всего шестьдесят метров. Чуть проскочим ее — и лодку раздавит как яичную

скорлупу. И ни одного средства спасения! Даже летчик в сравнении с нами в лучшем положении. Он может спланировать на подбитом самолете, у него есть парашют. У нас — ничего. Легководолазные приборы рассчитаны на выход из затонувшей лодки на малых глубинах. И водичка должна быть не та, не ледовитая. Вот почему, уходя в море, мы затапливаем эти приборы куда-нибудь подальше, чтобы не мешали. Лишний груз!

Да и вся наша лодка уж очень легковесная, игрушечная: длина корпуса всего сорок четыре метра, толщина бортовой обшивки — восемь миллиметров, один двигатель, два торпедных аппарата, пушка-сорокапятка, годная разве для победных салютов в собственной гавани. А внутри — девятнадцать человеческих жизней!

Лодка предназначена для прибрежных действий в умеренных широтах. И никак уж не для боевых походов в Ледовитом океане. Но жизнь, вернее война, внесла свои поправки в замыслы конструкторов. И вот плавают «малютки» за Полярным кругом вопреки мнению скептиков и назло врагам. Прежде всего — назло врагам. Ведь только наша «М-119» уже шарахнула пять кораблей врага общим водоизмещением около сорока тысяч тонн. Это почти в двести раз больше нашего собственного. И на каждом из потопленных транспортов были грузы, оружие, войска.

Что же касается скептиков, то они, вероятно, не принимали в расчет нашего характера. А мужества русскому человеку не занимать.

Говорят, англичане — лучшие моряки: океанская держава, вековые традиции и все такое. Насмотрелись мы на этих моряков. Чуть подбили их посудину — и бегут с нее, как крысы.

Однажды в Кольском заливе фашистская бомба попала в английский транспорт, подходивший к причалу. На корабле начался пожар. Но команда и не подумала тушить огонь, мигом спустила шлюпки — и на берег. Стоит транспорт в сотне метров от пирса, дымит отчаянно, а эти сидят на камушках и улыбаются. Черт их знает, закон у них, что ли, такой?

...Мала наша лодка и уязвима страшно. И чтобы плавать на ней, сражаться и побеждать, нужно быть первоклассным моряком.

6 марта

Сегодняшний день начался с происшествий. Резкий звук ревуна — сигнал срочного погружения — как всегда, заставил пулей вылететь из подвесной койки. Стукнули кингстоны балластных систем. Сильный дифферент на корму перекошил отсек, и, не рассчитав прыжка, я с размаху ударился головой о соляровую магистраль. От боли и неожиданности присел, но тут же увидел такое, что сразу заставило забыть собственные горести: весь дизельный отсек был наполнен облаками пара, из которого со свистом вырывались струи забортной воды. Сердце предательски сжалось в комок...

Из облаков пара выскочил мокрый по пояс Новожилов. Срывающимся голосом он крикнул в переговорную трубу:

— Товарищ командир! Нужно срочно всплыть! Не закрылась шахта подачи воздуха к дизелю!

Мы всплыли минут через пять — на счастье, «Арадо», загнавший лодку под воду, ушел восвояси, но и за это время воды набралось полотсека. Пустили помпу, а Новожилов, забрав необ-

ходимый инструмент, скрылся в рубочном люке. Ему предстояло нелегкое дело: спуститься с мостика на верхнюю палубу лодки, добраться до люка в надстройке, где расположена проклятая шахта, и устранить неисправность. Нелегкое не только потому, что палуба лодки поминутно скрывалась в ледяной воде, но прежде всего потому, что в любое время мог появиться тот же «Арадо» или вражеские катера, и тогда мы вынуждены будем погрузиться, оставив его наверху — на смерть. И он знал это.

Николай Павлович пробыл на палубе недолго. Вернувшись в отсек, он долго не мог раскрыть синего рта, а раскрыв его, наконец выругался от души.

— Нет, вы только подумайте, — говорит он, вертя в руках обломок какого-то предмета. — Во всем Баренцевом море для этой деревяшки не нашлось другого места, кроме нашей шахты!

Что ж, бывает и так.

Вторая неожиданность ждала нас на позиции. Сегодня здесь на удивление «многолюдно»: то и дело проносятся катера-охотники, снуют мотоботы. Леша Уразин поминутно докладывает о шумах винтов. Но пока что все это — мелочь, не стоящая внимания. Тем не менее командир заметно взволнован. Он сидит на комингсе переборки в центральном посту и удовлетворенно кивает на каждый доклад гидроакустика.

Его оживление передается нам, хотя мы и не знаем толком, в чем дело. И лишь после сообщения Лешки о том, что в зоне нашей видимости появился вражеский эсминец, становится ясно: готовится встреча, будет вражеский караван.

Но день прошел, а караван так и не появился. С наступлением темноты всплываем на зарядку аккумуляторной батареи. На этот раз мы не уходим подальше от берегов, а заряжаемся тут же, в районе вражеского фиорда.

23.00. Произвожу очередной замер. Едва я наполнил мензурку электролитом, как грохот дизеля смолкает — как отрезало. От неожиданности роняю мензурку, и вариометр вдребезги разлетается на металлической палубе отсека.

Но мне уже не до него. С подвесных коек один за другим спрыгивают матросы. У каждого в выражении лица тот же вопрос, что и у меня: в чем дело?

В люк отсека влезает Шестаков. Он был наверху, и еще из люка громко шепчет: «Караван!»

Наконец-то! Лица ребят оживляются, расправляются плечи, как будто все мы собираемся ринуться в кулачный бой. Взоры всех обращены к центральному посту.

Длинный сигнал ревуна — срочное погружение. Мы уходим под воду. Лица мрачнеют. Кое-где недовольное ворчание: почему скрываемся, почему не атакуем караван? Ведь в ночное время атака из-под воды с помощью перископа невозможна.

И вдруг все, как по команде, пригибают головы. Бледнеют лица. Над головой явственно слышен шум: бум, бум, бум... Он стремительно нарастает. Это винты вражеского корабля. Заметили нас? Будут бомбить?

Минуты тягостного ожидания. Долго рыщут немецкие катера и миноносцы над нами, но так и уходят ни с чем. Мы облегченно вздыхаем: разошлись так сказать, левыми бортами, красными огнями.

Узнаем причину срыва атаки. Оказывается, мы попали под миноносцев, и, не погрузившись мы вовремя, он таранил бы нас.

Вот так: первая встреча с врагом и первая неудача. Впрочем, хорошо, что хоть головы на плечах остались. А встречи еще будут.

7 марта

Еще сутки под водой. Насколько стремительны были минуты встречи с караваном минувшей ночью, настолько же медленно тянется время сейчас. Горизонт снова безнадежно чист.

Днем откуда-то, очевидно с берега, в нас пальнули парой ныряющих снарядов. Стреляли на авось. Но ощущение сильное.

Женька Ефремов, наш радист, резюмирует: — Как бичом по стаду коров!

Ефремов пришел на лодку вместе со мной. До войны он работал администратором в каком-то театре, и это наложило известный отпечаток на его характер. Он знает наизусть массу монологов из разных пьес и охотно демонстрирует свои способности перед матросами.

Но сегодня и Женькины таланты не помогают. Матросы находят под впечатлением вчерашней неудавшейся атаки и хмуро молчат на своих постах.

Вечером всплываем. Море относительно спокойно. Чистое небо сверкает звездами. Удивительно крупными кажутся они здесь, на Севере. И какими-то близкими, ощутимыми. Луна растянула свою яркую, волнующуюся дорожку через все море. Мы без конца пересекаем ее и никак не можем пересечь. Отсюда, с мостика, лодка походит на узкое хищное животное, крадущееся к добыче. Глухо ворчит дизель, чуть слышимый за шумом волн. Белые султаны пены высоко взлетают над носом. Кажется, что животное приподнимает косматую голову и вглядывается в темноту, туда, где притаился враг.

Красиво сегодня море, на редкость красиво. Но мы на лунной дорожке, как на ладони. Прекрасны всполохи северного сияния — красные, голубые, оранжевые, — но от них слишком светло вокруг. И получается, что лучше всего, когда небо в тучах, а на море — солидная волна. Так спокойнее.

И снова зарядка аккумуляторов: холод, ядовитое испарение кислоты и замеры, замеры, замеры... Но сегодня я начеку и стараюсь не пропустить сообщений с мостика. Может быть, снова повезет, и мы, наконец, перехватим караван? Но пока сообщения безрадостные: «Справа по траверзу мотобот с огнями», «Прямо по курсу моторная шхуна». Мелочь.

И все-таки я прозевал тот момент, когда мы вторично вышли на вражеский караван.

Звякает машинный телеграф. Дизель останавливается. В лодку проникают звуки моря: плеск волн, журчанье воды в надстройке. Завыл электромотор. Мы остаемся в надводном положении. Уже по этому становится ясно: дело будет!

В отсек протискивается Анатолий Чекорев. Он с сигнальной вахты. Все бросаются к нему с общим вопросом: что там, наверху?

— Караван! Транспорты и конвой! Сейчас выходим в атаку!

По отсекам прокатывается сигнал боевой тре-

воги. Он бьет по нервам, захватывает дыхание, сжимает в пружину каждый мускул. Матросы быстро разбегаются по боевым постам, и в лодке устанавливается та особая, суровая тишина, которая всегда предшествует бою.

Я смотрю сквозь глазок в переборке на людей в центральном посту. Собственно, вижу я одного боцмана, он ближе всех ко мне и загромождавает других. Потанин уже спустился с мостика и стоит на горизонтальных рулях на случай срочного погружения. Оно так или иначе неизбежно. У боцмана напряженное и даже какое-то злое лицо, а его руки на рукоятках рулей побелели в суставах.

В центральном посту тишина, как и в наших отсеках. Из переговорной трубы изредка доносятся слова команд: «Лево руля!», «Так держать!», «Приготовить аппараты к выстрелу!» Команды произносятся вполголоса, но резко и властно. И я невольно удивляюсь перемене, происшедшей с командиром. От его обычной мягкости и медленности не осталось и следа.

Торопливо защелкал гирокомпас, катушка его описывает длинную циркуляцию. Увы, я не вижу того, что происходит сейчас наверху, и только могу представить себе, как наша лодка, прочертив крутую волну, ложится на боевой курс. Там, прямо по этому курсу, — вражеские корабли, вернее один из них, избранный целью. Только бы что-нибудь не сбilo нас с этого курса, как прошлый раз. Ох, уж эти вражеские эсминцы! У них акустика, как у гончих псов.

Из переговорной трубы доносится глубокое и протяжное:

— Аппара-а-а-аты...

И короткое, резкое:

— Пли!

Лодка дернулась назад, как будто наскочила на невидимое препятствие. Еще раз. В уши ударил сжатый воздух. Это вышли торпеды.

Мы бросаемся к свободным участкам корпуса лодки и прижимаемся ушами к стальной обшивке: так лучше слышны взрывы торпед. Секунды томительного ожидания, и вот откуда-то издалека, из пучины океана, доносится сдвоенный гулкий удар. Есть!

— Есть! — орет Сережка Пьянков и в избытке восторга дает мощный подзатыльник Шестакову. Но тот даже не замечает этого. Потирая руки и приплясывая по обыкновению, он бормочет скороговоркой:

— Обе вляпали! Слышали! Обе! Это значит — каюк фашисту.

Но веселье кончается быстро. Действительность отрезвляет лучше всякого холодного душа. А действительность — не в нашу пользу. Выпустив торпеды, мы фактически остаемся безоружными перед вражеским конвоем. Остается одно — уходить. Но уйдем ли?

Мы погружаемся и медленно пробираемся в сторону открытого моря. И снова тишина, тревожная тишина ожидания, и один невысказанный вопрос на языке у каждого: будут бомбить или нет? Только неугомонный Махов, сидя у перегородки, подмигивает нам и поет шепотом, безжалостно переверывая слова известной песни:

Эх, как бы дожить бы,

Да к Райке сходить бы!..

От этого чудачества становится легче на душе, и я преисполняюсь великой благодарностью к невысказанному мотористу.

Мы готовимся к бомбежке, и все-таки взрыв

первой глубинной бомбы застигает нас врасплох. Он грозно грохочет по левому борту, заставляя вздрогнуть лодку и наши сердца.

— Задраить переборки! Приготовить аварийный инструмент! — доносится из переговорной трубы.

Махов сразу делается серьезным. Он исчезает в дизельном отсеке, бросив напоследок:

— Держись, ребята!

Переборка с лязгом захлопывается, отрезая наш отсек от кормовых помещений лодки. Мы остаемся втроем и, случись что, сможем рассчитывать только на свои силы.

Я смотрю на ребят. Внешне они спокойны, даже как-то подчеркнуто спокойны, но я вижу, какие бледные, вытянутые лица и у Шестакова и у Пьянкова, как нервно вздрагивают их руки, готовые к аварийному инструменту, и знаю, что сердце каждого из них бьется сейчас так же гулко, как и мое.

Мы не успеваем справиться с заданием, как новый, нестерпимо звонкий удар обрушивается на наши головы. Кажется, весь мир раскололся на части и в куче обломков стремительно валится куда-то вниз. Гаснет свет, и в абсолютной тьме что-то падает, рвется, скрежещет. Еще удар, еще...

Неведомая сила отрывает мои руки от стойки гирокомпы, а тело, ставшее вдруг неимоверно тяжелым и непослушным, вжимается в борт, как в резиновую подушку. Но я не чувствую боли, занятый одной мыслью: неужели конец?

Взрывы стихают, удаляясь по левому борту. Лодка кончает свое стремительное падение в пучину океана и выравнивается. Вспыхивает свет.

Все вокруг принимает обычный, почти будничные вид.

С палубы отсека, усыпанной пробочной крошкой с подволока, поднимается Шестаков.

— Прямо над нами прошел, — говорит он. — Похоже, нащупали, гады!

Шестаков испытующе смотрит в подволока, как будто пытается разглядеть сквозь стальную обшивку то, что сейчас делается на поверхности. На лбу рулевого темнеет огромная ссадина, и багровые капли медленно стекают по щеке.

Перехватив мой взгляд, он неожиданно свиреет:

— Чего уставился, санитар паршивый! Давай твой сидор с бинтами!

Ярость Шестакова заставляет окончательно прийти в себя. Торопливо достаю сумку с медикаментами: по боевому расписанию я еще и санитар. Вдвоем с Сергеем накладываем повязку на рану Шестакова, а он ворчит, как рассерженный пес:

— Понатыкали железяк всяких — никакой жизни нет. Каждый раз обо что-нибудь башку разбиваю. Уж выдали бы шлемы какие-нибудь, как у танкистов, что ли!

Быстро приводим в порядок отсек, убираем сорванные бомбежкой вещи, водворяем на место рычаги кингстонов, сметаем осколки разбитых плафонов и пробочную крошку. Я докладываю обстановку в центральный пост и не удерживаюсь, чтобы не заглянуть туда через глазок. В центральном все те же неподвижные фигуры и сосредоточенные лица. Значит, преследование продолжается и успокаиваться еще рано. Но удивительное дело, после только что пережитого становится много легче. Опасность потеряла свою грозную

неопределенность, приобрела реальные черты. И появилась уверенность в себе: справимся!

Новая серия глубинных бомб глухо рокочет где-то за кормой. Это радует: значит, след потерян, и немцы бомбят на авось.

Приоткрывается дверь в пятый отсек, и в отверстие просовывается голова Махова.

— Ну как, братишки,— говорит он весело,— штаны сухие?

— Пошел ты...— беззлобно отругивается Шестаков.— У самого, небось, поджилки тоже тряслись.

— Да,— говорит Махов,— аккуратненько он над нами прошелся. Еще бы немного... Ну, а теперь все в порядке: фашист на дне, от преследования оторвался, курс — Полярное. К Райке сходим, Ванюшка, а?

Разговор углубляется в эту интересующую обоих тему и приобретает самый оживленный характер. Я прислушиваюсь и вновь ловлю себя на мысли о нереальности всего происходящего. Ведь только что подвергались смертельной опасности, она еще не прошла — лодка у вражеских берегов и кругом фашистские корабли, но спала напряженность, появился шанс на благополучный исход атаки, и — на тебе, задушевная беседа о какой-то «зануде Райке», которая «всех за нос водит!»..

Проходит еще часа три, и по отсекам разносится долгожданная команда: «По местам стоять, к всплыванию!»

Настоящее, откровенное веселье охватывает матросов. Оживленные лица, смех, даже руки, быстро и спорно делающие привычные манипуляции с механизмами, словно бы тоже радуются. Шестаков так крутанул маховик батарейного вентилятора, что тот взвыл, стремительно обнажив блестящую нить резьбы.

Лодка плавно качнулась и легла на левый борт, затем на правый. Ага, значит мы уже на поверхности. Гулко хлопает рубочный люк, и на минуту все мы гложем: снято давление. Мотористы возягся с дизелем, и вскоре дробный грохот его наполняет отсеки. Полный вперед! Курс — Кольский залив!

После ужина в наш жилой отсек приходит командир. Он уютно устраивается на койке радиста, а вокруг располагается вся команда, свободная от вахты. Командир рассказывает подробности атаки, говорит о своих расчетах, о маневрах лодки. Его рассказ раздвигает стенки отсека, и мы восочию видим все перипетии того события, участниками которого только что были. А оно, это событие, грандиозно. Фашистский транспорт водоизмещением в восемь тысяч тонн — на дне Баренцева моря. Он затонул сразу, получив две торпеды в правый борт. Мы буквально выхватили его из каравана, охраняемого мощным конвоем, причем — не обнаружив себя. Та бомбежка, под которую мы попали, была случайной. Немецкий миноносец бомбил для очистки совести и ушел ни с чем.

Командир опять прежний, «мирный». Он добродушно улыбается, подтрунивая над «фонарем» Шестакова, но теперь-то я знаю, какой он в бою, какая сила скрывается за этой внешней мешковатостью.

Когда он уходит, Сергей Пьянков восторженно говорит, выражая общее настроение:

— С нашим батей не пропадешь!

8 марта

Проходит и этот день. Он полон тревоги. С раннего утра и до вечера нас провожают взрывы глубинных бомб. Бомбят не нас, а кого-то другого, идущего за нами, но кого? И как, должно быть, плохо приходится сейчас тем! А возможно, это мы оставляем какой-нибудь след?

Время тянется ужасно медленно, может быть, потому, что все мы мысленно уже дома, в Полярном. Матросы так же четко выполняют свои обязанности, а в глазах у всех мечтательная дымка предстоящих встреч. Но говорить на эту тему не принято. Даже командир, к которому я обратился с вопросом о времени прихода, ответил было:

— Завтра на рассвете.

Но, спохватившись, тут же добавил:

— Если, конечно, вообще придем.

Устье Кольского залива — очень опасное место. Здесь постоянные позиции немецких подводных лодок, и немало наших моряков, мечтавших вскоре ступить на родную землю, нашли свою гибель именно здесь, на пороге дома. Поэтому мне понятна тревога командира, хотя об опасности и не хочется думать.

Стемнело, и мы всплываем. Море относительно спокойно. Небо чистое, звездное. Скоро взойдет луна и снова протянет свой прожекторный луч через все море. Вот уж нехвати!

Скорей бы дойти!

9 марта

Открылся маяк Сеть-Наволок. Он встал светлым пятном на горизонте, тусклым, еле различимым. До него еще далеко, очень далеко. Но это уже наша земля!

Два часа утра. Маяк Торос. Это уже пахнет Кольским заливом. А вот и долгожданное: «Сделать приборку в отсеках!»

Мы дома.

Вижу, как наш комендор Филька Ткач лезет по трапу на мостик. Это означает, что мы уже в Екатерининской гавани. Сейчас грохот из пушки традиционный выстрел в знак победы.

Пять часов утра. Швартуемся к пирсу в Екатерининской гавани. Как жаль, что мы пришли в такую рань! Полярное спит, и нас едва ли кто встретит...

Вслед за другими матросами я поднимаюсь на мостик лодки. Вот они, знакомые сопки, причалы и здания бригады на берегу. Удивительное дело, эта картина, виденная множество раз, всегда по-новому прекрасна после похода и бесконечно волнует. Воистину, кто в море не бывал, тот горя не видал, тот никогда не узнает, каким счастливым можно почувствовать себя от одного только вида земли, даже если это угрюмые, пустынные скалы, засыпанные снегом.

Еще совсем темно. Рассвет только начинается. На пирсе веселые голоса и смех. Это наши ребята делятся впечатлениями с вахтой стоящей рядом «семерки». Скоро собирается целая толпа: все-таки наш выстрел кое-кого разбудил.

А на пирсе звонко горланят:

Не шуми, волна коварная,
В ясный день и мрак ночной
Снова встретит нас Полярное
На краю земли родной...

Слова давно знакомой песни тоже звучат по-новому.

Навстречу мне протискивается Вовка Воротников, радист «семерки». Долго трясем друг другу руки и улыбаемся.

— Ну как, не бомбили? — спрашивает он.

— Нет, — отвечаю я. — А как «восьмерка»?

Когда вернулась? Кого потопила?

— Не вернулась она...

— Как — не вернулась?

— Так, совсем...

— Погибла?!

«Черт возьми! Да как же это?» — думаю я и ощущаю, как на разгоряченное недавней радостью сердце наползает ледяная волна. Мгновенно всплывают в памяти веселые лица Василия Ивановича, Юдина, Борьки, Сергея Сергеевича... Всего неделю тому назад мы вместе дурачились на бригадном катке, играли в чехарду, ездили друг на друга. И вот их уже нет. Погибли все!..

Идем по дорожке к нашему дому и шатаемся, как пьяные. Сказывается долгое пребывание на море, в качку. Интересное это ощущение — твердая земля колыхается под ногами, как палуба. Смешно, но сделать с собой ничего не можешь. Идем, цепляясь за стены, чтобы не упасть.

В кубрике по очереди заглядываем в зеркало и тихо ахаем. Оттуда на нас смотрят жуткие физиономии: черные, с разноцветными подтеками грязи, машинного масла и еще черт знает чего. Волосы — как кошма. На подбородках даже не щетина, а плесень какая-то.

В кубрике — мертвое царство. Команды всех остальных «малюток» еще спят. Мы стараемся не шуметь, чтобы не разбудить их, но все-таки то с одной, то с другой койки поднимается заспанная физиономия, щурит на нас глаза, потом расплывается в улыбке, и к нам летит неизменное:

— С возвращением! С победой!

Из бани я иду в штурманский кабинет. Николай уже на ногах. Он бурно приветствует меня. С особым чувством жмем друг другу руки. И начинается мое повествование. Он слушает, я рассказываю. Вижу по его глазам, что он чертовски рад за меня, хотя и старается не показать этого. Я тоже держусь с достоинством. Но как мне хочется обнять его сейчас!

Как легко дышится, когда поход окончен!

11 марта, Полярное

Сегодня пришло подтверждение разведки. Транспорт мы действительно утопили. Водоизмещение его 8000 тонн. Груз — военное оборудование.

С утра, вооружившись красками и кистью, я исправляю цифру на боевой рубке нашей лодки. Рисую шестерку. С пирса меня фотографирует Глебыч, наш бригадный фотограф.

Запомнилась мне еще одна картина. Мы — весь экипаж лодки — сидим в старшинском кубрике вокруг стола. За столом — батя, а перед ним — огромная куча денег. Он раздает их нам, тщательно сверяясь с ведомостью. Деньги — приз за потопленный транспорт. Мы их немедленно вносим в фонд обороны.

Появляется Ткач с большущей плетеной бутылкой в руках. Из нее он наливает всем нам какой-то жгучей жидкости, и Анатолий Чекорев, наш штатный поэт, произносит свой дежурный тост:

Мы все, товарищи, здесь в сборе,
Морская дружная семья,
Сначала пьем за тех, кто в море,
И только после — за себя!

А в одном из углов матросы подсчитывают, сколько фашистских душ с потопленного транспорта приходится на каждого из нас...

Под утро, когда мы, наконец, добираемся до коек и укладываемся, Сережка Пьянков вдруг обращается ко мне с диким вопросом:

— В Норвегии мы были?

— Были.

— Транспорт утопили?

— Утопили.

— Гитлеру морду набили?

— Набили.

— То-то, — говорит он удовлетворенно и засыпает.

12 марта

Сегодня был банкет с неизменным поросенком. Много приглашенных: бригадное начальство, офицеры с других лодок. Говорились громкие речи, велись задушевные беседы. Беседы лучше: откровеннее. И было даже как-то странно обнаруживать вдруг в седом, увешанном орденами подводнике, живом носителе легенды, — просто человека, который может от души хохотать, рассказывая бородастый анекдот.

Вот Колышкин, капитан первого ранга и Герой Советского Союза, командир нашей бригады. Он один из ветеранов Северного флота и один из создателей его. Об этом человеку уже сейчас можно писать книгу. Нет, кажется, ни одного особо примечательного похода, в котором бы он не участвовал или которым бы не руководил. Чего стоит одно только плавание на «Щ-421» под парусами! Такое и Новикову-Прибою не снилось...

А наш комдив Морозов? На вид суровый, даже свирепый, как расшумится — поджилки дрожат. А в действительности добрейший человек и прекрасный моряк. Он из тех, кому на берегу и скучно, и неудобно, чей подлинный дом — море.

А вот командир «пятерки» Хрулев. Это он в одном из последних походов в сложнейших условиях торпедировал и утопил транспорт с войсками. И можно только представить себе, сколько жизнью советских солдат и офицеров он сохранил в этом походе. А сейчас он добродушно поддразнивает нашего бату, похихатывает в кулак и, по-видимому, меньше всего думает о том знаменитом выстреле.

Очень жаль, что среди них нет сейчас второго нашего «малюточного» комдива Фисановича. Незадолго перед этим он ушел в Англию за новыми подводными лодками. Это необыкновенный человек в полном и лучшем смысле слова. Все-таки море порядком огрубляет людей, во всяком случае внешне. А Фисанович — воплощение мягкости, вежливости и внимательности. Оставаясь моряком, он никогда не переставал быть интеллигентом, человеком высокой культуры не только в знаниях, но и в поведении. Этот боевой офицер, пустивший на дно двенадцать вражеских кораблей, мог смущаться и по-мальчишески краснеть из-за пустяка. А как внимательно он относится к матросам! К нему можно было прийти с любым делом, самым незначительным, и всегда он выслушает, обдумает все и даст дельный совет.

Помню, решали мы как-то в кубрике проблему: почему так часто идут вражеские караваны в Баренцевом море? Что наших много — понятно: Мурманск — единственный незамерзающий порт, ворота в большой мир. А что здесь, на Севере, нужно немецким торговцам? Думали, гадали и пошли к Фисановичу. Он тут же принес в наш кубрик карту. Развернул ее: смотрите — вся Скандинавия представляет собой горный массив, изрезанный до невозможности. Сухопутных дорог нет. Следовательно, снабжение лапландской группировки войск противника возможно только морем. Но это еще не все. Вот здесь, возле Петсамо и Керкенеса, — крупнейшие никелевые рудники, а никель — важнейшее стратегическое сырье. Гитлеровская Германия получает здесь почти восемьдесят процентов необходимого ей никеля. А это — опять транспорты, целые караваны грузовых судов, так как и в этом случае море — единственная доступная дорога.

И все сразу стало на свое место...

Большой популярностью среди матросов пользуется очень морская и очень «подводная» песенка, написанная Фисановичем. Там есть море и скалы, и торпедные атаки, и глубинные бомбы — словом, все, что составляет неотъемлемую часть нашего повседневного быта. Потому распевают ее с удовольствием.

Когда видишь таких людей, как Фисанович, невольно задумываешься о самом себе. Что я такое? Что я сделал хорошего? В чем мое призвание?

Кто ответит на эти вопросы, если я сам не могу их решить?

13 марта

Гибель «восьмерки» никак не выходит из памяти. В кубрике стоят их пустые койки, валяются вещи, лежат недочитанные книги. На стене висит расписание вахты — все знакомые имена. Имена остались, а людей уже нет.

Хуже всего то, что, видимо, это мы явились косвенной причиной их гибели. Не знаю, кто пустил этот слух, но он похож на правду. «Восьмерка» находилась в соседнем квадрате в момент нашей атаки и была обнаружена фашистским миноносцем. Те бомбы, которые в течение суток сыпались на их головы и в конце концов погубили лодку, предназначались нам...

Сегодня ушла в море «С-51». Ходил провожать. Илья Громов, штурманский электрик «эски», весело смеялся, прощаясь, а я думал с тоской: вернется ли?

Страшная штука война

Пришла с победой «М-104». Где-то у Маккаура потопила транспорт и вместе с ним катер-охотник, его охранявший. Штурманский электрик «четверки» Федя Кабот рассказал мне любопытные подробности атаки.

Транспорт стоял в небольшой бухточке, маскируясь отвесными скалами. Охотник крейсировал возле него. В продолжение целого дня командир лодки выжидал момент, когда охотник подойдет к транспорту. Дождался, вышел в атаку и утопил обих.

Атака прошла, как на учебном плесе. Даже удирать не от кого было. Поэтому удалось пронаблюдать до конца всю картину гибели транспорта. Федька успел сфотографировать его несколько раз через перископ, а штурман даже рисунок сделал, — потом он был напечатан в «Краснофлотце».

15 марта

Погода, как это бывает только на севере, резко изменилась. Подул теплый ветер с Гольфстрима, нагнал стаи белых пушистых облаков, и несколько дней подряд на промерзшую кольскую землю падали крупные хлопья снега, казавшиеся почти теплыми после недавних холодов. Теперь снегопад прекратился, небо прояснилось, и все вокруг засверкало ослепительной белизной. Только вода в бухте еще больше потемнела. Спистнутая со всех сторон заново побеленными склонами, она кажется лужицей пролитого ультрамарина.

На пирсах многолюдно. После ласкового ве-

терка и снежной белизны не хочется спускаться в холодное, пропахшее соляром и прошлогодними щами, чрево лодки. Затянулись перекуры, чаще слышится грозный рык боцманов, подгоняющих разомлевших матросов. Весна! Хоть и полярная, скромная, робкая, а все-таки весна.

У обрыва скалы, там, где стоит памятник Видяеву — командиру «Щ-422», погибшему всего месяца два тому назад, — громкие голоса и хохот. Пятеро здоровенных матросов, залепленных снегом, играют в чехарду.

И все правильно: погибшим — слава, живым — жизнь.

Откопал сегодня в бригадной библиотеке толстенную книгу о жизни Леонардо да Винчи. И первое, что бросилось в глаза, — его собственное четверостишие:

О, как молодость прекрасна,
Но мгновенна. Пой же, смейся!
Счастлив будь, кто счастья

хочет,
И на завтра не надейся!

Стихи очень понравились ребятам, вероятно своей обшей залихватской установкой: «Все трын трава!» И все-таки они лгут: жить без «завтра», без надежды, без мечты — нельзя.

Вот что рассказал мне сегодня штурманский с «двойки» Анатолий Митюнин (постараюсь записать так, как услышал).

«Говорят, самое страшное — это подвергаться смертельной опасности. Понятно: кому же охота умирать? Но ведь и опасности бывают разные.

Одно, когда человек сидит во время бомбежки на крыше и гадает: попадет в него бомба — или нет? Крыш много, может и не попасть. Другое дело, когда тот же человек идет в атаку. Тогда он вообще не думает об опасности, сатанеет и прет с одной мыслью: добраться до врага и воткнуть в него штык. Третье — форсировать минное поле на подводной лодке. В этом случае утешает мысль, что если и погибнешь, то в доли секунды.

И совершенно иное мы пережили в прошлый раз в Сьюльте-фиорде.

Мы пропустили караван. Он проник в фиорд, когда мы уходили с позиции на зарядку аккумуляторов. Командир решил попытаться пройти в фиорд вслед за караваном. Но — не получилось: влезли в стальные противолодочные сети. Началось обычное: вперед, назад, влево, вправо, выше, ниже... И, как водится, в общей сложности — никуда. Сети держали прочно. И сколько ярусов их было — одному дьяволу да немцам известно.

Мы знали, что враг имеет привычку вешать на сети глубинные бомбы. Они могли рвануть в любую минуту. Это, конечно, было страшно. Знали и то, что сети связаны сигнальной системой с вражескими постами, и там, конечно, уже известно, какая рыбка попала в них. В этом случае они

могли взять нас живьем: спустить водолазов и «поддеть на крючок». Такие случаи в мировой практике бывали. И тот факт, что мы еще не взлетели на воздух, свидетельствовал об этом варианте.

Вот тогда-то командир и посадил боцмана в центральном посту с гранатами в руках перед открытым снарядным погребом. По его знаку боцман должен был взорвать лодку, если ее попытаются захватить.

И вот это-то и было самым страшным. Лодка тычется, как слепая, и всюду — препятствие. Время течет. А в центральном — зловещая фигура с гранатами в руках. Посмотришь в глазок — сидит. Так и хочется крикнуть: «Да бросай же ты!..»

Бросить не пришлось. Лодка вырвалась из сетей, когда, казалось, всякая надежда была потеряна. Но долго еще мы боялись поверить в это. А гранаты у боцмана пришлось силой вынимать из рук, пальцы застыли и не разгибались. Кажется, он больше всех пострадал от этого испытания. Снял фуражку — вся голова седая.

16 марта

Живешь — не замечаешь. Все кажется обычным, будничным. Потом вдруг в один прекрасный момент как прозреешь. Оглянешься по сторонам — господи, да какая же красота тебя окружает! И причудливые изломы гранитных массивов, и постоянно меняющийся в своей окраске

простор океана, и гулкие раскаты прибоя, и белые молнии чаек... Пройдет этот миг, и опять жизнь потянется привычной однообразной лентой. А хорошо бы так, чтобы этот миг не кончался, чтобы ты всегда и всюду видел, находил эту красоту, всегда чувствовал ее. Ведь красота — всюду!

Так с людьми. Кажется, изучил человека до последней морщинки. А какой-нибудь случай вдруг покажет этого человека с неведомой стороны, и засверкает он такими гранями, что глазам больно.

Вот хотя бы тот же Колька Александров, штурманский электрик «Щ-402». Сколько раз я встречался с ним в кабинете у Павлова. Парень как парень, ничем не примечательный. А случилась авария на лодке, погубившая половину экипажа, и проявились скрытые Колькины качества — замечательные качества моряка и мужественного человека: привел пострадавший корабль в базу. И сейчас, когда я встречаюсь с ним, я не могу смотреть на него без восхищения и даже какого-то внутреннего трепета. А он все такой же: болтает по пустякам и блестит глазами, когда представляется возможность «пропустить по маленькой»...

Открываю книжку о героях, гляжу на картину, изображающую какой-нибудь героический подвиг, — и неизменно вижу мощную фигуру в распахнутом на груди бушлате, плотно сжатые губы и глаза, горящие сверхдьявольским огнем.

Но ведь это же все неправда! Это в лучшем случае — шарж. Первое и постоянное качество истинно мужественного человека — скромность. Он незаметен, не лезет в глаза, а спокойно, настойчиво и верно делает свое дело. И истинный геройство, вероятно, в том и состоит, чтобы стараться как можно лучше сделать свое дело. Таков Александров, таков наш командир, таковы Новожилов, Захаров, Махов и другие члены экипажа нашей лодки.

По свидетельству Каверина, Фисанович говорил, описывая торпедирование миноносца: «...Ради бога, никакой романтики, ни одной высокой мысли, точнее — только одна: сейчас мы его хлопнем...»

Вот! А комиссар бригады вернул мне рассказ, посланный на конкурс газеты «Краснофлотец», как раз за то, что в нем было слишком много пота и крови и мало «высоких» мыслей. Где же правда? Ведь не в бесконечном же «ура!» заключается война...

17 марта

Пришел караван союзников. Весь Кольский залив загроможден большущими океанскими судами. Сразу стало тесно и оживленно, как на площади во время демонстрации.

В Росте у причала судоремонтного завода стоит канадский танкер тысяч на шестнадцать тонн. У него разворочена вся корма. Дыра такая, что можно свободно пройти на шлюпке сквозь корабль. Это — след вражеской торпеды. Такую же силу несем и мы в своих аппаратах! Жаль, что их только два на нашей «малютке»...

На причалах полно иностранных моряков, в основном англичан и американцев. Первые — какието натянутые, чопорные и задаются страшно,

вторые — веселые ребята, «свои в доску», как сказал Шестаков. На них причудливые одеяния и неизменные бороды: почему-то считается чуть ли не обязательным перед рейсом в Россию известить этим свидетельством мужского достоинства... И все заняты одним: добычей сувениров. Особенно ценятся значки ПВХО, ГСО и бляхи с матросских ремней.

Мы с Сашкой Елфимовым тихо завидуем им: счастливы, они видели весь мир!

Ванька Шестаков вчера отхватил трое суток «губы» — подрался с английским матросом. Причина — несходство взглядов на проблему второго фронта. Англичанин неплохо калякал по-русски: до войны плавал на торговом, много раз бывал в Одессе. Сначала они с Шестаковым мирно распили фляжку рому (англичанин оказался запасливым), потом, как водится, пустились в дискуссию, и вот результат.

Наше общее мнение — мало дал. В самом деле, до каких пор чужими руками жар загребать будут? Тоже мне, союзнички!

18 марта

Быстро кончаются эти несколько дней передышки. Все они уходят на ремонт и осмотр механизмов. Работаем день и ночь. Командиру приходится даже применять свою власть, чтобы удерживать особенно ретивых, готовых проводить на лодке все двадцать четыре часа суток.

И вот в этом-то, вероятно, особенность и своеобразная прелесть жизни подводника. Все мы — и офицеры, и матросы — живем в абсолютно одинаковых условиях и имеем одинаковое количество шансов абсолютно на все. От каждого из нас зависит жизнь всего экипажа; каждый прекрасно сознает это и вкладывает душу в свое дело.

Команда подводной лодки — это маленькая семья, где есть старшие и младшие, но все члены ее связаны какими-то особо прочными узами. И глава этой семьи, ее отец и начальник — командир лодки. Его у нас так и зовут: «батя», вкладывая в это слово и веру, и признательность, и любовь.

Мы вместе переживаем и смертельные опасности, и скудные военные радости, и глубинные бомбы, и победные салюты. А что может сблизить теснее, чем постоянная опасность!

Каждый член экипажа до мелочи знает всех остальных, и каждый уверен в другом. Уверенность — вот основа всего. Мне не забыть, как присматривались ко мне ребята, когда я перешел к ним с «семерки». Я понимал их тогда и не обижался за придирчивость. И какой радостью было для меня рукопожатие командира после первой атаки, первой победы, в которой я участвовал! Я помню, как заблестели глаза всех ребят, как каждый из них потянулся ко мне, чтобы сказать что-то хорошее...

Наш батя, капитан третьего ранга Константин Михайлович Колосов, — голова всему. В море, и тем более в момент атаки, мы — только исполнители его воли. Так уж устроена подводная лодка, что только командир видит цель, он один принимает решения, ведет атаку, стреляет торпедами. В доли секунды ему приходится решать самые сложные задачи, чтобы выпущенные нами торпеды настигли атакованный транспорт, а сама лодка осталась не замеченной врагом. Конечно, в ата-

ке участвует весь экипаж, и ее успех во многом зависит от того, как удержит лодку на заданной глубине боцман, как удержит ее на боевом курсе рулевой, как справятся с мгновенными ходовыми маневрами электрики, как точно — секунда в секунду — рванут заветные рукоятки торпедисты, короче — как справимся со своими задачами все мы — члены единого боевого коллектива. Но как бы мы ни старались каждый на своем боевом посту, если командир не смог правильно вывести лодку на боевой курс, если он неверно рассчитал атаку — торпеды пройдут мимо цели. Вот почему мастерство командира — основа всему. Что же касается нашего бати, то свидетельство его боевых качеств — на рубке лодки: звезда с шестеркой в центре. Шесть потопленных кораблей противника! Это надо уметь...

Но командир не перестает быть командиром

и тогда, когда поход окончен, лодка вернулась в базу и начинаются недолгие «мирные» дни. Ремонт, подготовка к новому походу, матросские радости и горести — все на нем. И надо сказать, наш батя заботится о нас, как о собственных детях. Маленькая, характерная деталь: Женька Ефремов явился на лодку из морской пехоты и не успел переобмундироваться. Константин Михайлович пришел в кубрик, хмуро посмотрел на его неприлично-зеленые галифе и, не говоря лишних слов, «переобмундировал» его в собственные флотские брюки. Это, конечно, мелочь, но из таких мелочей складывается вся наша жизнь, а в ней батя всегда один и тот же — свой, близкий, больше того — родной.

Мы твердо знаем, что он не может допустить ошибки, которая стоила бы жизни экипажу, и поэтому готовы идти за ним на край света.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

СВЕТЛАНА КУЗНЕЦОВА

Мой праздник

*Чтобы праздники справить январские,
Надеваю я серьги боярские.
Так мне надобно выйти парадно,
Чтобы стало однажды отраднo.
Я на плечи бросаю цветастый,
Ненаглядный, нахальный, глазастый,
Расписной среднерусский платок,
Тот, что в яркости алой жесток.
И, поверив рисованным розам,
Я рискованно иду по морозам.
Я ступаю легко и надменно,
Говорю высоко и отменно.
Проходя через сны наяву,
В этом празднике я и живу.*

Песенка о Беринге

*Да будет день мой с твоим днем сходен.
Да будет пухом для нас земля.
Сходи со сходен, сходи со сходен,
Сходи с большого корабля.*

*Сходи на берег, сходи на берег,
Меня в печалах не обвини.
Верни мне снова бескрайность, Беринг,
Мою утрату назад верни.*

*Верни мне радость, верни мне горе,
Не оставляй меня вновь одну.
Свези за море, свези за море,
Верни завещанную страну.*

*Да будет день мой с твоим днем сходен.
Да будет пухом для нас земля.
Сходи со сходен, сходи со сходен,
Сходи с большого корабля.*

Вопреки

*А все ж забывать нам излишне,
Что так повелось навсегда,
Когда распускаются листья,
В России стоят холода.*

*Но чем на дворе холоднее,
Чем гуще туман от реки,
Тем ветви дерев зеленее,
Порядку вещей вопреки.*

невзрачном на вид асбесте складывались легенды не менее поэтичные, чем о волшебном лунном камне.

Горное волокно, которое не горит в огне, было известно еще древним китайцам и египтянам. А в самом начале восемнадцатого столетия Европа узнала и об уральском горном льне. Возле Невьянского завода местный житель Софрон Согра нашел удивительные волокнистые камни. Гора, на которой эти камни были найдены, получила название Шелковой.

ную кудельку и поп, и мужики. И вдруг по ранней весне приехал в Ряпосову важный господин, разыскал рыбаков, уговорил их показать место забытой находки. В то же лето он снова появился в Ряпосовой, теперь уж нанял людей копать шурфы по четыре гривны за каждый.

Так в 1885 году был заявлен первый асбестовский прииск — Вознесенский.

Свойства асбеста порой неожиданны до фантастичности.

Например, волокна его настолько тон-

ШЕШТАЯ СТУПЕНЬ

С. БЕТЕВ

Молва о невьянском асбесте пошла по всей Европе, а парижские модницы той поры хвастались необыкновенными русскими кружевами, которые отбеливались не в прачечной, а на большом огне.

Но не гора Шелковая принесла миру славу русскому горному волокну.

Однажды мужики из деревни Ряпосовой, что была приписана к Белоярской волости, ехали с рыбалки, да приключилась с ними беда: слетел с колеса железный обод. Насадив обод на колесо, один из рыбаков, чтобы закрепить его, стал прямить старый гвоздь на придорожном камне. А камень-то оказался чудным: нетвердый, податливый, он под молотком обмяк, а потом и совсем распушился, превратившись в кудель.

Прихватив с собой несколько таких же камней, мужики сходили со своей диковинной находкой в село Знаменское, к попу — единственному грамотному человеку во всей округе. Однако и батюшка оказался не зело ученым, в находке разбирался не более мужичьего, однако при очередной поездке к архиерею камешки все-таки с собой прихватил и передал их в горную контору.

18

Прошел год, другой. Забыли про гор-

ки, что из них можно изготовить фильтр, на квадратном сантиметре которого будет двести миллионов отверстий! Пропущенная через такой фильтр жидкость освобождается не только от механических примесей, но и от микроорганизмов.

Или еще: миллиметровая стальная проволока выдерживает груз в двести килограммов; асбестовое волокно такой же толщины — триста.

Вот что такое асбест!

И, может быть, поэтому расчетливая природа не очень щедро оделила земной шар этим минералом. Кроме уральского, самого крупного и высокосортного месторождения, асбест есть только в Канаде и в африканской Родезии.

Но по производству его Советский Союз прочно и навсегда занял первое место в мире.

„СОПЕРНИКОВ“ НЕ ИМЕЕТ!

Современный город Асбест, который вырос на месте дореволюционной Кудельки, не похож ни на один другой город.

У огромных открытых горных разрезов, террасами опускающихся на трехсотметровую глубину, врезались в зелено-голубой лесной пейзаж белые корпуса обогатительных фабрик.

Уральский город, в котором живет всего около ста тысяч жителей, дает половину мирового асбеста. Он нужен и проектантам, которые изобретают новые корабли и автомобили, он нужен и строителям, которые прокладывают всевозможные подземные пути, строят электростанции и города, потому что асбест — это еще и прекрасная крыша для дома.

Горные карьеры Асбеста дают руду и богатую, и бедную. До сих пор техническое оснащение обогатительных фабрик позволяло брать в переработку руды только с повышенным содержанием минерала. Поэтому близости от карьеров выросли гигантские гряды отвалов. Двенадцать миллионов тонн руд сбрасывались ежегодно в эти отвалы, а вместе с ними — и триста двадцать тысяч тонн чистого асбеста. Так было, но с этим расточительством будет покончено на шестой обогатительной фабрике.

Шестая обогатительная не имеет и, вероятно всего, не будет иметь «соперников» среди асбестовых предприятий ни по мощности, ни по техническому совершенству.

...Огромный корпус первой и второй стадии дробления — начальный пункт движения руды. Его высота равна пятнадцатизатажному дому. Но у этого корпуса, оказывается, есть еще и подземная часть — гигантский бетонный колодец, в который можно упрятать еще один такой дом. Железнодорожные платформы с рудой войдут в корпус, разгрузятся и руда лавиной хлынет вниз, через два яруса дробилок и грохотов. Там, на самом дне «колодца», мощные конвейеры подхватят ее, вынесут по наклонной галерее из подземелья, поднимут еще выше и подадут на самый верх следующего сооружения — корпуса третьей и четвертой стадии дробления.

И снова рудная лава устремится вниз через два яруса дробилок и грохотов.

В конце этого пути каменные глыбы превратятся в мелкий щебень и крошку.

Такое каскадное расположение дробильного оборудования позволило вдвое сократить число промышленных корпусов.

Один быстроходный конвейер, соединяющий два новых корпуса, заменил четыре малопроизводительные элеваторные установки.

...После дробления каменный поток будет подхвачен конвейером и по следующей галерее он попадет на верхнюю отметку третьего — сушильного — корпуса. Отсюда рудный концентрат поступит на специальные склады, из которых ему только один путь — в главный корпус обогащения.

Корпус обогащения, на который работают все другие, — наиболее сложное и самое важное сооружение всего промышленного комплекса. Это почти правильный куб, подпирающий своей крышей голубое небо на семидесятипятиметровой высоте. В его недрах скрыто также два каскада из четырех тысяч механизмов. Дробильные аппараты и здесь продолжают мельчить поступающий со склада рудный концентрат, грохоты выталкивают на каменную гальку волокна асбеста, а мощные вентиляторы тут же отсасывают их и передают по назначению — на склад готовой продукции.

Таков путь руды на фабрике. Пропустив ее через свой сложнейший организм, фабрика не только выдаст триста двадцать тысяч тонн асбеста, но и отправит стройкам страны полторы тысячи железнодорожных составов щебня и вырабатывает сотни тысяч тонн толерубероидной гали.

Управление всем фабричным хозяйством сосредоточится в двух диспетчерских пунктах: один из них возьмет на себя контроль за дроблением и сушкой руды, другой — за обогащением.

Дежурные инженеры будут видеть на телевизионных экранах, как работают наиболее ответственные установки, сигнализация постоянно будет оповещать их о работе каждой машины. Автоматическая блокировка исключит опасность аварии в случае выхода из строя какого-либо аппарата.

Сто семнадцать тысяч рукавных фильтров заберут от механизмов нагретый пыльный воздух и, очистив его, вернут в помещение, впервые в практике

**ДАЕМ
АДРЕСА
РОМАН-
ТИКАМ**

асбестовой промышленности обеспечив теплом корпус обогащения. Всей этой автоматизированной системой снабжения воздухом и его очисткой будет руководить программирующее устройство.

Директор фабрики получает прямую телефонную связь со всеми производственными участками, начальники цехов будут пользоваться еще и собственной, автономной, связью; даже стропали и крановщики смогут координировать свои действия по радио.

Казалось бы, что может быть особенного в таком простом, даже примитивном понятии, как склад готовой продукции? А проектанты шестой доказали, что и здесь для творчества — широкий простор. На складе строящейся фабрики определять сортность асбеста будут машины, они же без вмешательства человека передадут определенные порции волокна на брикетирование. Машины же уложат брикеты в правильные штабели, а с прибытием железнодорожного состава — в вагоны.

Пару слов о брикетировании... Оно заменит собой расфасовку асбеста в мешки. Это, в свою очередь, повлечет за собой лучшую загрузку вагонов, сократит их потребность почти на треть. Зная, что фабрика будет отправлять потребителям больше ста тяжеловесных железнодорожных составов, не трудно представить, сколько денег сэкономится только на одной перевозке.

ВЫСОТА ВВЕРХ И „ВЫСОТА“ ВНИЗ

Монтажники — самые популярные люди на стройке. Я особенно глубоко почувствовал это при встрече с начальником управления треста «Уралстальконструкция» Германом Яковлевичем Гришиным.

Он недавно закончил Уральский политехнический институт, но до Асбеста успел уже поработать на строительстве Западно-Сибирского металлургического комбината. Нетороплив в движениях, несколько медлителен в разговоре и безосшибочно чувствует, когда я что-то не понимаю. Тогда он берет лист бумаги, делает три-четыре линии — и передо мной возникает предельно ясный и простой чертеж.

— Интересная стройка, — медленно говорит он. — Необычная, начиная с проекта. Мы монтировали все корпуса. Но с таким, как корпус обогащения, наш трест столкнулся вообще впервые. И главное — эта высота...

Высота! Сколько раз я слышал это слово и от молодых, и от зрелых людей, от простых рабочих и от маститых инженеров, изъездивших свою жизнь по стройкам!

— Как решить высоту семьдесят пять метров?!

Герман Гришин берет один лист бумаги, другой, уверенно чертит линию за линией, а передо мной возникают контуры корпуса обогащения

Высота — семьдесят пять метров. Башенные краны при максимальном подъеме стрелы не достигают этой высоты по меньшей мере метров на десять. Десять метров — это трехэтажный дом!

А монтировать корпус надо. После головоломных поисков рождается простая мысль: краны наростить. Мысль простая, а решить ее технически невероятно трудно. Проект измененного крана пришлось согласовывать и в проектных институтах, и в техническом надзоре, вплоть до Москвы.

Соорудили три таких крана. Продумали их расстановку, движение — это тоже не просто: корпус-то сплошной куб!

Решили и эту задачу, но тут же столкнулись с новым препятствием: краны, способные преодолеть высоту, не смогут решить проблемы времени. Металлоконструкция поползет вверх пять-семь минут. За час — четыре подъема, за смену — двадцать восемь, за сутки — восемьдесят. Не больше, хоть лопни! А кран должен делать триста, четыреста подъемов!

Только так, иначе безнадежно летят в тартарары все допустимые сроки монтажа. Что делать?

Снова мучительные поиски. И снова один-единственный выход, но опять не опробованный ни на одной стройке: вести сборку на земле и поднимать уже не детали, а блоки. Корпус обогащения — это сотни металлических клеток, сваренных воедино. Их можно варить наверху, но можно и на земле...

Считали, пересчитывали, снова считали...

Конструкторы предложили схемы рам-шаблонов, своеобразных кондукто-

ров, в которых быстро сваривались бы на земле блоки.

Наконец с помощью особого траверза потащили наверх первую махину. Встала на место точно!

А когда началось строительство корпуса первой и второй стадии дробления, снова возникла проблема высоты, на этот раз отрицательной. Как соорудить подземную часть здания, тот самый гигантский колодец, в который можно упрятать пятнадцатизэтажный дом?

Решение выбрали трудное: опустить колодец в землю, не делая обычного котлована. Поставили в центр будущего сооружения экскаватор. Вокруг него подняли двухметровое бетонное кольцо. Экскаватор вынимал грунт, грузил его в большой железный контейнер, а подъемный кран вытаскивал контейнер наверх. Бетонное кольцо под собственной тяжестью садилось в землю все глубже и глубже. Потом его наращивали, а экскаватор продолжал свое дело.

Когда сооружение достигло своей проектной отметки, экскаватор разобрал, и тот же подъемный кран, который поднимал землю, вытаскивал землеройную машину из бетонной пятидесятиметровой трубы по частям.

Казалось бы, все не так уж сложно.

Да. Но, если принять во внимание, что бетонный цилиндр весит пятьдесят тысяч тонн, что стоит он больше миллиона рублей и что малейший его перекос при посадке мог свести насмарку всю работу,— картина предстает совершенно другой.

...В последний день пребывания на стройке я пробирался в объединенный штаб управлений треста «Союзшахтоспецмонтаж», расположившийся у самого подножья громады корпуса обогащения. Я миновал яркий щит с надписью «Опасная зона» и очутился в тишине, так несвойственной новой стройке. И вдруг я услышал, как кто-то высвистывает мотив веселой песенки. Я стоял под самой высокой, двадцать третьей галереей, по которой рудный концентрат пойдет в обогащение.

Галерея еще не дотянулась до корпуса. Ее ажурные конструкции повисли на пятидесятиметровой отметке, не достигнув следующей опоры. И вот там, едва различимый в сплетении металла, для безопасности прицепившись к чему-то цепями, работал паренек в желтой яркой

каске. Он переставал насвистывать только тогда, когда возле него вспыхивала молния электросварки. Потом ветер снова доносил оттуда свист.

Видимо, очень хорошо и уверенно чувствовал себя на высоте этот паренек— один из шести тысяч романтиков, которые возводят асбестовский гигант.

А БУДЕТ ЛИ СЕДЬМАЯ?

Было еще в Асбесте две самых коротких встречи, которые, однако, запомнились.

С заместителем директора комбината «Ураласбест» Львом Моисеевичем Ременником разговор начался с моего вопроса:

— Правда ли, что город Асбест стоит на руде?

— Не совсем,— ответил он. И пояснил:— Проект разработки месторождения, который мы осуществляем, рассчитан на восемьдесят лет. Сейчас рудные карьеры углубились на сто тридцать метров, а асбест залегают до шестисот восьмидесяти. Поэтому не исключено, что где-то в будущем старые две фабрики и часть города попадут в контур разработки.— И тут же воскликнул:— Но ведь это прекрасно! Исчезнут остатки старого Асбеста, а вместо старых фабрик вырастет новая— седьмая, совершенная, с мощностью несравненно большей, чем прежние вместе взятые. Скажу больше: проектное задание на седьмую уже есть... А волокна здесь много. Геологи утверждают, что оно не кончается даже на тысячеметровой отметке...

Таковы рудные горизонты Асбеста.

Разговор о будущем продолжился в кабинете директора Всесоюзного научно-исследовательского института асбестовой промышленности Григория Яковлевича Лисина.

— К восьмидесятому году,— сказал он,— стране потребуется асбеста вдвое больше, чем сейчас. Видимо, проект придется пересматривать...

— А будет ли седьмая?

— А почему бы и нет? Асбест очень нужен. Химия старается найти заменители, но асбест пока заменить ничем. Поэтому богатые уральские месторождения были и еще надолго останутся важнейшими в мире. Важнейшими и лучшими!

1799-Й РАБОТАЛ НА РЕВОЛЮЦИЮ

ЗНАКОМЯСЬ с архивными материалами второй половины восемнадцатого года, когда в Оренбурге хозяйничали дутовцы, я наткнулся на записку коменданта Оренбургского телеграфа:

«Обратите серьезное внимание на 1799 провод, работайте осторожно, — предупреждал дутовский связист своих челябинских коллег. — Не передавайте секретных военных депеш... По 1799 проводу где-то включен подземный кабель. Возможно, что наши секретные депеши перехватывали».

О том, что на телеграфе умело действовали большевики-подпольщики, я слышал и от старых оренбургских связистов, но узнать фамилию хотя бы одного героя долго не удалось.

Но вот однажды от бывшего артиллериста 3-й туркестанской батареи Николая Гавриловича Багрова прослышал я о предсмертном письме расстрелянного дутовцами телеграфиста Харченко. В областном краеведческом музее мне показали это письмо.

«...Сижу в одиночной камере Оренбургской городской тюрьмы. Через несколько часов дутовская банда меня расстреляет. Прошу у того, кто найдет мое истерзанное, замерзшее тело, известить моих родных и передать им, что я пал беззащитным от палачей дутовских...»

И снова поиски в архивах, встречи с ветеранами, переписка, расспросы. Постепенно по крупницам и деталям складывался образ опытного подпольщика Василия Харченко, оказавшего неоцененную услугу командованию красных войск, сражавшихся на Оренбургском фронте.

...Василий попал в родные

оренбургские степи с летучим отрядом мичмана Сергея Павлова, сформированным из моряков Балтийского флота. В студеное январь 1918 года вместе с другими матросами Василий освобождал Оренбург от дутовцев. Но вскоре после этого заболел моряк.

Отлежался в лазарете, а потом по совету товарищей уехал набираться сил к родителям под Сараташ, на хутор Перво-Дмитриевский.

Тут и застала его весть о том, что Оренбург вновь захвачен дутовцами. А скоро за ним в поле, где он с отцом косил пшеницу, прискакали казаки. Под конвоем пригнали Василия в город. Думал — в тюрьму, а оказалось — на службу. Дутовцам позарез нужны были связисты: узнали они, что Василий имел дело с телеграфными аппаратами.

Старательно работал телеграфист Харченко, неутомимо отстукивал ключом точки и тире. На всякий случай запоминал наиболее важные сведения из передаваемых телеграмм. Все это пригодилось, когда на городской окраине, в Нахаловке, он встретился с одним из руководителей Оренбургского подполья Михаилом Николаевичем Бурзянцевым.

С помощью Харченко подпольщики вначале просто срывали связь, заземляя телеграфные провода, а затем подключились к 1799 проводу. Отныне многое из того, что передавалось по телеграфу из штаба Дутова в ставку Колчака попадало в руки подпольщиков и через разведчиков переправлялось в Актюбинск, в штаб Туркестанского фронта. Так стало известно о готовящемся наступлении дутовцев на Орск.

Работать было невероятно

трудно. Одна за другой рушились связи. Вскоре был расстрелян М. Н. Бурзянцев, погибли в дутовских застенках многие другие большевики, работавшие в подполье. На телеграфе стали дежурить офицеры из контрразведки. За телеграфистами установили слежку. Бессонными стали ночи — ждал ареста и Василий. Но его не брали. Харченко работал так осторожно и тонко, что дутовцы долго не могли заподозрить этого молчаливого и исполнительного телеграфиста.

Беспокойные телеграммы с фронта свидетельствовали о том, что красные отряды с упорными боями подступают с двух сторон к Оренбургу. И как раз в это время Василию принесли для срочной передачи приказ о контрнаступлении, подписанный начальником штаба полковником Левицким. Харченко привычно застукал ключом. Точки, тире, точки складывались в слова. На ходу изменяя текст, телеграфист передавал белоказачьим полкам приказ «отойти с занимаемых рубежей для выравнивания линии фронта».

Телеграмма сработала, и части Туркестанского фронта почти без потерь захватили важные рубежи, оставленные дутовцами.

Василий пытался бежать из Оренбурга, но был схвачен и избит до полусмерти, а в конце декабря 1918 года дутовцы расстреляли его. В кармане его гимнастерки товарищи нашли письмо, написанное химическим карандашом. А через месяц, в январе 1919 года, в город вступили красные полки Туркестанского фронта и Первой Революционной армии Гая.

В. АЛЬТОВ

«ВО ГЛУБИНЕ

СИБИРСКИХ РУД»

 НА
ПРИЗ
НАШЕГО
ЖУРНАЛА

... Дорога декабристов, дорога тысяч и тысяч политкаторжан — борцов за светлое будущее России. Она проходила по нашей Пермской области. Поэтому не случайно, включившись во Всесоюзную экспедицию следопытов «Из искры возгорится пламя», мы выбрали тему «Во глубине сибирских руд...» Четырнадцать отрядов города Краснокамска участвовали в первом походе по Сибирскому тракту. Мы провели тридцать встреч со старожилыми сел и городов, записали их рассказы, воспоминания о дореволюционном времени.

Был собран большой материал об истории тракта. Мы взяли самое интересное из всего, что разыскали и записали наши ребята, и посылаем на суд читателей «Уральского следопыта».

Следопыты Краснокамска

*
*
*

Старый Сибирский тракт... На многие тысячи километров тянется он с запада на восток. До прокладки железной дороги тракт был единственным путем, связывающим Россию с Сибирью. С незапамятных времен его начали строить русские люди, продвигаясь на Урал, Сибирь и Дальний Восток.

Первый этап этого продвижения — присоединение «Перми Великой» к Московскому государству в 1472 году. «Государева» дорога шла тогда из Москвы на Вологду, через Великий Устюг на Соликамск, Чердынь. С 1580 года дорога прошла на Омск и далее через всю Сибирь до китайской границы. Строили ее не только промышленные люди, служивые, но и государственные крестьяне, в том числе коми-пермяки, русские, удмурты.

Тракт проходил по малонаселенной местности, по дремучей тайге, через реки и крутые горные перевалы. Для нормального движения по «государевой» дороге через каждые 20 верст ставили «ямы», где хранилось продовольствие, корм для лошадей. Недалеко от ям жили обслуживающие дорогу «ямщики». Они перевозили чиновников и государственные грузы от ямы до ямы.

В первой половине XVIII столетия уральские заводчики начали прокладывать путь от Казани до Перми. Сибирский тракт стал еще более оживленным местом. По нему бесконечным потоком шли обозы с китайским чаем, ивановским ситцем, изделиями тульских и уральских умельцев, сибирскими мехами, которые сбывались на ярмарках Европы. По данным 1860 года по тракту ежегодно перевозилось до 20 тысяч пассажиров, до 18 тысяч арестантов, свыше 3 миллионов пудов груза.

Старожилы помнят, как золото из Сибири

до Москвы переправляли. Везли его обычно на 5—7 подводах. Того, кто попадал на пути, немедленно сгоняли с дороги и избивали. В народе говорили, что по тракту бегала «золотуха». «Золотуха» проезжала по тракту много раз и все-таки, как ни охраняли хорошо ее, была несколько раз ограблена». (Кулешов Григорий Васильевич, деревня Ключи, Суксунского района).

К 1900 году значение тракта снизилось, так как закончилось строительство железной дороги до Владивостока.

Екатерине Семеновне Максимовой 85 лет.
Она вспоминает...

Кое-где на тракте до наших дней сохранились широкие, густые кроны вековых берез. Соединившись верхушками через всю ширину шоссе, они образуют зеленый туннель. Деревья эти имеют свою историю. Как-то по тракту проезжала Екатерина II. Был он грязным и неблагоустроенным, места дикие, смотреть не на что. Царица распорядилась посадить березы по обеим сторонам дороги на всем ее протяжении.

Каждой семье в деревнях выделили участок, на котором надо было вырастить деревья.

«Мы помним рассказы наших стариков о том, что хозяину двора нужно было посадить березы и за ними ухаживать — поливать, огораживать; а если кто плохо ухаживал, тех поролли розгами» (Кузнецова И. Н. из деревни Б. Чепша).

В селе Дуброво, если березы у хозяев не отрастали, то последних наказывали плетью на скамейке у церкви.

Со старым трактом связана история ссылки многих поколений лучших людей России в далекий Сибирь. На протяжении 250 лет он видел море народного горя и слез. Большими партиями, человек по 200—300, закованные в кандалы, шли люди на вечную каторгу. Но они не теряли веру в светлое будущее. «И чем ужаснее ад теперешней жизни, тем яснее и громче я слышу вечный

гимн жизни, гимн правды, красоты и счастья... Жизнь даже тогда радостна, когда приходится носить кандалы», — писал своей сестре из ссылки Ф. Э. Дзержинский 2 июня 1914 года.

Изнурительные переходы не прекращались даже зимой. Многие в дороге гибли. За арестованными шли подводы, подбравшие умерших.

Вот еще маленькие отрывки из воспоминаний старожилов, с которыми мы встречались в походах:

«Дед мой был горнистом, а затем барабанщиком в царской армии. Служил в Перми, а затем был переведен на службу конвоира на этапе от Кленовки до Большой Сосновы. Заключенных гнали грязных, голодных. Все они были скованы цепями друг с другом. Цепи надевались на ноги возле шиколотки и цеплялись за пояс. Когда заключенные шли, то задевали цепью о цепь, и за километр был слышен «звон кандалный».

Заключенных провожали на подводах семьи. Население встречало узников: кто хлебом, кто одеждой помогал». (Пермяков Александр Александрович, деревня Клиновка).

«Ссылные в Сибирь останавливались лишь через 20—25 километров: в Перми, Наяново, Яныгах. На них одеты цепи, скованы попарно. Одна рука у каждого свободна. Цепи шли к поясу, от пояса к ногам. Скованы были умеренно, чтобы шаг у всех получался ровный. Сзади волочились деревянные колодки. Одеты мрачно: одежда брезентовая, серого цвета.

Семейные в Сибири обосновывались. Одиночки пытались бежать с вечного поселения, их ловили и возвращали обратно. Группы арестованных были различны, иногда человек 20, а иногда растягивались на полкилометра.

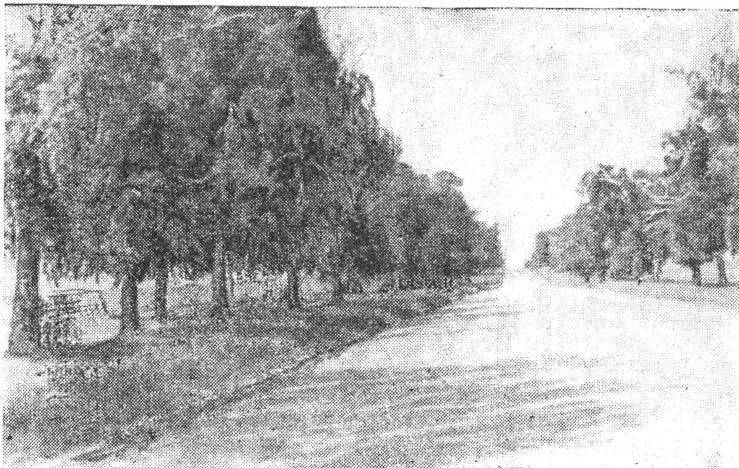
Охрана усиленная, особенно для политических. Было и так, что одного охраняло несколько человек.

Население помогало арестованным чем могло — это не воспрещалось. Подаяния складывали на обозы, шедшие сзади, а иногда удавалось отдать прямо в свободную руку. В пересыльных пунктах от населения принимали все без ограничения». (Старожилы Кукуштана).

«Арестованные шли в одинаковой тюремной одежде. В Кунгуре был перевалочный пункт, где ссылные отдыхали. В те времена тут была тюрьма. Около тюрьмы стоял своеобразный ящик — кормушка, в который местные жители складывали подаяния. Конвойные вынимали приношения и выдавали заключенным, самим брать не разрешалось». (Болотов Михаил Васильевич, город Кунгур).

...Далеко остались позади мрачные страницы истории Сибирского тракта. Ушла в прошлое и почти забыта старинная русская песня «Колодники». Поколение сменяется поколением, но люди помнят о тех, кто шел на смерть во имя счастья и свободы людей, боролся и умирал за светлое будущее. Ныне Сибирский тракт — дорога из центра страны в сказочно богатую Сибирь.

Сибирский тракт.

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

Недавно клубу юнкоров и следопытов имени Ю. Фучика в городе Санчурске Кировской области исполнилось семь лет. Прошедший год у ребят был особенно интересным. Провели операцию «Солдаты революции», встречались с участниками Октябрьской революции и гражданской войны. Были в походе «По дорогам трудовой и боевой славы наших отцов». Собирали материалы о Вятском интернациональном отряде. Пополнили «Страницы Ленинианы» новыми воспоминаниями людей, видевших В. И. Ленина. Участвовали в конкурсе «Пионерской правды» на лучшую стенгазету юнкоров и заняли одно из первых мест. Организовали в школе выставку рисунков чешских ребят. Завязали переписку с юными героями Вьетнама.

* * *

В прошлом году в школах Татарии было открыто 97 музеев Владимира Ильича Ленина, 86 музеев боевой славы и 60 краеведческих. В 452 населенных пунктах установлены памятные обелиски землякам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны. 153 улицы названы именами героев.

* * *

В годы гражданской войны рабочие города Шауляй по призыву ЦК Коммунистической партии Литвы сформировали добровольческий полк. Он влился в Интернациональную дивизию Красной Армии и сражался на многих фронтах. Спустя почти полвека молодые рабочие Шауляя вместе с ветеранами полка совершили поход по местам былых сражений.

* * *

В юбилейном году комсомольцы Московского завода «Красный Октябрь» вместе с учащимися подшефных школ провели 50 походов по дорогам славы отцов. Они установили и реставрировали пять памятников погибшим героям, открыли три музея боевой славы.

* * *

Следопыты школы № 38 города Грозного ищут историю 308-го мотострелкового полка. Они разыскали больше двухсот бывших бойцов и офицеров полка, ведут с ними переписку, устраивают встречи.

Задумывались ли вы над тем, что бы произошло, если бы вдруг исчез язык, с помощью которого люди понимают друг друга? А ответ один—произошла бы всемирная катастрофа. Исчезновение языка оказалось бы столь же губительным для человечества, как исчезновение воздуха. Наш язык — это наша мысль, наш разум. Самая главная его задача — передача мысли от одного человека к другому. А самое главное средство для выполнения этой задачи — слово.

Слово, произнесенное, услышанное, написанное, — оно с нами всегда: в труде и в покое, в горе и в радости, в будни и в праздник. Оно — хранилище многовековой культуры человечества, кладовая мудрости веков. И если бы язык вдруг исчез, то исчез бы весь опыт человечества. К счастью, этого не может случиться. Язык непрерывен, бесконечен, пока существует человек на Земле.

Что же такое слово? Это единица языка, или, как говорят ученые, знак языка. Любое предложение состоит из таких знаков: «Я пойду сегодня в кино», «Вот идет трамвай», «Повторение — мать учения»...

Каковы свойства знаков, которые мы ежедневно употребляем, чтобы говорить?

Многим кажется, что предметы называются так, как им «пола-

гается» называться всегда. Стол это стол, труба это труба, кот это кот — и никак иначе; выходит, что слова и предметы навечно «склеены» между собой и друг без друга просто немислимы. Так ли это?

Возьмем для примера слово город. По-немецки город — **штадт**, по-английски — **сити**, по-французски — **вилль**. Почему один и тот же тип поселения называется по-разному? Нельзя ли предположить, что какое-то одно из этих названий лучше других? Нет, нельзя. Каждое из слов — город, штадт, сити, вилль — одинаково хорошо для обозначения города в том языке, которому оно принадлежит.

И еще интересное обстоятельство. Один и тот же предмет даже в одном языке может называться по-разному: дорога и путь, лошадь и конь, кавалерия и конница, грот и пещера. Это известные всем синонимы. Если бы у каждого предмета было всегда одно, лишь ему принадлежащее имя, то, во-первых, не было бы различных языков, а был бы один всемирный язык, а, во-вторых, — синонимы были бы невозможны.

Однако мы видим, что языков на свете очень много (ученные насчитывают их на нашей планете более трех тысяч) и что синонимы — очень частое, вполне обычное явление в языке. Что же из этого следует?

То, что знаки языка произволь-

ны от рождения. Это одно из важнейших свойств языкового знака, слова. Человеческие языки складывались в разных уголках земного шара, поэтому одни и те же предметы получили разные наименования: русскому слову **гора** соответствует немецкое **берг**, латинское **монс**, турецкое **тау**, японское **яма**; **собака** называется по-немецки **хунд**, по-французски — **шьен**, по-литовски — **шуо**, по английски — **дог**. Примеров можно привести бесчисленное множество.

Дело в том, что у предметов нет своего, «природного» имени. Все предметы названы людьми, а сама природа в названиях не нуждается. Какое дело камню или дереву, называют его как-нибудь или нет?

Людям же необходимо различать предметы и явления, с которыми они сталкиваются в жизни, и они дают им названия из разных сочетаний звуков.

В глубокой древности, когда создавались языки отдельных групп людей (родов), человечество было очень разобщено, рассеяно по колоссальным просторам материков. Поэтому языки получались разными, непохожими. И не только звуки разных языков не похожи друг на друга, но и те признаки, которые «называют» предмет. Предмет может оказать разное впечатление на разных людей. Одним покажется интересным одно, другим — другое.

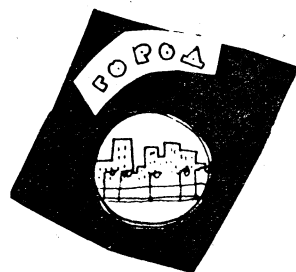
Вот, например, увидел человек птичку, прыгающую зимой по снегу. Все птицы осенью улетели на юг, а эта — нет. Да и птичка-то какая красивая! Щечки и грудка — ярко-красные, огнем горят! Просто огонь на снегу! Поразило это человека, и дал он этой птичке имя **пиррула**, что значит полатыни «огонек». В другой стране и в другое время человека удивила смешная, подпрыгивающая походка этой птички, и он назвал ее **гумпель**, **гимпель** — попрыгунчик (от древнегерманского глагола **гумпен** — прыгать); русский человек назвал эту пташку **снегирем**, а серб — **зимовка**, так как она прилетает зимой. Француз дал ей несколько странное имя — **буврей**, что значит «пастушок» (будто бы снегيري сопровождают стада скога; не знаю, правда это или нет). И-ак, в древнем Риме — **огонек**, в средневековой Германии — попрыгунчик, во Франции — пастушок, в Сербии — зимовка, а у нас — снегирь. Таким образом, мы дошли до тайны названий. Человек подмечает у предмета какой-то признак (не обязательно главный, а просто чем-то выделяющийся, бросающийся в глаза) и делает этот признак как бы «представителем» предмета в целом. Человек как бы наклеивает на него ярлык и притом так прочно, что его уже не отодрать.

Попробуйте заменить какое-нибудь слово русского языка своим собственным знаком — ничего не выйдет! Не понравилось мне, допустим, в русском языке слово **стол** и захотел я заменить его новым сочетанием звуков — допустим, **кры-бры**. И вот прихожу я в мебельный магазин и спрашиваю: «Есть ли у вас раздвижной полированный кры-бры?». Продавец, наверно, подумает, что я сумасшедший или иностранец. Или я спрошу у товарища: «А почему у тебя новый кры-бры чернилами залит?» — «Какой кры-бры?» — «Да этот, на четырех ножках!» — «Какой же это кры-бры! Это же стол! Ты, наверно, нездоров сегодня!». Словом, где бы я ни пытался привить свое словечко, всюду бы встретил отпор. В чем дело? Почему мое новшество люди не желают принять? Ведь сочетания звуков, составляющие названия, — свободны, произвольны?

Оказывается, свободны они не совсем и не всегда, а только в самый первый момент, при начальном наименовании. Для огромного большинства предметов этот момент прошел тысяче-

тия назад, и наименования настолько укрепились в языке, что кажутся неотделимыми от предметов. Слова: небо, земля, брат, стол, пять, десять, видеть, жить и множество других обслуживают сотни миллионов людей, и если эти слова заменить другими, то придется переучивать всех людей, пользующихся ими. А это затея никчемная. Слова, верно служившие нашим предкам, отлично

не являются абсолютно новыми. Они всегда содержат связь со старым. Когда мы познаем что-нибудь неизвестное, мы всегда сравниваем его со старым, уже известным. Таков путь человеческого познания вообще. Когда появилась, например, новая сельскохозяйственная масляная культура с соцветием, вращающимся вслед за видимым путем солнца, люди назвали ее подсолнечник.

служат и нам. Поэтому всякий поспешный «новатор» просто не будет понят обществом, и ему придется отступить. Тогда он, хватаясь, как утопающий за соломинку, за новые, только что изобретенные предметы, у которых еще нет имени, может воскликнуть: «Вот тут-то я применю свое кры-бры!» Изобрели, допустим, люди летательный аппарат вертикального взлета, а он уж тут как тут: назовите его кры-бры! А ему в ответ: «Нет, гражданин! С какой стати мы его так нелепо называть будем? Пусть он лучше называется вертолет! Всем понятно и красиво!» И он умолк.

Оказывается, и новые слова, обозначающие новые предметы,

Когда изобрели деревянную посудину с дырчатыми выступами для дужки, то по этим выступам, отдаленно напоминающим уши, ее назвали ушат. Человечество не допустит никакого произвольного слова в языке.

Но «крыбрыльщик» не унимается. Он возражает так: «А на какое слово опирается, например, слово сахар? Или арбуз? Или уют? Или кофе? Или карандаш? Где их обоснования? С чем они связаны? Разве это не «кры-бры», только в иной звуковой оболочке?»

Нет. Все эти слова, хотя и не являются русскими по происхождению, имеют «точки опоры» в тех языках, откуда они пришли в наш язык: сахар — из индийско-

го сахара — «песок»; арбуз — из персидского **харбуза** — «ослиный огурец»; утюг — из турецкого **ютю** — «горячий»; кофе — из арабского **кахва** — «кофейный куст»; карандаш — из турецкого **караташ** — «черный камень». Любое заимствованное слово также опирается на какой-то первоисточник, и произволу здесь не место.

Правда, у кры-бры остается

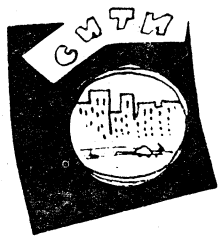
Они необъяснимы с точки зрения современного языка, многие из них трудно объяснимы даже из далекой истории языка. Но все равно можно предполагать, что и такие слова когда-то имели оправданную точку, мотивировку (так, слово дом происходит от древнего корня до или де, означавшего «строить»). К сожалению, происхождения всех слов выяснить не удастся, да и вряд ли ко-

«Позвольте! — скажете вы. — А самые первые слова откуда взялись?» И в этом случае мне ничего не остается делать, как сдаться на милость победителя, то есть кры-бры. Первые слова как раз могли быть произвольными, развившимися из животных криков обезьян. Но эта эпоха отстоит от нас так далеко, что просто невозможно догадаться, что это были за слова. Если мы возьмем языки даже самых отсталых народов (например, австралийцев), то они тоже продукт столь же длительного развития, как и наш язык. Они так же далеки от исходного полуживотного рева и нерасчлененного мычания, как и русский. Когда, на каком отрезке времени появились первые человеческие слова — сказать невозможно. Можно лишь предположить, что они возникли в процессе общего труда людей. Первые языковые знаки были произвольны, но поскольку они были приняты в употребление обществом, коллективом, они перестали быть таковыми. Это важнейший вывод. Древнейшие слова послужили базой для развития словаря, для его последующего обогащения. Количество их росло, изменялись их значения, словарь становился все более гибким, совершенным. Он отражал громадные успехи человеческого сознания, осмысляющего мир.

Новых слов, не находящихся ни в какой связи со старыми, невозможно ввести в оборот даже самому выдающемуся поэту, писателю, оратору, общественному деятелю. Языковой знак (слово) знает лишь один закон — закон традиции, передачи из поколения в поколение. И каждое нарушение традиции встречает коллективный могучий отпор. Кроме того, знаков в языке очень много (в русском языке не менее 200 000 слов) и взаимоотношения между ними очень сложны. Это удивительно тонкая и точная система, предельной надежности механизм, противодействующий всяким кры-бры, всяким произвольным скачкам на язык.

В. ЖИТНИКОВ,
кандидат филологических наук.

Рисунки Ю. Григорьева

еще одно убежище. В любом языке есть так называемые непроизводные слова, такие, которые не произведены ни от каких других слов, например, местоимения: я, ты, мы, вы; числительные — два, три, шесть; существительные — путь, сын, дом и другие.

гда удастся, — очень уж в древние и темные эпохи уведат нас их истоки. Но вся история языка показывает, что нет немотивированных, произвольных слов. Каждое новое слово происходит от старого, и никакому неожиданному кры-бры здесь не место.

ОЗЕРО МИФИЧЕСКОГО ДРАКОНА

Если туристские тропы приведут вас в южнобашкирские степи и вы остановитесь в Кумертауском районе, то не забудьте побывать на реке Шайтан-елга: безусловно останетесь довольны.

Шайтан-елга имеет длину примерно 40—45 километров. Она берет начало неподалеку от деревни Верхнее Муталово, протекает у горы Таштау, а далее течет на юг и ниже деревни Якупово впадает в реку Куюргазы.

Долина Шайтан-елги особенно интересна у горы Таштау. Гора эта сложена гипсовыми породами и сплошь испещрена различного размера карстовыми воронками. Она возвышается западнее Шайтан-елги, а к востоку от этой реки простираются широкие луга с пышной растительностью. Карстовых воронок много не только на Таштау, но и в долине реки. Они здесь тянутся друг за другом в виде цепочки мелких озер.

Самое примечательное и наиболее крупное из них—Убыркуль.

Если вы знаете башкирский язык, то непременно скажете—какие странные названия. Ведь Убыркуль обозначает «прожорливое озеро», а Шайтан-елга—чертова река.

Но названия не случайны. Многочисленные карстовые провалы вызывали у древних башкир суеверный страх. В окрестностях озера Убыркуль на глазах у местных жителей часто возникали новые провалы, в которые иногда попадали животные и даже люди: как его после этого не назвать «прожорливым»?

Профессор Г. В. Вахрушев причину этих явлений объяснял так.

Шайтан-елга в районе деревни Верхнее Муталово протекает вдоль трещины разлома земной коры. По этой трещине правый берег реки поднялся, а левый опустился на несколько сот метров. На правом берегу Шайтан-елги возникла гора Таштау, сло-

женная древними кунгурскими гипсами, а на левом—впадина, заполненная молодыми мезозойскими и третичными отложениями. Новые карстовые провалы вдоль трещины вызваны тем, что здесь и по сей час продолжают горнообразовательные процессы. А то, что в русле Шайтан-елги и в озере Убыркуль есть много глубоких омутов, говорит, что под современной долиной этой реки имеются подземные потоки, которые растворяют и размывают гипсы. Потолки возникающих при этом подземных пустот часто не выдерживают собственной тяжести и обваливаются, в результате чего на поверхности земли возникают провальные воронки, а в русле речки—глубокие омуты.

Провалы земли, новые карстовые воронки, новые озера... Именно они связаны с бытующей в этих краях странной легендой о якобы жившем когда-то в Убыркулье страшном существе—«аждахе» (драконе).

СТЕПНАЯ ЛЕГЕНДА

В деревнях, расположенных близко к озеру Убыр-куль, старики могут рассказать вам эту легенду и сейчас. А я, уроженец деревни Верхнее Муталово, услышал ее еще много лет тому назад.

...Это было в годы войны. В один из жарких летних дней в долине Шайтан-елги старики стоговали сено, а мы, мальчишки, помогали им, работая на волокуше. После обеда, уставшие от работы, старики решили немного отдохнуть.

—А можно нам искупаться?—спросили мы.

—Можно,—ответили старики.—Но к Убыр-кулью не подходите. Купайтесь на Басыркису, у Басырова брода. А на Убыр-куле, хоть он и ближе, купаться опасно. В этом озере была аждаха. Кто знает, может быть, до сих пор она там живет...

—Аждаха?

Мы растерялись. О ней нам приходилось читать в сказках, но сейчас мы впервые услышали, что такой же сказочный дракон был и в Убыр-куле.

Купаться мы так и не решились. Но нам очень хотелось узнать подробности о страшной аждахе озера Убыр-куль.

К вечеру старики, закончив работу, сами начали разговор.

—Страшное это озеро,—начал рассказывать Салимгирей-бабай.—О том, что там жила аждаха, рассказывал мой дедушка. Слух об аждахе озера Убыр-куль идет с древних времен, и он подтвердился: лет тридцать-сорок тому назад из озера поднялась аждаха.

Мы раскрыли рты от удивления.

—Куда и как поднялась?

—В небо поднялась. В этот день вокруг был суматошный ветер. А вот ваш Мингали-бабай в это время находился у озера. Мингали, расскажи-ка об этом страшном дне.

—Да, был такой день,—сказал Мингали-бабай.—Я тогда еще совсем молодой сидел с удочками на берегу Убыр-куля. После обеда на юге появилось маленькое черное облачко. Когда оно вплотную подошло к озеру, поднялся страшный ураган. Вода озера

Озеро Убыр-куль.

закружилась с невероятной силой и вышла из берегов. Ветер сбил меня, а потом приподнял. Я успел ухватиться за ближайшее дерево и уцепился за него со всей силой, чтоб не улететь. Во время урагана над озером вырос черный столб, который поднялся к небу и соединился с облаками. Через некоторое время тучи прошли к северу, за ними последовал и черный столб, который извивался, как змея. Вода в озере сильно убавилась, и вся она была смешана с грязью. Я не мог найти своих удочек. Не стал искать и мешочек с пойманной рыбой. Отряхнувшись от грязи, побежал в деревню. Там люди были в ужасе. Я им рассказал все, что видел на озере. «Из Убыр-куля поднялась аждаха»,—сказали тогда старики.

—А как же аждаха может подняться к небу? На крыльях?—продолжали допытываться мы.

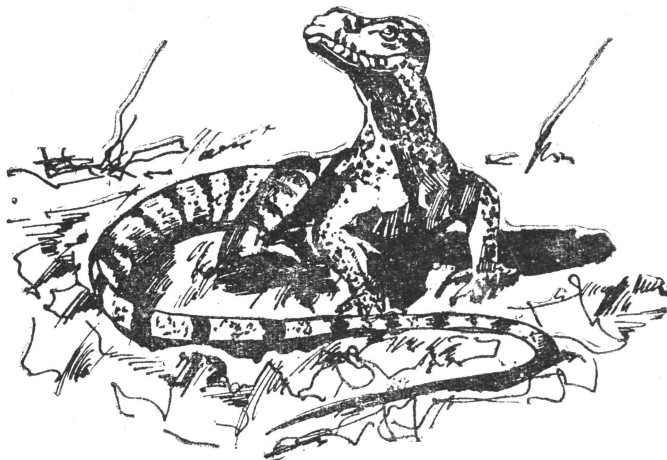
На этот раз в разговор вступил старейший из стариков Сабир-бабай.

—У аждахи крыльев не бывает,—сказал он.—Аждаха—это старая змея. Когда змея переваливает за сто лет, она превращается в аждаху и начинает вредить людям. Вот тогда-то по велению аллаха, окутываясь в облака, к озеру спускаются ангелы. Они поднимают аждаху к небу, там ее душат, а тело бросают за далекий Каф-тау*. Когда аждаху тащат в небо, хвост ее волочится по земле. Там, где касается земли хвост аждахи, валяются стога сена, разрушаются крыши домов, падают и ломаются даже крупные деревья...

Мы не знали, верить ли словам стариков. И решили посоветоваться с учителем Гимраном Хисамовым. Он был нашим старшим другом и советником.

—В мире нет ни аллаха, ни ангелов, ни шайтанов,—сказал нам учитель.—Все они выдуманы в древние времена, когда люди были бессильны

* Каф-тау — гора из башкирских мифов, вероятно, Кавказ.

перед природой и потому верили в сверхъестественные силы. В природе нет и аждах. О них говорится только в сказках. В то же время Убыр-куль и вправду необыкновенное озеро. С ним безусловно связано какое-то таинственное явление природы. Но в древности это явление не смогли правильно объяснить. Возможно, в Убыр-куле жило какое-либо необычное для наших краев животное или рыба. Это, по-видимому, и приняли за «аждаху».

ЗМЕЯ, КРОКОДИЛ, ВАРАН?

Как известно, в тропических странах и сейчас живут крупные по размерам и страшные на вид пресмыкающиеся—гигантские змеи, длиной до 10 метров, а весом до 100 килограммов. По величине им не уступают крокодилы. И те и другие могут проглатывать шакалов, леопардов и диких кабанов. Иногда жертвами становятся и люди.

Мы знаем и о крупнейших хищных ящерицах — варанах острова Комодо на Индонезийском архипелаге. Вид их страшен. Длина гигантских ящериц доходит до 3—4 метров, а вес крупных особей достигает 130—150 килограммов. Эти хищники всегда навели ужас и суеверный страх на людей, вошли в мифы и сказки различных народов. На Комодо и близлежащих островах вараны местным населением до сих пор называются «драконами».

Может быть, в прошлом местные жители видели на Убыр-куле гигантских пресмыкающихся вроде анаконды, питона, крокодила или варана? Может быть, их и приняли за аждаху?

Нет. Эти крупные пресмыкающиеся в последние тысячелетия водятся лишь в современных тропических широтах. Хотя очень давно, несколько десятков миллионов лет тому назад, на территории современной Башкирии также существовал тропический климат и жили, вероятно, и крупные пресмыкающиеся.

Есть целый ряд сообщений о том, что в некоторых озерах нашей планеты сущест-

вуют необычные животные, которые сохранились от древних геологических периодов. Таких животных называют реликтовыми.

Летом 1868 года весь мир обошло сообщение о чудовище озера Ютопия, расположенного на границе между Канадой и США. Странное животное, длиной 9 метров, с двумя огромными перепончатыми лапами, похуже на огромную змею, удалось убить. Тело его потом демонстрировалось в нескольких городах США. Ученые высказали мнение, что чудовище похоже на геозавра и мозазавра, которые жили на земле около 85—100 миллионов лет назад. Это «живая окаменелость», чудом заброшенная в наши дни из царства гигантских ящеров.

Существование в настоящее время отдельных видов доисторических животных теперь уже не отрицается большинством ученых.

Может быть, и в Убыр-куле обитало крупное реликтовое чудовище?

Вряд ли. Все озера, где предполагается наличие реликтовых гигантов-животных—крупные. По сравнению с ними Убыр-куль—совсем карлик: его длина не превышает 90—100 метров, а ширина едва достигает 40—50 метров. В таком маленьком озере гиганты-животные не смогли бы прожить миллионы лет.

Но ведь не зря же, наверное, у местных башкир существовала легенда об аждахе. Какое необычное животное они могли видеть в Убыр-куле?

МОЖЕТ БЫТЬ, ЩУКА?

«Убыр-куль издавна славился обилием рыб. Но из-за густых камышей и бытующего слуха о живущей там страшной аждахе лишь редкие смельчаки решались ловить рыбу в этом озере»,—так рассказывал мне однажды мой дедушка Зияетдин Буракаев. А в годы моего детства единственным человеком, который ловил там рыбу, был ныне покойный Хаким-бабай. Ему попадались здесь огромные, до метра длиной, щуки с погубившей и темной чешуей.

Может быть, раньше в

Убыр-куле обитали гигантские щуки двух-трехметровой длины? Но бывают ли в природе такие крупные щуки? Ученые ихтиологи утверждают: да, бывают.

Император Фридрих II Барбаросса в 1230 году пустил в озеро, находящееся близ Хейлбронна, окольцованную маленькую щуку. Ее поймали спустя 267 лет, в 1497 году. От старости она была вся белая, длиной, в переводе на современные меры, равнялась почти 5 метрам, а вес достигал 140 килограммов.

Древние документы говорят о щуке, которую Борис Годунов выпустил в Царицынский пруд, вблизи Москвы. Она была поймана в конце XVIII века при очистке пруда. Вес ее достигал четырех пудов, а длина—трех аршин.

Значит, бывают в природе щуки-гиганты. Но встречаются ли они в водоемах Башкирии?

Литературных сведений об этом я не встречал. Но очень интересный случай по этому поводу рассказал мне однажды исследователь Урала ныне покойный профессор Альберт Иванович Олли.

— Летом 1932 года мы переходили вброд реку Юрюзань, ниже деревни Аркаул,—сказал Альберт Иванович.—Напротив нас, в мелководье, лежало довольно большое бревно. Когда мы начали подходить к нему, «бревно» зашевелилось и, рассекая воду, быстро поплыло против течения. Мы испугались, но успели разглядеть, что это была громадная щука, длиной примерно в 2,5 метра.

Значит, щуки-гиганты встречаются и в Башкирии. Не исключено, что они были и в озере Убыр-куль, которое всегда изобиловало рыбой.

Какая же может быть связь между крупными щуками и давней легендой об аждахе?

Однажды старый башкир подошел к озеру Убыр-куль проверять вершу. Когда потянулся к воде, он увидел там крупное существо, которое громадными круглыми глазами смотрело на него. Забыв о верше, он выскочил на берег и поспешил в деревню. Когда старик рассказал о случившемся, людей охватила тревога.

Через несколько дней мальчики-пастухи принесли извест-

тие о том, что в озере Убыр-куль они видели спину крупного животного, которое в мелководье грелось на солнце. А вечерами там слышались сильные плески в воде.

Страх у людей возрастал. — В Убыр-куле часто тонет скот. Там недавно был провал земли. Это неспроста,—заговаривали люди в деревне.

— Аждаха живет в Убыр-куле. Остерегайтесь этого страшного озера, — сказали тогда старики.

Примерно такова, вероятно, история возникновения легенды об озере Убыр-куль. За аждаху там было принято, наверное, не что иное, как крупная престарелая щука.

А развернувшийся над Убыр-кулем бешеный ураган и возникший при этом таинственный черный столб, свидетелем которого был Мингали-бабай, добавили к этой легенде новые детали.

АЖДАХА-СМЕРЧ

О смерчах Башкирии в литературе сведений очень мало. Но старики помнят об отдельных таких вихрях.

«У горы Каляпуша раньше было небольшое озеро с темной водой,—рассказывает мой

дедушка.—Много лет тому назад мы однажды собирали здесь мох. Внезапно поднялся страшный ветер и начался ливень. Над озером вырос черный столб. Словно живой, он то удлинялся, то укорачивался. После урагана мы подошли к озеру. Камыши и водоросли были выброшены на берег. В озере воды осталось очень мало. Через несколько лет оно высохло совсем».

Аналогичное явление наблюдалось летом 1923 года на северо-востоке Башкирии. Об этом написал в газете «Совет Башкортостаны» старейший филолог республики Тагир-агай Баишев.

В южных степях Башкирского Предуралья нередко приходится слышать о случаях, когда вместе с сильным дождем на землю падали лягушата. Причина этого удивительного явления теперь ясна. Лягушата были принесены смерчем.

В день, когда Мингали-бабай был на Убыр-куле, через это озеро также прошел мощный смерч. Люди тогда не могли объяснить это явление. Так возникла легенда.

Об аждахе теперь и легенд почти не услышишь—народ теперь знает, что в Убыр-куле ее не было и нет.

А побывать там все же

стоит. Природа там чудесна.

Если вы геолог, то, кроме провалных озер, вы здесь можете ознакомиться с гипсовой горой Таштау, а на горе Буранбай, что рядом с нею—меловой карьер и выходы кварцитовидных абразивных песчаников олигоценного возраста. На горе Акбалсык—интересные выходы природных пигментов—красителей. У деревни Верхнее Муталово—характерные обнажения белых кварцевых песков.

Если вы природолюб, ботаник, на лугах Шайтан-елги, под рощей Сатра и на склонах Таштау соберете чудесный гербарий, не забудьте захватить с собой удочки: в Шайтан-елге и Убыр-куле так много рыбы!

А может, вы соберете и запишете здесь старые легенды и предания? Помните: в них часто можно найти какое-то зерно истины, если пропустить легенду через призму научного мировоззрения. И—узнать о забытых событиях прошлого, о фактах, не зарегистрированных учеными и историками. Не знай мы легенды об аждахе—мы, может, долго еще не узнали бы о провальном характере озера Убыр-куль и о гигантском смерче на нем.

Д. БУРАКАЕВ

БИОГРАФИЯ ПРОДОЛ- ЖАЕТСЯ

ГОД назад в очерке Е. Ананьева «Биография открытия» «Уральский следопыт» рассказал о том, как было найдено Заполярное месторождение природного газа.

А осенью 1967 года на Тазовской газовой площади было уже пробурено и испытано двенадцать скважин.

Принимать подземную «кладовую» прибыла большая группа экспертов, консультантов и научных сотрудников. Ее возглавил министр геологии РСФСР С. Горюнов. Несколько дней государственная комиссия в молодом поселке Газ-Сале изучала диаграммы подземных пластов, образцы зерна горных пород, данные сейсморазведки.

Результаты превзошли все ожидания. Полтора триллиона кубометров! Такое количество газа по оценке государственной комиссии хранит Заполярное месторождение. Для сравнения: мощность Газлинского месторождения, еще два-три года назад считавшегося самым крупным в Советском Союзе,—пятьсот миллиардов кубометров, то есть в три раза меньше Заполярного.

Сейчас новая «кладовая газа» на Крайнем Севере подключается к единой газовой системе СССР. В Тазовское будут протянуты сразу две нитки трубопроводов: из Центра и Северо-Запада Европейской части СССР. Заполярный газ в скором времени придет в Москву, Ленинград, Прибалтику и Белоруссию. Биография самого крупного в Европе и Азии газового месторождения продолжается!

Подвигу 180 лет

ВО второй половине XVIII века Зауралье и Западная Сибирь стали очагом тяжелой болезни, которая одинаково поражала и людей, и домашних животных. Гибли стада, умирали люди в зауральских селах и городах, и никто не знал, как бороться с болезнью и как от нее уберечься.

В конце концов сенат указал медицинской коллегии послать специальную комиссию для изучения болезни, которая «ежегодно случается в Челябинском округе и причиняет большой урон».

Так было положено начало медицинской экспедиции, которая отправилась весной 1786 года из Петербурга в Троицк и Челябинск. В составе ее был лекарь Степан Семенович Андреевский вместе со своим помощником—подлекарем Василием Жуковским.

Прибыв на Южный Урал, С. С. Андреевский развернул активную исследовательскую работу. Он анатомирует умерших от неведомой болезни людей и животных, составляет подробное описание болезни, делает рисунки, чертит карту района распространения эпидемии, наблюдает, анализирует. Но все эти работы сам

С. С. Андреевский считал «еще не доведенными до надлежащего совершенства, еще оставляющими за собою следы некоторого сомнения, следовательно и не заслуживающими прямого внимания ученого общества. Нужен был для того опыт достоверный, ощутительный и никакому уже сомнению не подверженный».

И ученый решился... 18 июля 1788 года в присутствии Челябинского городничего фон Швейгофера, судьи Оловянного и лекаря Василия Жуковского Степан Семенович привил себе сибирскую язву (кстати, ему же принадлежит и сам термин «сибирская язва»). После прививки С. С. Андреевский ежедневно записывал свое состояние, пока болезнь не развилась настолько, что он уже не мог вести наблюдений. «Расстройство и помешательство мыслей, соединенные с превеликим страданием, воспрепятствовали мне сохранить в памяти тогдашнее мое состояние в самом существовании его», — писал он позднее.

В 1789 году, по выздоровлении, С. С. Андреевский вернулся в Петербург. Там он получил звание штаб-лекаря и орден, его избрали членом ме-

дицинской коллегии, а в 1804 году он был назначен директором Петербургской медико-хирургической академии. По результатам его исследований была напечатана популярная брошюра для народа о сибирской язве. Однако впоследствии С. С. Андреевский был вынужден оставить медицину и перейти на административную службу. Умер он в 1818 году, будучи астраханским губернатором.

Его научные исследования и смелый подвиг оказались забытыми, а сочинения погребены в архивах.

Между тем, исследования сибирской язвы С. С. Андреевским имели очень большое научное и практическое значение: он установил и доказал опытом на самом себе инфекционный характер этой болезни, тождественность заболеваний у людей и у животных, обосновал первые лечебные и профилактические меры. Ведь до С. С. Андреевского врачи всерьез предполагали, что эта болезнь возникает от укусов вредных насекомых или от плохой питьевой воды.

В. НОВИЧЕНКО.

КАМА.

А. ПЛАТОНОВ (Уфа)
УРАЛОЧКА

Н. ОБОРИН (Пермь)

УРАЛЬСКОЕ СОЛНЫШКО

Я ЖИВУ в этом удивительном и прекрасном древнем русском городе уже много лет. И сам поражен этим обстоятельством. Ведь я по профессии строитель, в некотором смысле бродяга, современный кочевник, подолгу на одном месте не оседавший. А вот уже второй десяток лет — в Новгороде. И влюблен в него до самозабвения.

И не один я. Многие соотечественники и иностранцы, побывав в Новгороде, влюбились в него навечно.

Великого критика Виссариона Белинского прельщало в Новгороде то, что «отсюда вышел весь уклад русской жизни».

Первый нарком просвещения А. В. Луначарский летом 1926 года, посетив город, назвал его «нашим Римом»...

А вот одно из самых свежих свидетельств — письмо московского корреспондента пражского радио Владимира Брабца. Вот что он пишет: «Снова и снова возвращаюсь своими воспоминаниями в Новгород, про который никак не могу забыть. Мне уже довелось исколесить немало дорог по Стране Советов, но, поверьте, такое очарования пока больше не было. Я жду своего брата из Праги, и мне очень хочется показать ему эту русскую сокровищницу зодчества и особенно это чудо, сотворенное Микешиним»...

«Чудо, сотворенное Микешиним» — это памятник «Тысячелетию России». Правда, долгое время это детище талантливого русского скульптора рассматривалось как «памятник тысячелетию самодержавного гнета». Даже спустя десять лет после Октября в краеведческих работах подчеркивалось, что «в граните и бронзе... выражены два характерных признака помещичьей России — правослаvie и самодержавие».

Но со временем разобрались и в этом: удивительную «повесть в бронзе и камне» удалось прочесть по-новому и оценить ее по достоинству.

Предыстория чуда

27 МАРТА 1857 года член Государственного совета С. С. Ланской подал в Комитет министров записку «О сооружении в Новгороде памятника первому русскому государю Рюрику». Министры охотно ухватились за эту идею, решив использовать ее для воспитания «верно-

подданнических чувств» в народе, — накалившаяся политическая обстановка в стране накануне крестьянской реформы 1861 года требовала этого.

Но Комитет министров отметил при этом, что «присвоение одному Рюрику исключительной чести представительства всего тысячелетия» не вполне соответствует цели, а потому рекомендовал соорудить «народный памятник тысячелетию государства Российского, где бы могли быть в барельефах и других изображениях показаны главнейшие события отечественной истории».

Какие именно события отечественной истории министры хотели видеть главнейшими, показывает объявление о конкурсе на проект памятника, опубликованное в газетах в апреле 1859 года. По условиям конкурса памятник должен «представлять шесть главных эпох истории Русской: основание Русского государства (862 год), введение христианства на Руси (989 год), начало единой державы (1491 год), избрание на престол дома Романовых (1613 год) и основание империи Российской (1721 год)».

Таким хотели видеть памятник министры. К сроку (1 ноября 1859 года) было представлено 52 проекта. Специальный совет Академии художеств отобрал из них три: проект № 51 (автор М. О. Микешин), № 42 (автор академик И. И. Горностаев) и проект № 34 (автор архитектор Антипов). Первая премия (4000 рублей) досталась Микешину.

Александр II, взявший на себя роль шефа памятника, поручил Микешину составить список лиц, портреты которых необходимо поместить на горельефе. Поручение нешуточное и щекотливое: список должен был удовлетворить и главного «заказчика» — царя, и не предать интересы общественного мнения прогрессивной части русского общества, к которому принадлежал и сам автор памятника.

«Я совсем было растерялся, — вспоминал Микешин, — перед новой задачей и прибег к помощи и советам всех известных наших историков и писателей». К нему на помощь охотно пришли историки Соловьев, Костомаров, Срезневский, писатели Майков, Тургенев, Гончаров, Полонский и другие. Таким образом был создан представительный общественный совет.

Вокруг списка разгорелась острейшая борьба. Он подвергался многократному и тщательному обсуждению, которое сопровождалось страстной полемикой и горячими спорами. Спи-

сок все время неузнаваемо менялся. Дебаты шли даже вокруг таких, казалось бы, бесспорных имен как Державин, Грибоедов, Лермонтов, Кутузов и Жуковский. Эти горячие споры происходили в мастерской художника, где всегда присутствовал друг художника Т. Г. Шевченко, иногда и сам принимавший участие в обсуждении.

Впервые представленный в январе 1860 года список исторических лиц включал, наряду с другими, имена художника А. А. Иванова, поэта А. В. Кольцова, актера И. А. Дмитриевского и писателя XVIII века А. Д. Кантемира. Но эти фамилии были отвергнуты дворцовым окружением даже без ведома царя. Через неделю измененный список попал в «высочайшие» руки. Александр II добавил Кочубея, Державина, Дмитриевского, но вычеркнул прославленного флотоводца Ушакова.

Целый скандал разгорелся вокруг имен Гоголя и Шевченко. Великий Кобзарь в первоначальный список не попал, так как оказался в нем единственным живым к тому времени человеком, а Гоголь был просто вычеркнут. Чтобы увековечить память своего друга, обожаемого им «Кобзаря», которому был сильно обязан в своем духовном развитии, Микешин сделал такой ход. После смерти поэта (27 апреля 1861 года) он опубликовал в месяцеслове (календаре) на 1862 год эскиз будто бы уже готового горельефа с изображением Гоголя и Шевченко. «Власть имущие» вызвали Микешина для объяснений. Разумеется, доводы скульптора были признаны неубедительными. Тогда не «по команде» Микешин написал смелое, по-юношески горячее и взволнованное письмо непосредственно самому царю. О Гоголе в своем письме художник сказал кратко: «Заслуга же Гоголя и его влияние на современную отечественную литературу так велики, что говорить за него я считаю лишним». В письме говорилось: «Шевченко в смысле воспроизведения изящно-

го народного слова сделал для Малороссии более, нежели кто-либо из наших поэтов... Мы должны удовлетворить национальной гордости народа и оградить себя от упреков потомства».

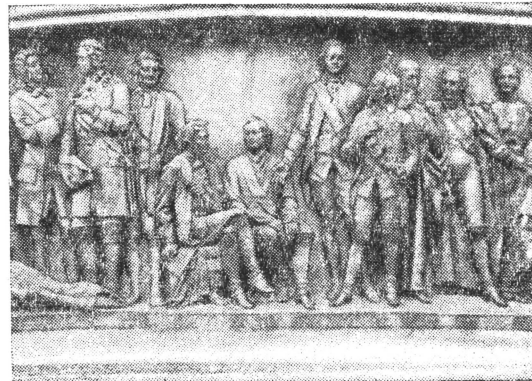
Но здесь Микешин допустил просчет. Он добавил: «Сочувствие всех слоев общества, высказанное к праху этого поэта на пути его из Петербурга на берега Днепра, слишком ясно сказало, как ценит народ заслуги этого поэта». Этого-то сочувствия царь и боялся... Имя Шевченко было решительно вычеркнуто.

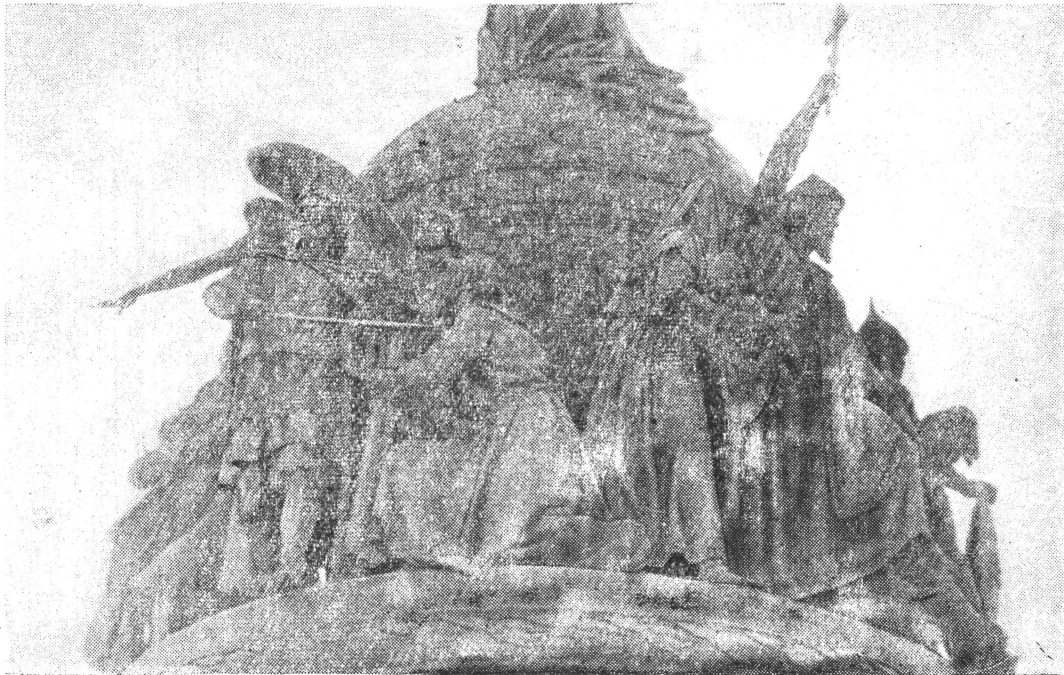
За непосредственное обращение к «его величеству» Микешин получил нагоняй, ему предлагалось «впредь быть осмотрительнее».

Однако смелое и взволнованное письмо помогло: имя Гоголя вошло в список.

Вот какую фильтрацию проходили имена выдающихся деятелей России, чтобы попасть на горельеф памятника.

В этой схватке поле боя осталось не за царем и его окружением. Правительственные круги вынуждены были считаться с политическим климатом в стране и пойти на известные уступки. Место на памятнике пришлось дать и мно-

гим видным прогрессивным деятелям. А уж настаивать на включении в список имен, ненавистных народу, царское окружение даже и не решилось. На памятнике не оказалось не только одиозных фигур Бенкендорфа, Аракчеева и Павла I, но даже августейшего папаша тогдашнего монарха — Николая I: слишком свежи были в памяти кровавые дела царя-вешателя. Только спустя год, когда списки окончательно были утверждены и детали памятника готовы, фигуру Николая Палкина насильно втиснули в горельеф. Именно насильно, ибо для этого пришлось произвести перемещение скульптур и сделать в них изменения.

Боязнь общественного мнения была такова, что царь и его камарилья не решились поместить на горельефе даже такого «великого государя», как Иван Грозный, оставившего о себе на века недобрую память.

Особенно ненавистно было имя Ивана Грозного для новгородцев. До сих пор экскурсоводы музея рассказывают легенду тех времен, что Волхов не замерзает зимой (и это истинно так!) потому, что Грозный после своего въезда в Нов-

город приказал на Волховском мосту отрубить головы тысячам приверженцев Новгородской вольницы и сбросить их трупы в полноводную реку. И столько было пролито крови, что она якобы и сейчас греет волховскую воду.

* * *

Сооружался памятник под непосредственным руководством его автора. На период постройки он числился состоящим при Главноуправляющем путей сообщения и публичных зданий с окладом «по сту рублей в месяц». Номинальным начальником постройки был назначен генерал-майор Евреинов. Вся техническая сторона — производство работ на площадке — легла на вологодского крестьянина Андрея Казакова, определенного к работам десятником.

При выборе места для памятника обследовали три площадки: на Ярославовом дворце, на Софийской торговой площади впереди Кремля и в самом Кремле у присутственных мест. Выбрали Кремль.

Много хлопот строителям доставили новгородские грунты: пришлось вырыть вручную котлован на глубину 3 метра, во избежание просадки памятника под фундамент забили 300 деревянных свай на глубину 6 метров. В фундамент замуровали бронзовый ящик с запиской о времени и цели сооружения, золотые и серебряные деньги 1861 года и памятные медали. Пьедестал и цоколь выложили из огромных глыб сердобского гранита, весом до двух тысяч пудов каждая.

А пока велись эти работы, в Петербурге под наблюдением автора шла отливка бронзовых фигур и деталей. К июлю 1862 года их доставили водой в Новгород и установили. В сентябре памятник был готов к открытию.

В город съехались гости не только из новгородских уездов, но и из соседних губерний. Для участия в военном параде, кроме местного гарнизона, прибыли войска из других городов

(даже из Москвы) общей численностью свыше 10 тысяч человек. «Почтил» своим присутствием и сам Александр II, прибывший в Новгород с личным конвоем из шести гвардейских полков.

Утром 8 сентября над городом прогремело пять артиллерийских залпов. В 12 часов, после войскового парада и молебна, состоялась открытие.

Вечером по всему городу, украшенному флагами и транспарантами, засветилась богатая иллюминация из 120 тысяч шкаликов и плашек. Особенно красиво была иллюминирована баржа на кремлевской набережной, на которой 5000 фонарей освещали макет памятника.

Историческая повесть в бронзе и камне

КОГДА спал холст, укрывавший памятник, взорам многочисленных зрителей предстало величественное сооружение. Памятник на поминал колокол и состоял из трех ярусов: на верхнем — установлена группа «Православие» из двух колоссальных фигур, ниже — вокруг огромного шара-державы — на покрытом бронзой каменном пьедестале расположены 17 колоссальных скульптур, а на опоясывающем цоколь бронзовом горельефе — 109 малых скульптур.

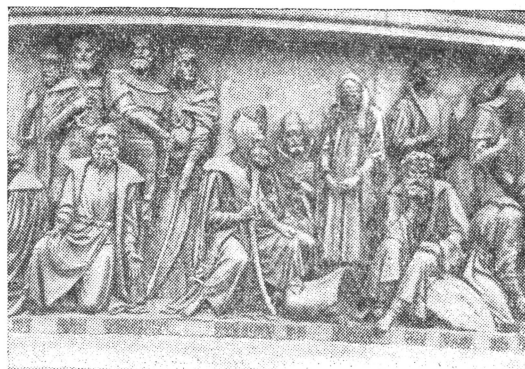
Давайте и мы осмотрим его. Начнем с нижнего яруса — горельефа. На нем — скульптурные портреты деятелей Русского государства с незапамятных времен до первой половины прошлого века включительно.

Станем около памятника на окружающий его тротуар из серых гранитных плит и начнем осмотр, двигаясь против часовой стрелки.

Тематически горельеф разделен на четыре отдела. С западной стороны самый маленький из них — «Писатели и художники» (16 фигур).

Царь и его окружение сделали все, чтобы этот отдел был представлен победнее. Истинные просветители не пользовались монаршей благосклонностью.

Отдел открывается фигурой нашего гениального энциклопедиста, холмогорского самородка Михайлы Ломоносова, сидящего с книгой в руках. Сделав шаг вправо, мы увидим автора бессмертной комедии «Недоросль» Фонвизина и величайшего поэта предпушкинской поры Гавриила Романовича Державина. Переведем взгляд чуть повыше, увидим сзади Державина и Фонвизина изображенного в полный рост архитектора Кокоринова — автора проекта здания Академии художеств — и отца русского театра ярославца Федо-

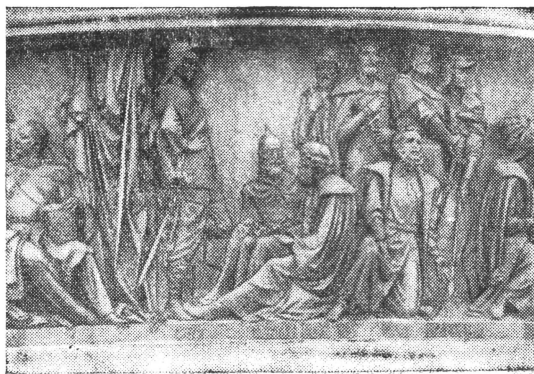

ра Волкова, читающего пьесу. Подавшись еще вправо, мы окажемся против сидящего «дедушки Крылова», любимого народом баснописца. Его беседе с автором «Бедной Лизы» и историком Карамзиным внимают Жуковский и погруженный в думу Лермонтов, Гнедич и автор неувядаемой комедии «Горе от ума» Грибоедов. Особо уединились Пушкин и Гоголь. Гениальный сатирик повернулся в профиль и, закутавшись в плащ, как бы прижался доверительно к Пушкину. Еще шаг — и мы увидим замыкающие этот отдел фигуры: композитора Глинку, художника Брюллова и сидящего за фисгармонией духовного композитора Бортнянского.

Далее следует почти в два раза больший отдел — «Просветители». Он представлен главным образом бородатыми дядями в рясах. Да, многие из них сыграли в общественном развитии Руси немаловажную роль и составляют гордость нашей истории. Но некоторые «пастыри», право же, попали сюда лишь по настоянию сановного духовенства для поддержания престижа церкви.

Первыми выступают с книгой и рукописями

в руках болгарские монахи братья Кирилл и Мефодий, известные славянские просветители IX века, создатели кириллицы — славянской азбуки. За братьями-болгарами рисуется образ «равноапостольной Ольги», киевской княгини, одной из интереснейших женщин в русской истории. По народному преданию, она происходила из простолудов соседней с Новгородом псковской земли. Ольга была крупным государственным деятелем. Она правила Киевской Русью в «дни младенчества» ее сына Святослава. Недюжинные способности дипломата и необычайную гибкость ума этой женщины оценил византийский император: «Переключала еси, Ольга, ты меня», то есть превзошла по уму.

Несколько впереди Ольги стоит ее внук — великий князь Владимир Святославич, жестом указывая на стоящую перед ним купель — символ «крещения Руси». Что же, отдадим ему должное: введение христианства для языческой России было прогрессивным для того времени актом.

Пропустив фигуру святого Авраамия Ростовского, вся заслуга которого состояла в разрушении языческого кумира, бога Велеса, мы увидим сидящих Антония и Феодосия Печерских. Основав Киево-Печерский монастырь — один из первых крупных центров образованности, они способствовали культурному возвышению Русской земли.

После следующего шага бросается в глаза исполненная фигура с бородой до пояса и одухотворенным лицом — печерский летописец Нестор; в руках у него «авторский экземпляр» знаменитого летописного свода «Повести временных лет».

Сзади летописца выглядывает любопытная фигура с крестом в правой руке, с лицом аскета и глазами фанатика. Это исповедник Кукша — один из первых яростных христианских миссионеров. Около 1113 года, когда Кукша насаждал веру христову среди вятичей на Оке, он был

умерщвлен языческими жрецами. Попы поспешили возвести его в ранг святых мучеников, нагородив в его «житии» массу необыкновенных историй, выдаваемых за чудеса.

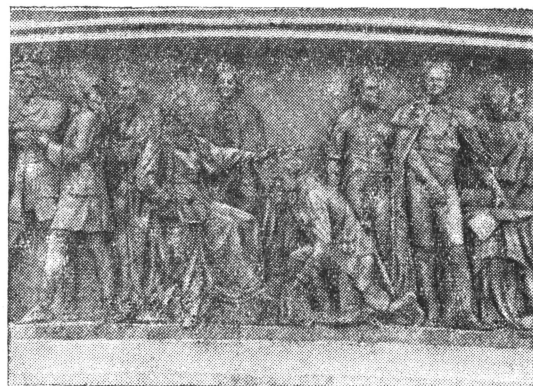
Дальше обход памятника можно ускорить, пропустив несколько святителей, вроде ничем не примечательных соловецких угодников Савватия и Зосимы, и подойти к великолепно вылепленной внушительной фигуре Максима Грека, сидящего над раскрытой книгой. Этот монах, обладатель роскошнейшей бороды, был известным писателем и видным публицистом. Блестяще образованный, окончивший два европейских университета, он в 1518 году по приглашению великого князя Василия приехал в Москву для перевода богослужебных книг и государственных бумаг и остался в ней.

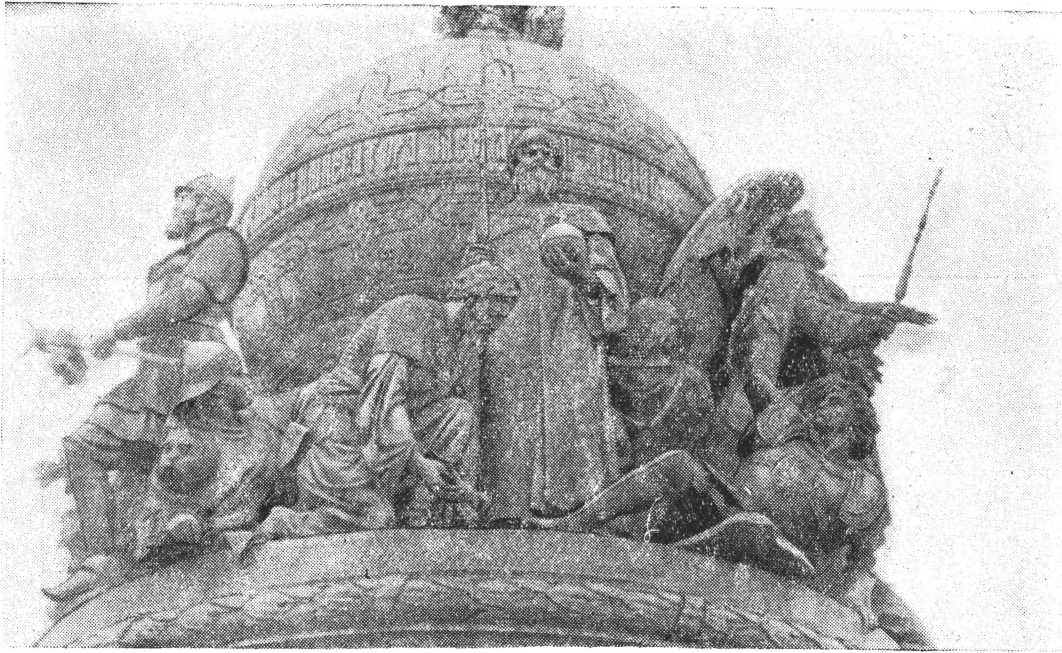
Дальше — статуи двух выдающихся деятелей русского просвещения, с именами которых связано развитие книгопечатания в России: за печатным станком сидит митрополит Всероссийский Макарий, а напротив него стоит князь Константин Константинович Острожский — издатель Острожской библии, выдающийся представитель украинской культуры. Митрополит Макарий также заслужил уважение своих современников, им написан знаменитый «Стоглав» — постановление церковного собора 1551 года. Макарий был талантливым популяризатором, современников поражала его умение писать «всем удобопонятно». Историческая справедливость требовала, чтобы — если не вместо этих деятелей, то рядом с ними — была помещена скульптура первопечатника Ивана Федорова. Но справедливость не входила в круг добродетелей русских самодержцев, и великий просветитель, истинный основатель русского книгопечатания, на горельеф не попал.

Задержимся здесь еще немного: перед нами выразительная суровая фигура пятого по счету московского патриарха Никона, человека, без-

условно, выдающегося ума и воли. В миру Никита Минов, родом из нижегородских крестьян, он был в молодости попом в мордовском селе. С 1648 года, когда он стал митрополитом Новгородским, началась его головокружительная карьера до патриарха, «смутившая все царство русское». Церковный реформатор кончил плохо: заточенным и заморенным в монастыре. Вызвано это было тем, что Никон, создавший «теорию двух мечей» — светского и духовного, был явно за гегемонию последнего и ставил власть патриарха выше власти царя. В своих сочинениях он призывал «поплевать и проклясть» царские веления и законы! Ничего себе! Такое не прощалось даже патриархам!

Сделав еще шаг, мы предстанем перед фигурой выдающегося ученого петровских времен, поэта, церковного и политического деятеля Феофана Прокоповича. За европейскую образованность, деловую хватку, ум и светский образ жизни сибарита Феофан Прокопович был прозван «Первым русским кардиналом». Его имя

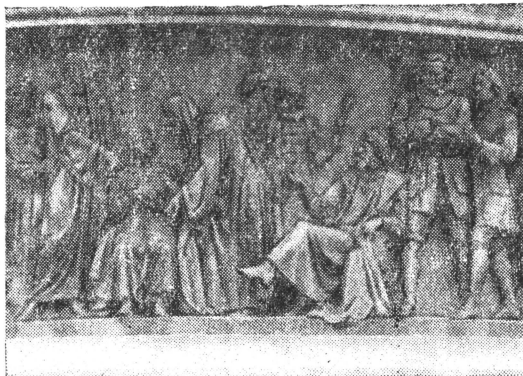

связано также с Новгородом: он был первым ректором Новгородской духовной семинарии. Прокопович пользовался микроскопом и телескопом, открыл школу для сирот разного звания. По преданию (близкому к истине, хотя и до сих пор не проверенному), книги из личной библиотеки Прокоповича замурованы в стенах библиотеки Антониева монастыря в Новгороде — одного из первых специальных библиотечных зданий на Руси.

Между Никоном и Феофаном Прокоповичем виднеется сократовская голова «друга просвещения» боярина Ф. М. Ртищева, основавшего в 1648 году в Москве Преображенскую пύстьнь, школу переводчиков, — один из крупнейших расадников просвещения, переросшую потом в славяно-греко-латинскую академию.

Сделав еще полшага, увидим Дмитрия Ростовского, составителя Четии-Минеи — своеобразной древнерусской энциклопедии, написанной превосходным языком.

Здесь мы ускорим наше движение по тро-

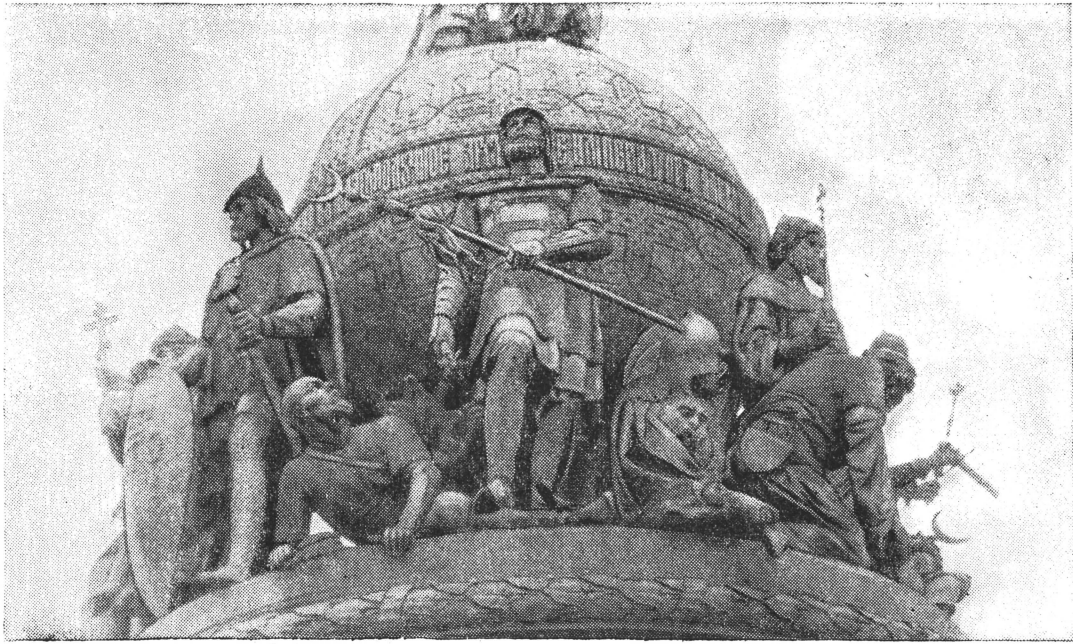
туару вокруг памятника, пропустив несколько малоинтересных святителей, и перейдем к группе «Государственные люди» (в ней 26 фигур).

Вот два выдающихся деятеля Киевской Руси: князь Ярослав Мудрый (он держит в руках книгу «Русская правда», древнейший свод законов) и Владимир Мономах — талантливый полководец, 72 раза водивший свои победоносные дружины против половцев. Далее — статуи трех литовских князей: Гедимина, Ольгерда и Витовта — союзников в борьбе наших предков против тевтонских захватчиков. А следом за ними — сидящий на троне в царском одеянии, со скипетром и державой в руках великий князь Московский Иван III, «собиратель Руси», объединивший вокруг Москвы мелкие княжества, включая и область Урала. У его ног — московский герб и под ногами — татарская островерхая шапка.

Время Ивана Грозного, изображение которого на памятнике отсутствует, представлено его первой женой Анастасией и близкими советниками Грозного — протопопом Сильвестром и окольным Адашевым. Выходец из низов («Алексей, я взял тебя из нищих и самых молодых людей», — писал Грозный), А. Ф. Адашев вырос в крупного дипломата и принимал активное участие в управлении государством, пользуясь особым доверием царя: он был личным казначеем Грозного, хранителем «печати для скорых и тайных дел». Во время осады Казани вел инженерные работы, участвовал во взятии Астрахани.

Чуть правее — невзрачная фигура первого Романова — Михаила, отодвинутая на задний план. Он кажется жалким (таким он и был!) среди выдвинутых вперед фигур, его окружающих: внушительного, осанистого, с сажеными плечами патриарха Гермогена и своего отца — патриарха Филарета.

Патриарх Гермоген открыто призывал к все-

ков и очень способствовал движению Минина и Пожарского. Как истинный патриот, он и умер в польском застенке, умеренный голодом.

У отца Михаила Романова — Федора Никитича — лицо светского кавалера. Да он и был таким, двоюродный брат царя Федора Ивановича: образованнейший латинист, красноречивый и умный, он делил свою привязанность к книгам с любовью к развлечениям и нарядам.

Продолжим наш путь на два шага, и перед нами окажутся в боярских костюмах Ордын-Нащокин и Артамон Матвеев, беседующие с царем Алексеем Михайловичем. Матвеев — один из образованнейших людей того времени, автор исторических исследований. А Ордын-Нащокин, выдающийся военный деятель и дипломат, памятен нам еще и как основатель русской почты.

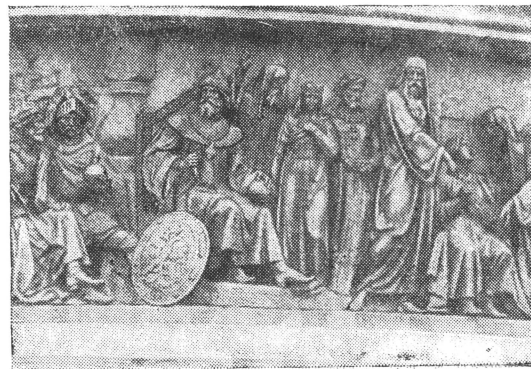
Дальше — Петр I со своим соратником Яковом Долгоруким. Правее его — Екатерина II на троне. Позади почтительно стоят сановники, канцлер Безбородко и Бецкой, зачинатель женского среднего образования в России, президент академии художеств. «Северная Минерва» венчает лавровым венком своего фаворита, своего «Гришеньку-Одноглазенького», покорителя Крыма, князя Г. А. Потемкина-Таврического. Сиятельный князь, как известно, помимо прочего вошел в историю как классический организатор очковтирательства в крупных масштабах.

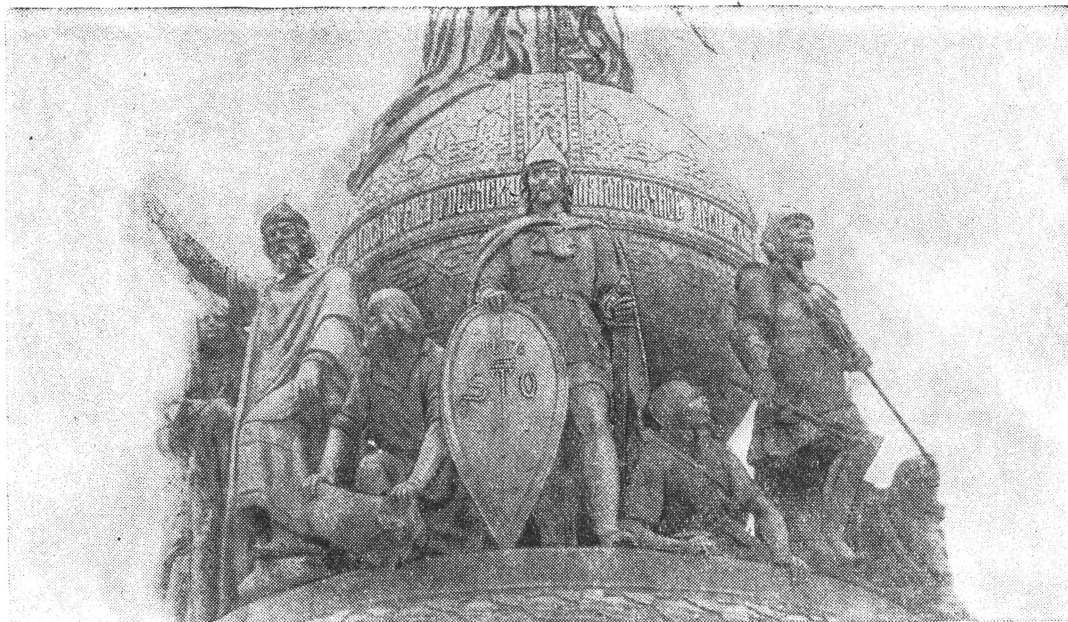
Замыкают эту группу «умиротворитель народов» (по официальной царской историографии), «Плешивый щеголь, враг труда» (по выражению Пушкина) — Александр I со своим министром Кочубеем и одетый в форму казачьего генерала пучеглазый солдафон и жандарм Европы Николай I с фельдмаршалом Воронцовым (тот самый «полумилорд, полуподлец») и почтительным царедворцем Сперанским.

А вот и самая большая группа горельефа — «Военные люди и герои» (36 скульптур). Отдел открывается великолепной статуей киевского кня-

зя Святослава в одежде воина и с мечом в руке. За ним последовательно стоят прославленные полководцы: Мстислав Удалой, Даниил Галицкий, Довмонт Псковский, выдающийся воин и политический деятель князь Новгородский Александр Ярославич, прозванный Невским. Он — в кольчуге под мантией, с мечом, как бы произносящий свои знаменитые слова, совершенно по-современному воспринятые нами в Великую Отечественную войну: «Кто с мечом к нам войдет, тот от меча и погибнет». Далее князь Михаил Тверской и Дмитрий Донской (тоже в кольчуге, в знак окончания решающей Куликовской битвы убиравший меч в ножны). За литовским князем Кейстутом Гедиминовичем Троицким — московские воеводы Холмский и Щеня, князь Воротынский.

У «престола отечества» на коленях стоит Козьма Минин и лежит умирающий Иван Сусанин. На заднем плане — Пожарский и келарь Троице-Сергиевской лавры Авраамий Палицин — руководитель обороны нынешнего Загорска от польских интервентов и военный историк этой эпической битвы. Над раскрытой картой Украи-

ны — Богдан Хмельницкий. Его сменяют военные деятели XVIII века Шереметьев и Голицын, герой семилетней войны Салтыков, фельдмаршал Миних, Орлов-Чесменский, фельдмаршал Румянцев, генералиссимус Суворов, отправившийся в свой легендарный швейцарский поход из новгородского села Кончанское; далее следуют герои войны 1812 года — Барклай де Толли, Кутузов, казачий атаман Платов, князь Багратион. Затем мы видим адмирала Синявина, генералов Дибича и Паскевича и героев Севастополя — Лазарева, Корнилова и Нахимова.

Особо хочется выделить две фигуры этого отдела. У разбитого вечового колокола стоит, скорбная и гордая одновременно, фигура Марфы Борецкой-«посадницы», убежденной патриотки Новгорода. «Царица скорби, великая русская Марфа», — называл ее писатель Гончаров в романе «Обрыв». А рядом с ней, с кистенем в руке, на скале сидит Ермак, казачий атаман, землепроходец XVI века, много сделавший для освоения Сибири. Он изображен скульптором

«объятый думой», со спокойным лицом человека, свершившего все начертанное ему судьбой:

И мы не зря на свете жили,
 Нам смерть не может быть страшна:
 Свое мы дело совершили...

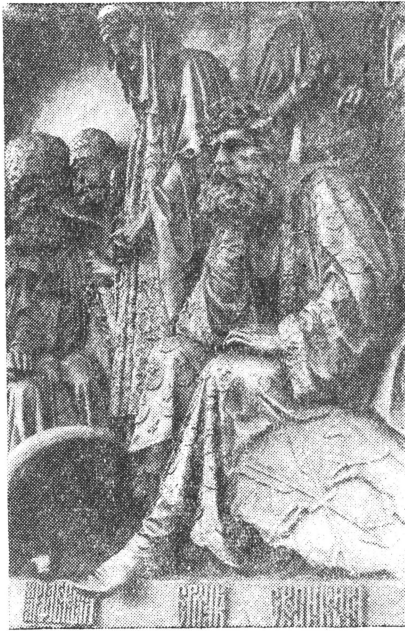
Это одно из немногих изображений Ермака в скульптуре и, пожалуй, самое впечатляющее.

* * *

Мы осмотрели горельеф нижнего круга. Чтобы обозреть колоссальные фигуры среднего и верхнего ярусов, нам придется отойти подальше — в сторону музея, иначе, глядя вверх, шапка на голове не удержится: высота памятника 16 метров.

Вокруг огромного шара-державы на совместном с ним постаменте установлены шесть бронзовых скульптурных групп. По августейшему заказу они должны символизировать главные периоды в истории Российского государства. На южной стороне, лицом к озеру Ильмень, в полный рост стоит фигура Рюрика с накинутой на плечи звериной шкурой. В левой руке Рюрик держит меч, а в правой — щит со славянской надписью: «Лета 6370» (от так называемого сотворения мира, что по современному летосчислению соответствует 862 году). Монархическими историографами эта дата считалась годом становления Русского государства. Слева от фигуры Рюрика, в углублении под шаром, — идол Перун — языческий бог древних славян. Если посмотреть на памятник с юго-запада, то перед нами рассказ о крещении Руси — принятие православия: в центре — фигура Киевского князя Владимира Святославича в княжеской одежде, правее — молодая женщина с ребенком в руках, а слева — посялянин, низвергающий идола Перуна.

На юго-восточной стороне памятника — иллюстрация поворотного пункта в истории России — разгром порабитителей Руси в битве на Куликовом поле. В центре композиции, в кольчуге и шлеме, — Дмитрий Иванович Донской, мужествен-

Ермак.

ный и умный военачальник, применивший новую тактику вождения войск в историческом сражении и разгромивший армию Золотой орды. Дмитрий Донской попирает ногой лежащего врага, в правой руке у него шестопер, в левой — добытое в бою знамя с полумесяцем на древке.

Следующая композиция из пяти фигур посвящена образованию централизованного русского государства со столицей в Москве. В центре — отлитый в полный рост «собиратель Руси» великий князь Иван III, в парадном царском облачении, с шапкой Мономаха на голове и с атрибутами государственной власти в руках — скипетром и державой.

Фигуру Ивана III окружают поверженные враги Руси: ливонский рыцарь с переломанным мечом и коленопреклоненный ордынец, вручающий Московскому князю свое знамя, полулежащий литовский воин в латах с львиной головой.

На противоположной, западной, стороне — композиция, посвященная эпохе установления мира и самодержавия вслед за изгнанием польско-шведских интервентов в начале XVII века.

На передний план выдвинуты могучие фигуры патриотов-подвижников Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского, обнаженным мечом которого как бы отвергнут враг. В глубине, между ними, втиснута невзрачная фигура первого царя из династии Романовых — Михаила (Тишайшего), совершенно малоприметная личность в нашей истории.

Последняя скульптурная композиция среднего яруса повествует о самой яркой странице в истории Русского государства до XIX века — победе в Северной войне (1700—1721 гг.) и создании Русской империи. Здесь мы видим порывистую фигуру Петра I, лицом обращенную в сторону Софийского собора (на север, к берегам Невы). Возле Петра, возвышаясь над ним, — крылатая фигура Гения, перстом указывающая ему путь к морю, а у ног — побежденный швед, за-

кованный в латы, тщетно пытающийся остановить победное шествие русских к Балтике.

Верхний ярус отведен группе «Православие». Огромных размеров бронзовый шар-державу венчает коленопреклоненная женщина в русской национальной одежде, со щитом Русского государства в руках. Рядом с нею фигура ангела, обнимающего громадный крест, олицетворяющий православие.

Напоследок можно не спеша пройти вокруг памятника, чтобы прочесть надпись, опоясывающую шар-державу по диаметру: «Совершившемуся тысящелетию Российского государства в благополучное царствование Александра II, лета 1862».

Вопреки монаршей воле

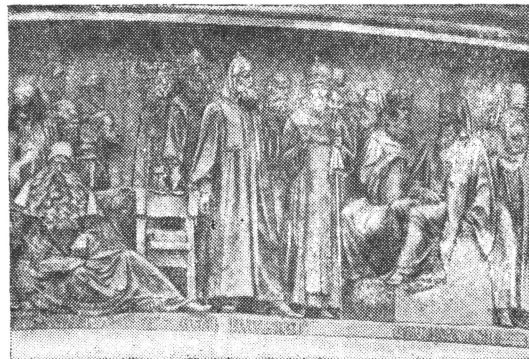
ТАКИМ предстал перед зрителями памятник, когда с него спало покрывало. Перед зрителями и перед «заказчиками» — царем и его окружением. Но все ли в нем соответствовало ожиданиям заказчика? Мы помним, что список, после ожесточенной борьбы за каждое имя в нем, был окончательно утвержден, и Микешин не мог уже внести в него ничего от себя. Но, оказывается, на этом борьба за идею памятника не окончилась. Она продолжалась теперь уже не за увеличение или уменьшение списка, а за то — как «подать» ту или иную фигуру. И Микешин отважно принял на себя бремя и этой борьбы.

Да, перечень имен он уже не мог изменить. Но он смог изменить трактовку этих личностей, показав — что стóит каждая из них.

Возьмем центральную фигуру среднего яруса — Рюрика.

Центральной она была не только в композиции памятника, но и в самой идее его. Ведь именно Рюрика официальная царская историография считала основателем Российского государства. Именно этой легендой — о призвании славянами в 862 году князей-варягов Рюрика, Синеуса и Трувора «княжить и владеть Русью» — и объясняется произвольная дата «1000-летия России».

Но против этой легенды (так называемой «норманнской теории») горячо восстал еще М. В. Ломоносов: он указал на ее научную недостоверность и на ее враждебный России политический смысл. Борьба между сторонниками и противниками легенды, претендующей на исторический факт, особенно жарко разгорелась нака-

нуне празднования «1000-летия». Конечно, Микешин был причастен к ней. И он в монументе сказал свое слово — зримо выразил свое мнение о легенде.

Весь облик Рюрика — типично славянский, он изображен со славянским щитом (у норманнов был круглый щит), в руках у него славянский меч, одет он в кольчугу и шлем — типичную одежду простого воина-славянина. И обращен он лицом на юг — к Ильменю, так называемому «поозерью» — древнейшим поселениям славян. Скорее всего художник изобразил в нем простого русского дружинника, рядового бойца за русскую землю.

И это его мнение очень созвучно мнению современных советских историков. Да, были у нас в древней Руси норманны-варяги, были князья варяжского происхождения, были и варяги в княжеских дружинах. Но они почти не оставили своих следов в и без них богатой материальной и духовной культуре Древней Руси, быстро растворились в среде коренного населения, ославянились. Ибо к этому времени восточно-славянское общество достигло исторической необходимости создания своего государства, вполне созрело для него. И варяги — были они при сем или не были — решающей роли в этом не играли.

Или возьмем группу первого Романова — Михаила. На передний план скульптор выдвинул великих патриотов — князя Пожарского и старосту Козьму Минина, своей энергией и примером поднявших народные массы на борьбу с интервентами. А царь отодвинут в тень и, как милостыню, получает из сильных рук представителя народа — Козьмы Минина — скипетр и шапку Мономаха — эмблемы царской власти.

А с какой любовью и теплотой вылеплены автором фигуры простых людей — выразительные фигуры поселянки и поселянина в группе Владимира Святославича, князя Красное Солнышко, не чуравшегося на киевских пирах общения с простолюдинами.

А фигура «сибиряка» за ливонским рыцарем в группе Ивана III, поддерживающая руками колоссальную русскую державу-шар? Это ли не аллегорическое выражение роли труженика-народа, на плечах которого держится все Русское государство с его царями и князьями.

Микешину, его демократизму, мы во многом обязаны, что на памятнике в Новгороде, наряду с некоторыми удобными царю фигурами реакционеров и попов, изображены подлинно великие люди России, ярко отражена роль простого

Раны, нанесенные фашистами.

люда — подлинного творца истории, своим трудом возвеличившего Россию.

Микешину удалось, вопреки официальной царской историографии, вопреки симпатиям царя и монархистов, дать исторически правдивую трактовку событий и лиц. Выраженная лаконично, но явственно, она выдает демократические симпатии автора. Ведь даже малозначительные, удобные лишь церковникам фигуры святителей скульптор сумел упрятать на задний план, поместив их, так сказать, для «галочки».

А обратите внимание на форму памятника. Он напоминает колокол, но какой? То ли благовестный, то ли вечевой — символ новгородских республиканцев, то ли набатный «Колокол» Герцена? Не скульптурный ли это двойник лондонского колокола, призывавшего русский народ к восстанию против царя? Пожалуй, это ближе к истине и замыслу автора, использовавшего монаршую «программу» для пропаганды демократических идей...

„Миша Микешин“

УСПЕХ юного художника, выступившего в роли скульптора, был потрясающим: сооружение новгородского памятника принесло Микешину всероссийскую и мировую известность. С тех пор скульптура стала его основной профессией. По его проектам сооружено множество памятников как на родине, так и за границей.

В 1864 году Микешин вышел победителем на конкурсе проектов монумента «Португальская конституция», за что получил от португальского правительства орден и диплом члена Лиссабонской академии. Орденом Черногории «За независимость» отмечена его работа над памятником Михаилу Абреневичу и освободителю Сербии Кара-Георгию (1868 год). За год до своей кончины,

в 1895 году, Микешин создал для Франции впечатляющий проект конного памятника Жанне д'Арк, получивший всеобщее одобрение, но, к сожалению, не осуществленный.

Около десятка его бессмертных работ исполнены в нашей стране: знаменитый памятник Богдану Хмельницкому в Киеве; патриоту Козьме Минину — в Нижнем Новгороде; Ермаку — в Новочеркасске; на Малаховом кургане в Севастополе — адмиралам Истомину, Корнилову, Нахимову; в Николаеве — матросу Шевченко и адмиралу Грейгу; русским воинам в Ташкенте; в Полтаве — превосходнейший памятник в честь победы 28 сентября 1708 года.

Помню, как я, попавший на студенческую практику в Могилевскую область в 1939 году, был потрясен великолепной композицией памятника в деревне Лесной, выполненного Микешиным в честь «Битвы при Лесной — матери Полтавской победы», — здесь Петр I разгромил за год до Полтавы шведский корпус Левенгаупта, шедший на подмогу войскам Карла IX.

Известный французский поэт Теофиль Готье, побывавший в России, был потрясен работами Микешина и назвал его «русским Микеланджело».

С великим итальянцем его роднили разносторонность, широта дарования, размах творчества и неистовая одержимость в работе. Уже будучи пожилым, он работал по 10 часов в сутки, сядя либо за глиной, либо за рисунком.

Михаил Осипович родился 9 февраля 1835 года в деревне Платоново, Рославльского уезда, Смоленской губернии. Его отец Осип Егорович — партизан Отечественной войны 1812 года, воевал в бригаде полковника Фигнера.

Талант живописца проявился очень рано, и технике письма маслом Мишу обучал местный «богомас» Тит Андронович. Сосед Микешиных, культурный помещик Вонлярлярский в 1852 году помог определить Мишу в Академию художеств. Шестнадцатилетний паренек из смоленской деревни был принят в класс профессора Виллевальде — баталиста академического направления. Ученик поражал учителей талантливостью: за шесть лет учебы он за свои картины получил несколько медалей. За картину «Граф Тилли в Магдебурге» он получил не только большую золотую медаль, но и возможность шестилетней командировки за границу для совершенствования в живописи. В 1853 году Академия была позади, но Микешин от поездки за границу отказался.

Конкурс на новгородский памятник резко изменил его судьбу: Микешин оставил живопись и перешел к скульптуре.

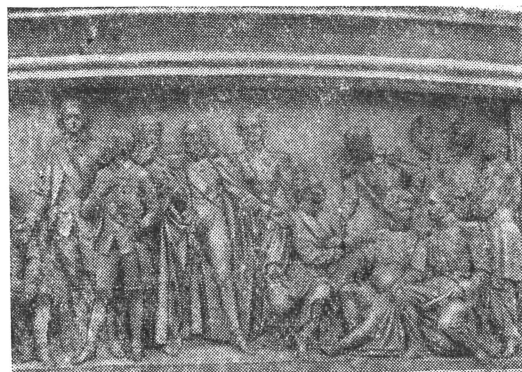
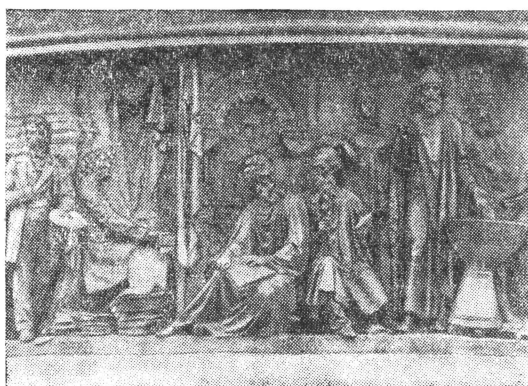
Микешин был большим другом Тараса Шевченко и гордился этим. Они подружились в Академии, здесь завязалось их знакомство и тесная дружба на всю жизнь, согретая незакатой привязанностью и любовью. Незадолго до смерти Шевченко доверил на сохранение свои рисунки не кому-либо, а именно Микешину. После смерти поэта Микешин организовывал ежегодные вечера, посвященные памяти великого сына Украины. На этих вечерах он выступал с воспоминаниями о своем друге. Микешин видел в авторе «Кобзаря» «редкий и цельный тип народного поэта», равного которому художник не видел «вообще в славянской семье народов». И смерть застигла этого великого труженика за работой над иллюстрациями к бессмертному «Кобзарю».

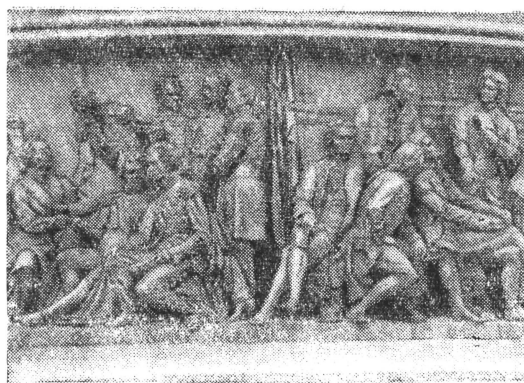
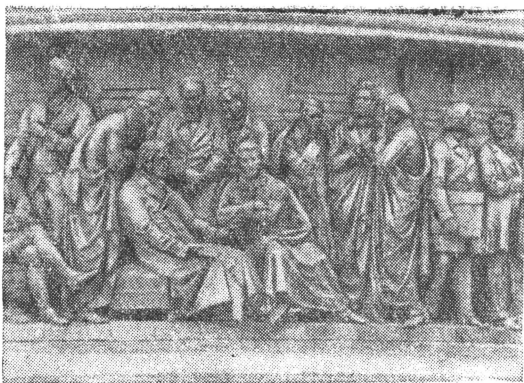
Интересно, что Микешин через всю жизнь пронес не только юношеский пыл и неутомимость в работе, но и мальчишеский задор: почти все свои рисунки он подписывал: «Миша Микешин»... Умер Михаил Осипович 10 января 1896 года в Петербурге.

Второе открытие памятника

КОГДА войска генерала Коровникова (59 армия Волховского фронта), сломив многодневное остервенелое сопротивление врага, 20 января 1944 года утром вошли в Новгородский Кремль, их взору предстала незабываемая картина. На кремлевской площади, между каменным остовом Софии с ободранными куполами и безглазым зданием музея лежали, запорошенные снегом, в самых невероятных позах древние русские богатыри и дружинники в кольчугах, латах и звериных шкурах, со старинными мечами в руках. Как будто они, славные наши предки, пали в кровавой сече с псами-рыцарями XX века. Фантастичность этой картины усиливалась сумрачностью не по-зимнему теплого утра: началась оттепель.

Это валялись разобранные и подготовленные к отправке в Германию части памятника 1000-летию России. К стати сказать, для этой цели уже проложили узкоколейку до железнодорожной станции.

Уникальный памятник не сразу был разобран немцами. Это и спасло его от судьбы знаменитой «янтарной комнаты», увезенной фашистами из Пушкина и до сих пор еще не найденной.

В первые годы оккупации Новгорода монумент особо привлекал захватчиков. Они фотографировались на его фоне, взбирались на него, чтобы запечатлеть себя в обнимку с выдающимися деятелями России — теперь безмолвными военнопленными.

В 1943 году гитлеровскому генералу фон Герцегу пришла в голову идея — преподнести своему другу, бургомистру прусского города Инстенбурга, щедрый и символический презент — памятник русского тысячелетия. Было приказано разобрать его и отправить «адресату» в Германию.

Но история распорядилась иначе: памятник вновь стоит в Новгороде «неколебимо как Россия». Ему суждено было пережить второе рождение, второе открытие.

Примечательно, что восстановление памятника началось раньше, чем что-либо, в полностью разрушенном Новгороде. Люди еще жили в немецких дотах и в подвалах разрушенных домов, еще по заросшему бурьяном древнему городу бродили звери — от лосей до рысей включительно, а в Кремле около памятника с раннего утра до поздней ночи возились реставраторы.

Восстановительные работы начались весной 1944 года и были проведены в предельно сжатые сроки — за пять месяцев. И современников Микешина, и нас поражает поистине титанический труд скульпторов и рабочих прошлого века, создавших за два года такой величественный и трудоемкий монумент. Не менее поразителен подвижнический труд девяти наших скромных современников в солдатских гимнастерках; просто удивительно, как в тех условиях так быстро был возрожден памятник подручными средствами — с помощью простейших, можно сказать дедовских механизмов. Было поднято на многометровую высоту свыше 360 частей памятника весом более 80 тонн. На новую отливку и заделку повреждений израсходовали полторы тонны бронзы, на чеканку швов ушло 600 килограммов рольного свинца. И это — в то время, когда каж-

дый грамм цветного металла был дороже золота, ибо шел на производство вооружения.

Кто же вдохнул вторую жизнь в эти изумительные портреты наших предков, кто возродил микешинское чудо, сделал нас, благодарных современников, богаче и счастливее, вернув нам ценную частицу нашего национального достояния?

Вскоре после освобождения Новгорода было принято специальное решение о восстановлении монумента. Хотя война еще была в самом разгаре, производство восстановительных работ поручили местной воинской части, занимавшейся строительством. В это напряженное время командование смогло выделить для этого лишь небольшую группу солдат: три слесаря и пять плотников.

Всю художественно-техническую часть дела возглавил умелый реставратор Н. А. Чернышов, бывший научный сотрудник реставрационных мастерских Эрмитажа. Он лечился в госпитале под Ленинградом. С еще незалеченными ранами он удрал из госпиталя: так его увлекла предложенная работа.

Большую помощь в восстановлении памятника оказали ленинградские рабочие и инженеры заводов «Красный выборжец» и «Красный гвоздильщик» и особенно профессор-металлург Буталов.

Второе открытие знаменитого памятника состоялось в канун 27-й годовщины Октября. Немноголюдно было тогда в Новгороде. Но все горожане пришли на торжество. Второе открытие существенно отличалось от первого — не только по социальному составу участников его; оно выражало и освещало по-новому идею монумента: оно утверждало великую победу великого народа над уползавшим в свое логово врагом, несокрушимость необъятного русского государства, отсчитывающего второе тысячелетие.

По-новому воспринимаемый, он вновь засиял своей неповторимой красотой; с его пьедестала осеняли советских воинов, идущих на Берлин, знамена Петра I и Дмитрия Донского, Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского. Благодаря труду восьмерых солдат они — прославленные герои прошлых битв — были с нами в строю.

«ВЕНЕРИНЫ

БАШМАЧКИ»

В пятом номере «Уральского следопыта» за 1967 год я прочитала заметку Г. Бельдягина «Венерины башмачки». Автор пишет, что около озера на станции Исеть Свердловской области «один раз в восемнадцать лет цветет чудесный южный цветок — орхидея или «Венерин башмачок», неизвестно когда и кем занесенный на Урал из далеких тропиков». О таком же цветке рассказывают экскурсоводы Главного ботанического сада Академии наук СССР и сообщают при этом, что он растет только в Африке. По виду этот цветок точно такой, какие я собирала в юности в окрестностях Асбеста. Там их были целые поля. Помимо «Венериных башмачков», попадались мне и желтые орхидеи более крупных размеров, но они не издавали такой дивный аромат, как «Венерины башмачки».

И мне не ясно, почему экскурсоводы оранжерей относят этот чудесный цветок только к африканской флоре. Как же эти цветы появились на Урале; в каких районах растут, какие имеются на Урале виды орхидей?

А. В. Клубукова, Москва.

Отвечает научный сотрудник Института экологии растений и животных Уральского филиала Академии наук СССР З. Д. Зайцева.

На Урале имеется три вида лесных орхидей умеренного пояса, которые получили название «Венерины башмачки» за оригинальное строение цветка. Научное название рода — циприпедиум. Венерин башмачок крапчатый имеет цветы не крупные фиолетово-розовой окраски с белым внутри губы. Он встречается по опушкам лесов в кустарниках, в оврагах; на севере — на известняковых скалах. В Печорском крае — по рекам Усе, Сыне, Щугору, Ылычу, Унье; по всей западной части Свердловской области и за Уралом. Северная граница идет через Самаров, Сургут. Южная — под Челябинском, через города Ишим, Омск.

Венерин башмачок красный — имеет цветы розовые, одиночные, только по нижней стороне губы иногда крапчатые. Растет в смешанных лесах на лужайках, по опушкам и в лесостепи. В Свердловской области близ Красноуфимска, в Ирбитском, Камышловском, Туринском районах, за Уралом — в окрестностях Тобольска.

Венерин башмачок желтый имеет ярко-желтую губу околоцветника, впереди закругленную, остальные лепестки длинные, губы красно-бурые. Встречается по лесным полянам, во влажных и мглистых еловых лесах. На Урале — близ Кыштымского завода в Челябинской области, за Уралом — около Тобольска, Тюмени, близ реки Оби.

Значит, «Венерины башмачки» закономерно входят в уральскую флору. А вот когда они появились в нашем крае? На этот вопрос ответить трудно.

В наше время известно около 500 родов и 20 тысяч видов семейства орхидных. Они распространены очень широко по всему земному шару, за исключением пустынь. У нас, в Советском Союзе, орхидеи растут по хвойным, лиственным и смешанным лесам в Европейской части СССР, Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке.

В Главном ботаническом саду, в отделении влажного режима, собраны некоторые представители орхидей. В путеводителе описаны только три вида. У них есть различия и сходства с цветами, растущими около Свердловска.

В заметке Г. Бельдягина говорится, что «Венерин башмачок» цветет один раз в восемнадцать лет. Специалисты по орхидеям В. А. Поддубная-Арнольди и В. А. Селезнева считают, что от посева до цветения растения проходит от двух до восьми лет, а в некоторых случаях и больше.

Стремясь к получению больших прибылей от продажи орхидей, фирмы в капиталистических странах, да и в дореволюционной России тщательно скрывали свои методы выращивания орхидей из семян. Они поддерживали представление о необычайной трудности семенного размножения этой ценной декоративной культуры. Что касается «нездешних» узоров на лепестках и губе «Венериных башмачков», то у местных уральских жителей имеется своя легенда. В Алапаевском районе, недалеко от знаменитой своими минералами Мурзинки, «Венерины башмачки» встречаются довольно часто и, как считают старожилы, указывают, где скрыты подземные кладовые самоцветов. Значит, растения эти издавна известны на Урале.

Мы, ботаники, призываем всех оберегать эти интересные в нашей флоре цветы.

ЛОГАРИФМЫ И СКРИПКА

В 1893 году отец ижевского учителя Михаила Николаевича Первякова купил на ярмарке в Нижнем Новгороде скрипку. Купил недорого — на корпусе была трещинка.

Принес скрипку домой, разглядел получше и изумился. Внутри корпуса надпись: «Антонио Страдивари. Кремона. 1712 год». И тут же печать мастера с инициалами «А» и «С». Неужели того самого великого Страдивари? Засомневался, никому про надпись не сказал. Так скрипка и лежала. Только перед смертью посоветовал сыну:

— Ты эту скрипку побереги...

И еще один инструмент от отца остался, и тоже с печатью Страдивари. Эту скрипку из Польши привез один из родственников. Который же настоящий «Страдивари»? А может обе — подделки?

Много лет Михаил Первяков потратил на эту загадку: изучал и состав лака, и свойства дерева, и конструкцию. А так и не узнал до конца секрет мастера из Кремоны, так и не смог определить, которая из скрипок настоящий «Страдивари»...

Зато увидел он в скрипке ключ к решению многих вопросов математики.

Сорок пять лет ведет он в Ижевске свой любимый предмет. Восемнадцать из них — в вечерней школе.

Придут молодые ребята — токари, слесари — прямо от станка на урок. Им отдохнуть надо, а тут формулы, уравнения, пропорции... Трудно. И решил Михаил Николаевич взять себе в помощники... скрипку.

— Смотрите,— показывает Первяков,— оказывается, в скрипке применено золотое сечение... А здесь использованы прогрессии и подобие геометрических фигур.

Вслед за скрипкой на стол учителя ложится смычок дрезденского мастера Бауша.

— Если замерить его в трех местах,— продолжает объяснять урок Михаил Николаевич,— нетрудно заметить законы логарифмов.

А потом появились в классе старого математика и машины. Сам он их придумал, а изготовили ученики. Машины-репетиторы, машины-экзаменаторы. Посторонний не сразу и поймет, в чем тут дело.

Когда стал Михаил Николаевич уходить на пенсию, в школе забеспокоились: кто такое хозяйство на себя примет? Ведь в классе Михаила Николаевича сейчас двенадцать механических помощников...

И тут все продумал учитель. Галина Михайловна, дочь, взяла класс отца. Она как раз институт окончила.

Правда, скрипку на уроки она не носит. Это все еще делает отец. Он и сейчас ведет уроки, но гораздо меньше.

Так и принесли Первяковы поэзию в самую строгую и чопорную науку — математику. Поэзию в дроби и уравнения.

НАСЛЕДИЕ

ПЫТЛИВОГО ИСКАТЕЛЯ

СТРОКИ затейливой скорописи, киноварные заглавия, толстые переплеты рукописных книг с медными застежками, грамоты, свитки... Кое-что мне уже знакомо. Двадцать лет назад нас, студентов-филологов Пермского университета, профессор Павел Степанович Богословский знакомил с этими редкостями, увлекательно рассказывая об экспедициях, находках, встречах, благодаря которым пополнилось это собрание. Летом 1967 года мне вновь довелось увидеть эти книги, но уже не на камских, а на невских берегах.

Уроженец Соликамского уезда, литературовед, фольклорист, архивист и этнограф, профессор П. С. Богословский (1890—1966 гг.) долгое время жил и работал в Перми, много сил и энергии отдал изучению родного Урала. В 20-е годы он был начальником Пермского губернского архива, руководил кружком по изучению северного края при Пермском университете, в котором преподавал со времени его открытия в 1916 году.

При его деятельном и энергичном участии вышло несколько выпусков «Пермского краеведческого сборника», насыщенных интереснейшими и разнообразными материалами. Он был организатором нескольких археографических, этнографических и археологических экспедиций, вел раскопки подземного хода в селе Пыскоре, предпринимал длительные поездки на Вишеру, в северные районы Урала.

Как литературовед, Павел Степанович ввел в научный оборот новые интересные материалы, связанные с пребыванием на Урале по пути в ссылку А. Н. Радищева, исследовал творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка.

В личном архиве профессора за полувековой период научно-педагогической деятельности

скопилось много разнообразного материала по истории русской культуры, по истории Урала (письма И. С. Тургенева, А. Н. Толстого, В. Я. Шишкова, П. П. Бажова, воспоминания и письма деятелей театра и т. д.). Значительная часть этих материалов ныне хранится в Пермском областном государственном архиве.

В результате археографических экспедиций 1915—1920 гг., организованных при содействии пермского промышленника Н. В. Мешкова, в архиве П. С. Богословского скопилось также много рукописных книг XVI—XIX вв., приобретенных главным образом среди старообрядцев Верхнего Прикамья. Согласно последней воле профессора, они переданы в дар Институту русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР.

Ценное собрание, составляющее более сотни старинных рукописей и документов, теперь бережно хранится в Ленинграде и уже осваивается как нашими, так и зарубежными учеными. К сожалению, в собрании отсутствуют книги на бересте, которые, по словам самого собирателя, были у него еще в 20-е годы (архив хранился в разных городах и часть его, возможно, утеряна при переездах).

В составе богатого собрания П. С. Богословского много рукописей литературного, исторического, религиозного содержания XVI—XX вв., представляющих большой интерес для истории и литературы, в частности Хронографы разных редакций, «Александрия», «Казанская история», «Стоглав», «Уложение» 1649 г., «Материалы о Петре I», «Брюсов календарь» XVIII в. с интересными владельческими записями, духовные стихи, повести, «Месяцеслов», лечебники-травники, автографы русских царей, военачальников, духов-

ных лиц XVIII—XIX вв. и многое другое.

В ленинградском собрании П. С. Богословского много материалов, имеющих непосредственное отношение к Прикамью и Уралу.

В рукописной книге XVII века «Толковой псалтири» владельческая запись орловского крестьянина Я. А. Миронова от 1703 года сообщает, что писал книгу уроженец Орла-городка Яков Пирожков. Это интересное сообщение свидетельствует, что в Прикамье еще в XVII—XVIII вв., переписывали книги, тогда как обычно считалось, будто рукописная книга попадала на Каму главным образом с Печоры.

В деле о незаконной переплате церковных денег ирбитскому мещанину Семену Кузнецову (XVIII в.) упоминаются предки уральского писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка Удинцевы.

Историков и исследователей Урала несомненно заинтересует книга записей о рождении, бракосочетании и смерти Пермского Петропавловского собора за 1787 г. Исповедная ведомость по г. Осе Пермской губернии (XVIII в.) может дать некоторые материалы к истории Пугачевского восстания.

Столбец хозяйственного значения по Шадринской слободе 1683—84 гг. об отводе земли, доставке хлеба и т. д. имеет значение для характеристики земельно-хозяйственных отношений на Урале в конце XVII в.

Этнографический интерес представляют записки неустановленного лица о «коряках», обитающих около Пинежской губы (XVIII в.) и сборник сочинений Н. П. Григоровского о жизни и языке остяков, о ведении хозяйства крестьянами Нарымского уезда (XIX в.)

Непосредственное отношение к уральской тематике

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

имеют: книга разнообразных инструкций на 140 листах, полученных капитаном Андреем Рылеевым из Пермской провинциальной канцелярии в 1774 году. Книга записей отпусковых и покормленных писем по Соликамскому и Чердынскому уездам от 1782 г., прошение крестьян села Богоявленского главноуправляющему Ф. А. Волегову по поводу взимания хлебного и денежного жалования священника из «суммы народной» и другие.

Значительный интерес для фольклористов Урала имеют «Свадебные песни», записанные Григорием Лучниковым в 1869 г. в Кудымкаре, с нотами, и «Русские народные песни», записанные в с. Голубцове Пермской губернии в 1872—73 гг. Владимиром Голубцовым.

С жизнью и бытом уральских заводов связана также автобиографическая заметка уральской писательницы-шестидесятницы А. А. Кирпищиковой, написанная ею по настоянию П. С. Богословского в мае 1926 г. С некоторыми сокращениями эта заметка была опубликована во II выпуске «Пермского краеведческого сборника» 1926 г. Теперь рукопись А. А. Кирпищиковой на 30 листах большого формата также поступила в Пушкинский дом и готовится к печати.

Разобщенность архива (он хранился в разных местах) и болезнь профессора не дали возможность ему опубликовать при жизни многие из подготовленных им материалов. Дело покойного профессора, талантливого ученого-краеведа, педагога, продолжает его многочисленные ученики и последователи, которым он заветал пытливість поисков и свое замечательное рукописное собрание.

А. МАЗУНИН, старший преподаватель Ленинградского педагогического института, кандидат филологических наук.

Большую и интересную работу ведут натуралисты Свердловского Дворца пионеров. В оранжереях в жестокие январские морозы распускаются цветы. Ребята создали свой розарий, в нем триста кустов роз сорока различных видов.

Энтомологи открыли 63 вида жуков, ранее неизвестных на Урале, составили большую очень интересную коллекцию насекомых Свердловской области.

Орнитологи ежегодно совершают не один десяток походов. Когда нужно было по заданию МГУ определить влияние Уральского хребта на распространение птиц, ребята побывали на Полярном Урале, в Кустанайской области, на Уральском «море» в Белоярском районе.

А летом 1967 года орнитологи работали в Каракумах. Там они тоже выполняли задание Московского университета, где сейчас составляются эталоны коллекций мира. Ребята поймали несколько уникальных птиц: белохвостую пигалицу, малую крячку, луговую тиркушку. Всего для МГУ из этой экспедиции следопыты привезли около 150 экземпляров птиц. Кроме того, они установили сроки их размножения и уточнили границы распространения некоторых видов.

По результатам летней следопытской экспедиции составляется «Летняя фауна птиц долины Сыр-Дарьи».

* * *

Юные биологи Свердловска были нынче в Нижне-Иргинской дубраве. От ученых-фенрлогов они получили ряд заданий. Нужно было выяснить, как идет развитие растений в различных условиях.

Ребята с большим интересом проводили наблюдения. Они обнаружили, что в глубине леса развитие земляники запаздывает по сравнению с опушкой, клубника южного склона развивается на целую неделю раньше, чем на северном.

Ребята использовали и опробовали новый интегральный метод. Он дает возможность вести не систематическое наблюдение, а разовое. При этом охватывается большая территория. Интегральный метод требует математических расчетов, на основе которых делаются выводы.

* * *

Вот какой отзыв о своей работе получили геологи общества «Глобус»:

«Группа ребят общества «Глобус» участвовала в проведении поисковых работ на талько-хлориты в Нейво-Шайтанском отряде Белоярской партии Пышминской комплексной геолого-геофизической экспедиции. За время пребывания в отряде группой было произведено маршрутное обследование центральной части Алапаевского ультра-основного массива. В результате чего выявлено несколько точек с проявлениями хлоритовых пород.

Юные геологи оказали непосредственную помощь отряду, принимая участие в привязке горных выработок и опробований.

Следует отметить, что все ребята хорошо владеют такими геологическими навыками, как пользование горным компасом, описание обнажений, образцов, ведение записей в маршрутах.

Коллектив Нейво-Шайтанского отряда выносит благодарность юным геологам общества «Глобус» и оценивает их работу на отлично.

Начальник Белоярской партии Костин Б. А.
Начальник отряда Костина Г. И.
Геолог отряда Соловьева Н. С.»

49

М И Л А Н

В О Д И Т Е

В О Д И Т Е

Приключенческий роман

Юрий ДОЛЬД-МИХАЙЛИК

Рисунки С. Киприна

Глава седьмая

ПОДКОВА СЧАСТЬЯ

За окном сверкали огни Милана. Хриплым гудком возвестив город о своем прибытии, поезд щелкнул стальными мышцами и остановился у перрона, отфыркиваясь после продолжительного бега по трудным дорогам Ломбардии. И тотчас в вагон хлынул шум волнующейся толпы — это темпераментные миланцы встречали своих родственников, друзей и знакомых.

Отказавшись от услуг навязчивого носильщика, Вайс подхватил свой чемодан и, потолкавшись среди прибывших, вышел на привокзальную площадь. Тут тоже бурлила жизнь, но господствовали здесь не пешеходы, а машины. Они подъезжали друг за другом, гостеприимно распахивали перед пассажирами дверцы. Вайс взял такси и, приказав отвезти себя в недорогую гостиницу, удобно устроился позади водителя, откинул голову на спинку сиденья и в который уж раз принял обдумывать план действий.

«В Донго надо приехать, конечно, днем и поселиться в частном пансионе, выдав себя за туриста. День-два посплохаться по городку, хоро-

шенько изучить местность и только потом начать действовать. Если посчастливится осуществить задуманное — немедленно в Западный Берлин... Нет, лучше в Лиссабон. Он, словно муравейник, кишит разведчиками всех мастей и рангов, там будет значительно легче найти нужного человека. А потом... потом куда-нибудь в Южную Америку... Подальше от Думбрайт и Нунке... Новый паспорт стоит каких-нибудь триста долларов. И тогда — ищи ветра в поле».

Машина то попадала в пробку и останавливалась, то неслась с бешеной скоростью.

— Какого черта вы так мчитесь, поезжайте осторожнее! — не выдержал Вайс.

Шофер презрительно фыркнул и сказал, что в Милане есть только один настоящий водитель, и это именно он, Никколо Фолио, все же остальные — жалкие дилетанты, которые не могут отличить радиатор от запасного колеса. В доказательство своего мастерства таксист так нажал на акселератор, что у Вайса по спине побежали мурашки.

Наконец машина остановилась возле неказистого здания, над дверью которого светилась синеголубая аргоновая вывеска. В ней не хватало нескольких букв, и дом от этого казался еще более запущенным.

Портье, невзрачный малый неопределенного возраста, провел Вайса в комнату на втором этаже. Это была узкая, длинная конура с окном, спрятавшимся под почерневшей от пыли шторой. У одной стены стояла кровать, накрытая мягким пикейным одеялом сомнительной чистоты, у другой, наискосок от кровати, — шкаф с мутным эвальным зеркалом на дверце. Меблировку дополнял небольшой столик в углу и два стула. Воздух в комнате был спертый, затхлый.

— Сколько стоит номер? — спросил Вайс, с отвращением поглядывая на несвежую постель.

— Пять тысяч лир в сутки, синьор!

Экономного Вайса передернуло:

— Как? За эту вонючую конуру — пять тысяч лир? Вы в своем уме?

Портье пожал плечами.

— Где-нибудь на окраине синьор, может быть, и найдет номер подешевле, но здесь, в центре, где семьдесят процентов домов снесено бомбежками... Да и что значат пять тысяч, если пачка сигарет стоит сто пятьдесят лир?

— Я тут ни минуты не останусь. Вызовите немедленно такси!

Портье нагло рассмеялся прямо Вайсу в лицо:

— У нас испорчен телефон, синьор.

— Где находится ближайшая гостиница?

— Кварталов за десять отсюда... Сами видели, вокруг одни руины.

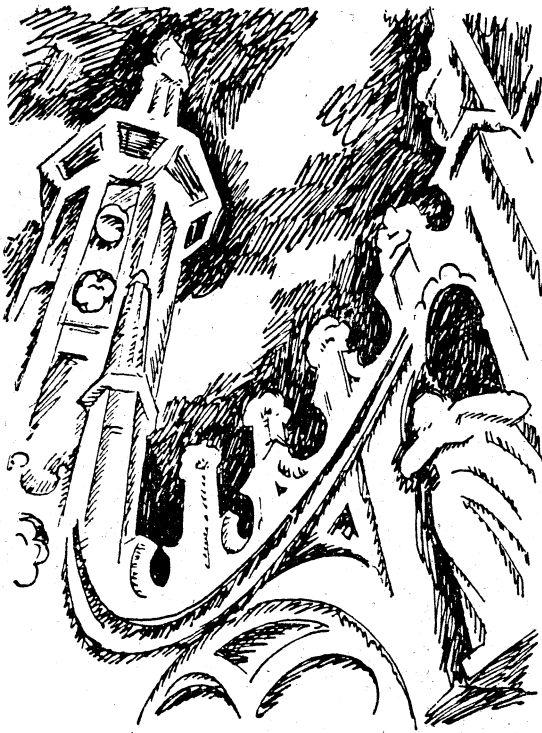
По лицу портье было видно, что он и сейчас врет, так же, как врал только что по телефону.

Вайс подошел к окну, приподнял шторы и распахнул обе его створки.

— Хорошо, я остаюсь! Убирайтесь!

Оставшись один, Вайс сбросил пиджак, сорочку, протер шею и тело одеколоном. Он корил себя за то, что так опрометчиво отпустил такси, не заехав куда-нибудь поужинать. Потом мысли его снова закружились вокруг будущего богатства. Настроение тотчас улучшилось.

«Ничего, когда-нибудь я с улыбкой буду вспоминать эту паршивую гостиницу... Впрочем, случалось и не такое. Бывали времена, когда и такая клетушка казалась бы мне раем. Переспать ночь, а потом...»

— Отстаньте,— буркнул Вайс и, повернувшись спиной к непрошеному чичероне, направился в парикмахерскую, мимо которой прошел несколько минут назад.

— Синьор, я вижу, приезжий? — поинтересовался парикмахер, намыливая клиенту щеки, и кивнул на поставленный у стены чемодан.— О, у нас есть что поглядеть! Собор вы уже, конечно, видели. Обязательно загляните в церковь Санта Мария с непревзойденной «Тайной вечерей» Леонардо. Безусловно, интересно поглядеть замок Сфорцца, картинную галерею Брера и другие музеи, но «Тайная вечеря» да Винчи — вне конкуренции, уверяю вас, синьор! Чудо, настоящее чудо. Нас, миланцев, считают людьми практичными, деловыми. Но у нас есть сердце, и мы гордимся тем, что именно у нас в Милане...

Ловкие пальцы мастера бегали по лицу, втирая в стареющую кожу освежающие кремы, а язык тем временем работал не переставая. Вайс уже давно не прислушивался к советам парикмахера, не реагировал на них ни единой репликой. Он сидел, закрыв глаза. После ночи, проведенной в гостинице, болела голова и было тошно на душе. Вайс мысленно прикинул, сколько у него осталось денег. Получалось не так уж много. Даже совсем немного. «Проклятая гостиница,—

В дверь постучали. И снова вошел портье.
— Простите, что побеспокоил. Может, синьору подать бутылку вина?

Вайс почувствовал вкус вина на пересохших губах. Действительно, выпить немного не мешает.

— Что ж, принесите...

Пробуждение было безрадостным. Покинув гостиницу, Вайс без аппетита позавтракал в небольшой трактирчике. После завтрака побродил среди изуродованных войной домов, волоча за собой надоевший чемодан. Обычно, если позволяли обстоятельства, он ездил налегке, рассовывая содержимое несесера по карманам. А теперь чемодан оттягивал руку и время от времени не то чтобы больно, а как-то назойливо-неприятно бил по ноге.

Вайс наугад ходил по извилистым узеньким улочкам и, неожиданно выйдя на Пьяцца Фонтана, оказался перед величественным сооружением. Даже он, равнодушный к архитектурным шедеврам, так же, как и к любому другому искусству вообще, остановился пораженный, невольно залюбовавшись чудесным творением рук человеческих. Перед Вайсом высился всемирно известный Миланский собор. Вертикальные линии здания, скрадывая его колоссальные размеры, тянулись к небу, переходя в многочисленные острия шпилей и башен, увенчанные фигурами святых. Они как бы призывали людей отрешиться от суетных земных дел и обратить свои взоры к ним, к богу.

— Синьор интересуется собором? — перед Вайсом выросла вертлявая фигура человека в потертом пиджаке. Не ожидая ответа, человек затараторил: — В Европе это единственный мраморный готический собор. Высота — сто сорок восемь метров, ширина — пятьдесят семь, высшая точка...

грыз себя Вайс.—Надо было сразу уйти, видел же, в какой вертеп тебя привели... А тут придется еще тратиться на такси. До Донго, конечно, можно добраться и автобусом, но на этом фешенебельном курорте я буду выглядеть смешным, если с чемоданом в руке стану бродить от пансионата к пансионату, спрашивая о ценах. Это может привлечь внимание... Явись я в роскошном «кадиллаке», это никого не удивит, пеший же путешественник в таких местах — аномалия.

Через час из Милана выехала серая машина и взяла курс на север. На заднем сиденье удобно устроился Вайс. В открытое окно вместе с прохладным ветерком, приятно ласкавшим лицо, врывается аромат трав, виноградников, буковых лесов. Пассажир поначалу мрачно поглядывал в окно, но постепенно и его очаровала красота природы, и он уже с любопытством вглядывался в набегающий ландшафт. А когда минут через сорок вдали показался городок Комо, Вайс окончательно ожил.

В городке машина вдруг остановилась.

— В чем дело?

— Спустила камера.

Воспользовавшись вынужденной остановкой, Вайс поднялся фуникулером на нависший над городком холм, откуда открывался чудесный вид на озеро Комо.

Синяя-пресиняя вода, тесно сжатая скалами, причудливые извилины заливов. Дальний конец озера теряется в фиолетовой дымке...

На одной из горных вершин высились развалины старинного замка, разрушенного временем, людьми и ветром, а еще дальше из голубизны бездонного неба выплывали, поблескивая на солнце, белоснежные вершины величавых Альп. Подножья гор растворились в туманной дымке, а их вершины, казалось, повисли в воздухе и существуют сами по себе, вне связи с землей.

Когда Вайс спустился вниз, шофер уже сменил камеру и, сидя в машине, жевал бутерброд, записывая его кока-кола прямо из бутылки. Увидя своего пассажира, он завернул остатки еды в газету и сунул в карман.

— Поехали?

Вайс молча кивнул. Ему не хотелось ни говорить, ни слушать. Хотелось сосредоточиться. Так молча они и ехали по узкой дороге, протянувшейся вдоль озера. Ее черная асфальтированная спина была поклевана как оспой. Кое-где вообще сохранилась только щебенка и, вылетая из-под колес, она пулеметными очередями била по низу машины. Дорога проходила у самой воды, повторяя все очертания берега. Иногда скалы оттесняли ее, и она змеей ползла вверх, а оттуда, как бы разогнавшись, снова сбегала к озеру. Случалось, гранитные скалы вставали на ее пути, не давая возможности податься ни вправо, ни влево, тогда дорога вгрызалась в камень, пробивала его тоннелем и продолжала дальше свой бег. На дороге селения нанизывались так часто, что трудно было понять, где начинается одно и кончается другое. Изредка встречались старинные часовенки. Сложенные из грубо обтесанного камня, они так органически вписывались в местность, что казалось, были изваяны самой природой.

— Сейчас Донго,— предупредил шофер и стал насвистывать какую-то мелодию, радуясь, что наконец избавится от мрачного пассажира.

Вайс заерзал на сиденье — близость цели взволновала его.

Синь озера, извилистая дорога, коричневые,

почти черные скалы, все, что недавно вызывало интерес, потеряло всякую поэтическую окраску, отступило, перестало существовать. Сразу же вспотели ладони и тревожно запульсировала жила у виска. «Донго... Дон-го... Дон-го...»

А вот и первые ничем не отличается от тех, что они видели по дороге: так же расположенные террасами домики, такие же виллы в зелени садов, разве только склоны здесь более пологие.

Заметив на одном из домов вывеску — «Меблированные комнаты», Вайс приказал остановиться. Цены превзошли все самые худшие опасения. Сердце Вайса сжалось, но пришлось покориться и оплатить даже полный пансион за неделю вперед. Денег осталось так мало, что едва хватало на обратную дорогу.

Два дня ушло на наблюдение и изучение подходов к вилле. Она одиноко стояла на окраине Донго, и лишь один маленький, обшарпанный домишко нахально расположился рядом с именитой соседкой. Впрочем, сама именитая соседка выглядела тоже весьма заброшенной. И не двери, крест-накрест забитые досками, не выбитые стекла во многих окнах придавали вилле такой нежилой вид, а буйная, нетоптанная поросль трав и бурьяна, окружавшая дом сплошным ковром. Даже ступеньки позеленели от моха, а в трещинках на крыльце росли одуванчики и выюнок. Казалось, сама природа двинулась на приступ этого забытого людьми жилья. От дуновения ветра зеленый ковер колыхался, и сквозь толщу его проглядывали очертания когда-то хорошо ухоженных аллей, теперь запущенных, за которыми давно никто не следил.

Среди местных жителей вилла пользовалась недоброй славой. Когда Вайс, расспрашивая о тех или иных достопримечательностях, как бы ненароком упомянул об одинокой вилле, хозяйка пансионата неохотно ответила:

— А пропади она пропадом! Не к добру будь помянута! Мы, местные люди, не суеверны, но все же стараемся обойти ее стороной. Знаете...— женщина вдруг не закончила фразу и с внезапной подозрительностью взглянула на собеседника: — Почему вы интересуетесь этой виллой? Может, вы тоже из тех, кто слоняется вокруг нее? Ах, здесь ступали ноги дуче, ах, здесь несчастная Петаччи играла на рояле и пела... Тыфу на них! Щелк-щелк аппаратами, а зачем, спрашивается, щелкать? Неприкажные души казненных на пленке не зафиксируешь...

— Какие души? Вы говорите как-то непонятно.

— Да о их же душах...— хозяйка пансионата наклонилась к Вайсу и шепотом продолжала: — Святой крест, сама видела, как по ночам там блуждают какие-то огоньки! И не одна я, потому что случалось это не раз и не два. Ну, сами рассудите, кто может бродить там в полночь? На вилле ни щепочки, с какой же стати кто-нибудь туда полезет? Это бродят Он и Она, гонимые собственными грехами.

Вайс недоверчиво улыбнулся, но, мигом сообразив, что такое толкование ему очень на руку, глубокомысленно заметил:

— В мире еще много непознанного, синьора! Мы тешим себя мыслью, что всего достигли, а на самом деле...— Вайс покрутил головой и вздохнул.

Вздох был чистосердечный. «А что, если кто-то опередил меня?» — промелькнула мысль. Но он тут же успокоил себя: если ищут в доме, значит

не знают об ограде, в которой замурованы драгоценные письма. А впрочем надо торопиться. Сегодня же ночью приступить к поискам. Но как вынести инструмент? Сверло и нож крепчайшей стали можно положить в карман, небольшой ломик спрятать под плащ, а как быть со щупом? Письма скорей всего уложены в металлический ящик или футляр, чтобы их не повредила сырость. Так что без щупа не обойтись. Выход один — вынести его в чемодане. Сделать вид, что едешь прокатиться на пароходе, осмотреть озеро, а на самом деле спрятаться с чемоданом в гуще сада или в погребе, который наверняка есть при вилле. Надо сейчас же отправиться на разведку.

Вайс медленно прошелся по главной улице городка, побродил возле пристани. Вода, зеленая у берега, билась о причал. Дальше озеро было небесно-голубым, а еще дальше густо-синим. Несколько туристов с мольбертами расположились вдоль берега — кто у самой воды, кто поодаль. Небольшой катер только что отошел от берега, на нем включили репродуктор, и оттуда долетала задорная веселая песенка. Туристы, оставшиеся на берегу, махали отъезжающим платочками, кое-кто фотографировал катер, причал, легкие прогулочные яхты с треугольниками парусов.

На солнце они казались ослепительно белыми и эффектно выделялись на синем фоне неба и озера. Эта праздничная картина раздражала Вайса и почему-то даже обижала. «Ишь, вырядились и выпендриваются друг перед другом, скалят зубы, смеются. Ударить бы по ним из пулемета! Подлецы, сволочи!.. Попадись вы мне немного раньше, в Заксенхаузене. Через фабрику Маркуса Пельца прошла не одна сотня такого сброда. Прошла, но не вышла...»

Непобедимая сила влекла Вайса к вилле. Но пить хотелось так сильно, что на полпути он зашел в трактир промочить горло стаканом вина. И тут толклась уйма бездельников. Они расселись с таким видом, словно навечно прикипели задницами к стульям, словно в мире нет иной работы, чем цедить вино и болтать. Особенно злили Вайса трое молодчиков, сидевшие через столик от него. Один из них, высокий, плотный парень, с издевкой поглядев на Вайса, что-то сказал своим товарищам, те оглянулись и расхохотались. Вайс, не замечая вкуса вина, выпил свой стакан и поднялся. Сдерживая бешенство, он направился к выходу с единственной целью как можно скорее выбраться отсюда. Но когда он проходил мимо столика, за которым сидела та тройка, высокий выставил вперед ногу. Споткнувшись, Вайс не упал

лишь потому, что успел схватиться за плечи белокурого юноши, сидевшего спиной к проходу.

— Ты что на людей кидаешься? — прохрипел плотный, вскакивая с места.

— Вы нарочно подставили мне подножку, — Вайс старался говорить спокойно. Он понимал: силы неравные, к тому же все трое изрядно выпили.

— А ты гляди под ноги и не задирай нос! — воскликнул белокурый, тоже вскакивая с места.

Вайс понимал: надо немедленно уходить, не вступать в драку, но раздражение, накопившееся за весь день, искало выхода. Хорошо натренированный в Заксенхаузене, он молниеносным движением стукнул белокурого по подбородку, ребром ладони, ударил высокого по шее и ринулся на третьего. Тот попятился, спиной навалившись на соседний столик.

— Гляди-ка, бешеная крыса! Белая бешеная крыса! — вопил он, размахивая перед собой бутылкой.

Увидав, что белокурый пришел в себя, а второй, сваленный метким ударом, шевелится, Вайс бросился к двери, свернул в какую-то боковую улочку и стал петлять, заметая след.

Он пошел медленно только возле виллы, привычно обошел ее вокруг и собрался было перемахнуть через ограду, как вдруг увидел длинную фигуру, топчущуюся у мольберта. Человек то делал мазок кистью, то отступал и рассматривал сделанное.

— Синьор! — окликнул его Вайс не без задней мысли. — Простите за нескромность, но я так люблю живопись... Не разрешите ли взглянуть на ваш этюд? Только взглянуть, я вам не помешаю.

Незнакомец из-под кустистых бровей бросил на «любителя» живописи острый взгляд и недовольно пробормотал несколько слов по-английски. А поскольку Вайс языка не знал, то принял это бормотание за согласие. Перепрыгнув ограду, он приблизился к художнику.

С губ Вайса уже готово было сорваться восторженное «О-о!», но англичанин повернулся на каблучках и с такой откровенной злобой поглядел на непрошеного гостя, что тот, смутившись отошел в сторону и только примирительно замал рукой, как бы говоря: ухожу, ухожу, не стану вам мешать.

Собственно, такая агрессивность англичанина только облегчила задачу Вайса. Сделав вид, что растерялся, он отступил не к ограде, а к дому и быстро скрылся за углом. Художник, прищурившись, долго и подозрительно глядел ему вслед, потом покачал головой, выругался и стал собирать этюдник.

Но этого Вайс уже не видел. Его внимание было приковано к фундаменту тыльной стороны виллы: маленькая дверка, забитая ржавыми гвоздиками, свидетельствовала о том, что за ней есть какая-то каморка, возможно для хранения садового инвентаря. Итак, помещение, где можно укрыться загодя, есть!

Вернувшись в «Меблированные комнаты», Вайс предупредил хозяйку, что сегодня не будет ни ужинать, ни ночевать дома: встретил знакомых, те пригласили его принять участие в прогулке по озеру, отправятся первым же катером, поэтому ночь удобнее провести у друзей, живущих недалеко от причала.

Хозяйка пансионата только пожала плечами: — Меня это не касается, синьор! Вы заплатили за семь дней, а будете вы ночевать дома

или не будете, к нашим расчетам это отношения не имеет.

— Конечно, конечно, — согласился жилец, хотя ему было жаль несъеденного ужина, а может быть и завтрака.

День тянулся бесконечно долго. Разгоряченное сознание рисовало уже не только шкатулку с письмами Черчилля, а множество других шкатулок, наполненных драгоценностями и деньгами. Говорят, Петаччи брала колоссальные взятки со всех, кому надо было обратиться к Муссолини. Каждый проситель, прежде чем попасть к дуче, проходил через ее приемную. Не может быть, чтобы такая предусмотрительная особа, почуяв запах паленого, держала все ценности при себе. Какую-то часть она, конечно, припрятала. И если уж ей пришлось в голову замуровать драгоценную переписку в ограду... У Вайса чесались руки, — так хотелось ему поскорее попасть на виллу и заняться поисками.

Наконец долгожданные сумерки окутали городок. Круглым путем Вайс добрался до окраины и, крадучись, подошел к вилле. В домике, стоявшем поблизости, светились окна. Это неприятно удивило Вайса: днем домишко казался совсем нежилым. Из предосторожности пришлось подойти со стороны пустыря. С чемоданом в руке искатель кладов влез на ограду, тихонько опустил свою ношу по ту сторону забора, потом слез сам. Спрыгнуть он побоялся — каждый шаг казался невероятно гулким. Вайс подождал. Ничего подозрительного. Тогда, пригнувшись и прячась в тени, которую отбрасывала стена, он стал осторожно передвигаться вперед так, чтобы оказаться напротив забитой дверцы.

Как он и предполагал, там находилась каморка, заваленная граблями, лопатами, тялками и другим садовым инвентарем. Была она так низка, что пролезть в нее можно было только согнувшись в три погибели. Вайс попробовал выпрямиться сидя, но голова его тотчас ударилась о дощатую обшивку. Натыкаясь на какие-то острия, он пытался расчистить место, чтобы лечь поудобнее, и наконец, нащупав свернутый шланг, немного раздвинув ветки, устроился на нем. Твердая резина впивалась в ребра, руки, ноги, воняла плесенью и пылью, от земляного пола тянуло сыростью. Если бы не свет в том домишке, можно было бы оставить тут чемодан, а самому посидеть на воздухе у фундамента. Но Вайс боялся высунуть нос, даже чуть-чуть приоткрыть дверцу. Обстановка так угнетала, что все его радужные мечты с каждой минутой блекли, а вместо них рождался страх. Почему в домике рядом с виллой горит свет? Почему в саду оказался тот художник-англичанин? Да художник ли он вообще? Может, он один из тех частных детективов, которые шныряют тут непрерывно. И не удивительно ли поведение самого Черчилля, который в первое же послевоенное лето решил отдохнуть на озере Гарда, неподалеку от виллы Петаччи? Что, если вилла находится под непрерывным наблюдением англичан? Жало страха вонзалось все глубже. Вайс вытаскил пистолет, проверил его, поднял предохранитель. Что бы там ни было, он не отступит от своего.

Но вокруг царил тишина. Ухо не улавливало никаких подозрительных шумов. Скреблись мыши в углу каморки, в саду стрекотали цикады, время от времени подавала голос ночная птица, под порывами ветра шелестела листва, издали доносился лай одинокого пса. Обычные звуки ночи,

Миновала полночь, и Вайс решил: хватит ждать! Он осторожно вылез из укрытия. Ночная прохлада сразу освежила голову. Он размял окоченевшее тело, снял плащ, положил пистолет в карман брюк. С собой Вайс взял только щуп, но, поколебавшись, захватил и нож, чтобы сделать отметину на ограде. Найдя место, можно будет вернуться за ломом, а сейчас он будет только мешать.

План поисков он тщательно разработал еще днем. Начиная от ворот, двигаться вправо сантиметр за сантиметром, старательно ощупывая стену, но делать все лежа. Это немного затруднит продвижение, но зато с внешней стороны никто ничего не заметит.

Распластавшись в высокой траве, Вайс пополз к стене. Вот он уже под ее надежной защитой. Жесткая холодная поверхность, казалось, пульсировала под его ладонями. Ну!..

Надев наушники, Вайс приложил щуп к стене. Как и следовало ожидать, возле ворот не поступило ни единого импульса. Кто же устраивает тайник у входа, ведь здесь любой прохожий может заметить камешка. Должно быть, тайник находится напротив главного фасада. Может быть, сра-

зу искать там? Нет, необходима система. Во всякого рода поисках нужна система. Шаг за шагом, очень медленно, змеей извиваясь в высокой траве, Вайс продолжал двигаться вдоль стены, выставив вперед щуп. Тот молчал... молчал... черт его подери, молчал...

Передохнув и остудив вспотевший лоб влажной густой травой, Вайс поправил наушники и снова пополз. От прилива крови к голове стучало в висках, шумело в ушах. Разболелись локти и колени. Сердце стучало так, что казалось, будто эхо разносится по всей земле.

Напротив главного фасада снова пришлось передохнуть. Здесь наиболее подходящее место, надо сосредоточить все внимание. Прижавшись спиной к стене, Вайс сел, сделал несколько дыхательных упражнений. Помогло. Он посидел минуты три, сдерживая нетерпение. Перед тем как ползти дальше, перекрестился,— так он делал только в детстве, когда отец брался за пояс, собираясь отхлестать его за какую-нибудь провинность. Щуп скользнул по стене, еще и еще... И вдруг горячая волна крови снова ударила в голову: щуп отозвался! Не веря самому себе, Вайс отрывал щуп от стены, снова прикладывал. Сомнений нет: мембраны наушников ожили!

Не помня себя от счастья, Вайс поковырял ножом щель между камнями. Упал кусочек застывшего цемента, но глубже лезвие не шло. Нужен лом! Не в силах больше сдерживать себя, Вайс метнулся к камерке. Огляделся. Прислушался. Никого. Тишина. Так же бегом вернулся к стене. Поплевал на ладони, хотя они и так были мокрыми от пота. Всем телом навалившись на лом, вогнал его в расщелину, которую расширил ножом. Эх, если б можно было хоть камнем ударить по головке лома! Но представив себе, какой от этого будет шум, ужаснулся, еще сильнее, всей тяжестью приналег на лом и стал раскачивать камень в стене. Напрасно! Попробовал загнать лом под камень, но металл со скрежетом скользнул по стене. Скрежет этот прозвучал как гром. Прижавшись к стене, переждал и снова принялся долбить

ножом цемент. Опять загнал лом в щель. Вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз... Ладони горели, словно с них слезла вся кожа.

Наконец посыпалась штукатурка, камень шевельнулся. Выбываясь из последних сил, Вайс загнал лом поглубже и повис на нем, поджав ноги. «Ага-ага, поддаешься! Если теперь нажать сверху...» Но сверху нажать не пришлось. С неожиданной легкостью большой плоский камень выскользнул из своего гнезда и глухо стукнулся о землю. Сила инерции швырнула на траву и Вайса.

Доля секунды — и он вскочил на ноги. Засунутая в отверстие рука схватила что-то небольшое, полукруглое. Подкова! Черт подери, они замуровали в ограде подкову на счастье! Еще не доверяя собственным глазам, Вайс шарил в отверстие, обдирая ноги.

«А может, дальше, за подковой... Может, подкова именно потому тут и замурована... Еще раз проверить щупом...»

До щупа его рука не успела дотянуться. Кто-то сильно ударил Вайса по плечу, резкий свет электрического фонарика блеснул и ослепил его. Инстинктивно он отскочил в сторону. Но фонарик уже погас. На фоне стены вырисовывались лишь три темные фигуры.

— Гляди, снова белая крыса! — скорее с удивлением, чем с угрозой воскликнул тот, кто был ниже всех.

— А-а, это ты, подлюга! — проревел самый высокий. — Сейчас я покажу тебе, как применять недозволённые приемы!

Темная фигура бросилась вперед, но Вайс снова успел отскочить. Рука его сжала пистолет. Теперь он был уверен: злополучная подкова лишь обозначала место, где спрятан клад, за которым он охотился. Мысль о богатстве, которое ускользнуло из-под носа, довела Вайса до безумия. Палец сам нажал курок. Кто-то в темноте ойкнул, к сожалению не самый высокий, потому что он, навалившись на Вайса, сбил его с ног, тяжестью своего тела придавил к земле.

— Забирай у него пистолет! — крикнул он тому, кто подбежал.

Тяжелая ступня расплющила пальцы Вайса, пистолет выпал. Тогда он вспомнил о ноже, оставленном у стены, и резко повернулся. Теперь все его усилия были направлены к тому, чтобы подкатиться к этому месту. Зубами вцепившись в нападшему в подбородок, Вайс напрягся, и оба действительно подкатились к стене. Здоровяк ревел от бешенства и боли — зубы противника все глубже впивались ему в тело.

— Да бей же ты его, бей, чего стоишь! Это не крыса, а бульдог! — зло вопил здоровяк.

Вайс успел заметить, как над его головой мелькнуло что-то похожее на палку. Последним усилием он вытянул руку и схватил, как ему показалось, нож. Но это был не нож. Это была подкова...

На следующее утро полиция так и нашла его, сжимающего в руке «подкову счастья».

Глава восьмая КОГДА УБЕГАЕТ СОН

Большой город окутала ночная мгла. Ее не в силах побороть полуприглушенным фонарям. Они выхватывают из темноты лишь небольшие, тускло освещенные круги у своих столбов, и от этого тени домов кажутся еще глубже, а сами дома

сливаются в сплошную, непроницаемую стену. Только кое-где, очень редко, их черноту немоту, словно крик о помощи, разрывают открытые окна, в которых еще не погасили свет.

...Горит ночник у Марианны. Он освещает только изголовье кровати, а вся комната погружена в полумрак, который поглощает знакомые с детства контуры вещей. И от этого чувство отчуждения от всего, что до сих пор было устойчивым миром девушки, еще усиливается. Отец и мать не понимают, что, с ней происходит, считают, что она тоскует по Рамони. Знали бы они, как он теперь мало значит для нее. Даже не мало, просто не существует совсем. Мучает Марианну сейчас совсем иное — мысли о жизни и смерти. Не поспей Фред вовремя — и ее бы уже не было. Совсем не было. Все бы осталось, а ее бы не было. Как будто с грифельной доски начисто стерли написанное. Что же такое тогда жизнь? Куда же девается все, что было твоим естественным?

Как трудно, как трудно все это постичь! Горькое чувство безнадежности пронзает душу.

...Зеленый, низко опущенный абажур прячет в тени голову Умберто Висконти. Полумрак разгладил морщины на лице, и оно напоминает застывший, почерневший от времени иконописный лик. Живыми кажутся только глаза — в их лихорадочном блеске бессонница и раздумья двух ночей. Страницу за страницей Висконти листает свою жизнь и понимает теперь, где ошибся: он старался действительную любовь к ближнему втиснуть в куцые рамки догмы, боясь перешагнуть ту грань, которую сам себе начертил: тут божье, а тут человеческое. Было время, когда он чуть не переступил эту грань. Включившись в Движение Сопротивления, он действовал бок о бок с коммунистами, считал их могучей силой, единственно последовательной в борьбе с фашизмом. Выводы, к которым он тогда пришел, испугали его, и когда война закончилась, он как страус спрятал голову в привычную сферу религиозных ограничений. В его глазах они были уздечкой, помогающей держать народ в шорах. Против кого? Против самого себя!.. Единственное свое дитя ты отдал на воспитание к священникам, которых сам не уважал. И вот результат...

Шагает из угла в угол по своей комнате Джузеппе. Он старается обдумать то, что должен сегодня написать, но никак не может собраться с мыслями. Его душит гнев, он все еще под впечатлением пережитого днем унижения. Насмешливая, презрительная улыбка Фреда жжет его, словно прикосновение раскаленного железа. И ведь уверен, гад, что Джузеппе его испугался! При других обстоятельствах — пусть бы пробовал стрелять, пусть бы делал что угодно — один-два приема дзо-до, и он бы валялся на полу, как мешок. А фото бы тью-тью! Позволили бы только обстоятельства... Ничего, Джузеппе это ему не простит. Пройдет не так уж много времени... Круто повернувшись, секретарь подходит к маленькому столику, который служит ему письменным, и, придвинув лист чистой бумаги, начинает писать.

...Джованна только что вернулась из кабары и не только не легла в постель, но даже не успела снять платье. Девушку потащивает. Пить с посетителями кабары входит в обязанности певицы. И, наверное, не только пить. Хозяин кабары синьор Джулио сегодня далеко недвусмысленно намекнул, что Джованне не мешало бы обновить свой туалет, а когда она спросила, где взять на это деньги, только ухмыльнулся.

Вот тебе и карьера певицы! Никто из знатоков не заметит тебя, не запишет твой голос на пластинку, не предложит учиться дальше. Так бывает только в кино. И никто никогда не женится на тебе, потому что на девушках из кабаке вообще не женятся. Даже Паоло. Он уехал и словно сквозь землю провалился, открытку и то не удосужился написать. А-а... ко всем чертям Паоло! Таких, как он, она найдет сколько угодно, только пальцем помани!.. Плечи Джованни вздрагивают. «Святая мадонна, святая мадонна,— сквозь слезы шепчет она,— ты же видишь мое сердце, я ведь хочу быть честной девушкой...»

...В просторном, хорошо обставленном номере гостиницы на Виа Национале мистер Хейендопф потягивает через соломинку ядовито-зеленый напиток. Положив ноги в туфлях на стол, Хейендопф блаженно щурится, довольный всем на свете: этим напитком, что так приятно щекочет горло, мистерам Гордоном, который дал ему пятидневный отпуск, и уж, конечно, самим собой, ибо только собственная смекалка подсказала ему поездку в Рим, где столько этого антикварного хлама, что хоть пруд пруди. Но сейчас он не думает о мелочах, приобретенных за бесценок, если считать на доллары, а не на лиры. Получилось так, словно он ловил мелкую рыбешку, а поймал кита! Правда, не совсем еще поймал, но непременно поймает, потому что издали увидев, как этот молодчик сиделся в машину, Хейендопф бросился за ним вдогонку и узнал, где тот живет. Жалкий пансионат, в котором мог поселиться только человек, дела которого пришли в полный упадок. Что ж, тем лучше. Легче будет соблазнить его работать под началом мистера Гордона. Именно такие ловкие парни ему крайне нужны, и начальник не поскупится на вознаграждение за такое безусловно ценное приобретение. Да и для служебной карьеры Хейендопфа это будет иметь значение. Итак, завтра... Потягиваясь и сладко зевая, баловень фортуны мистер Хейендопф, которому во всем так везет, направляется к кровати.

...Григорий только что проснулся и включил свет. Он не помнит, что ему снилось, но по тому, как тоскливо сжимается сердце, понимает: снился родной дом. Поймать бы хоть краешек этого сна, снова погрузиться в него и хоть так побывать на родной земле! Он протягивает руку, чтобы снова погасить свет, но тотчас ее отдергивает. Нельзя себя размагничивать. Сними книгу с полки и почитай. Погляди, сколько у тебя добрых утешителей! Григорий ночует сегодня в опустевшем жилище Матини. Матини взял с собой только несколько медицинских справочников, несколько новых журналов. За всем остальным он приедет потом. Наслаждайся, Григорий, выбирай любую книгу, вон их сколько выстроилось на стеллажах. Сможешь ли ты когда-нибудь собрать свою библиотеку? Григорий встает и нежно проводит рукой по корешкам. Вот оно, бессмертие! Навечно зафиксированные в черных строчках точчайшие порывы человеческой души, полет мыслей, надежды, обращенные к потомкам. Подлинная материализация личности каждого автора, его вечное присутствие среди живых...

Преодолевая искушение почитать что-либо из последних новинок, Григорий останавливает свой выбор на всемирной истории Шлоссера. Вторым том посвящая Германии, это именно то, что нужно. Заглянув в прошлое народа, легче понять его настоящее. Григорий снова укладывается в кровать и погружается в чтение. Но читать такой со-

лидный трактат, переведенный на итальянский язык, трудно. Мал запас слов. Григорий пугается в длинных периодах. Чтобы понять их смысл, приходится напрягать внимание, а если встречается очень длинная фраза, то и перечитывать по несколько раз. Книга лежит на одеяле обложкой кверху, а мысли Гончаренко уже блуждают далеко от нее, они устремляются вслед за Агнессой, Иренэ и Матини, которые сейчас в пути. Вдруг в памяти всплывает вскользь брошенная фраза Матини: «Чуть не забыл, прочтите письмо, которое я оставил в бюваре на столе». Матини не сказал, от кого письмо, а Григорий не успел спросить: в этот момент в комнату влетела Стефания, взволнованная предотъездными хлопотами, и стала требовать, чтобы мужчины помогли ей что-то упаковать. Так и ускользнули эти слова из памяти, а могли и совсем забыться...

Несколько листочков почтовой бумаги, испианных по-немецки. Прочитав обращение, Григорий сразу взглянул на подпись. Лютц! Милый Карл! Единственный человек в стае хищников, в которую попал Григорий, очутившись в Сен-Реми.

«Матини, друг, чертов ты парень, тебе даже невдомек, как я обрадовался, узнав твой адрес! — писал своим размашистым почерком Лютц. — Стоит сейчас передо мной бутылка отличного бренди (по такому поводу, как встреча со старым другом, я разрешил себе подобную роскошь) и два полных бокала. Я понемногу отпиваю из одного и чокаюсь с другим, воображая, что это ты держишь его в руке. Не хватает только твоей печально-иронической улыбки, а она мне вот так необходима в этой собачьей жизни...»

Слова толпятся и толпятся, прямо рвутся на бумагу, а я, право, не знаю, с чего начать. Ведь столько набралось всякой всячины с тех пор, как мы виделись с тобой последний раз. Курт, с которым я встретился, рассказал мне о твоих неприятностях и я рад, что они кончились, ибо в жизни, где все течет, все изменяется, непоправима и действительно нерушима только смерть. Чтобы задобрить эту отнюдь не таинственную даму, я выпью еще один глоток, как бы в ее честь, а в действительности затем, чтобы было легче написать о нелепой гибели нашего общего друга Генриха фон Гольдринга. Случайно мне в руки попала паршивенькая газетенка — выпустили ее в одном из лагерей для интернированных немцев, — из нее я и узнал, что Генрих был казнен за вооруженное нападение на солдата оккупационных войск. Сообщение официальное, так что сомнению не подлежит. Не стану писать, как меня это потрясло. Я очень любил Генриха, хотя, признаюсь, не всегда понимал, что руководит некоторыми его действиями. Но все равно дружба с ним дала мне очень много. И дело не только в этом, — всегда обидно и печально, когда в мире становится одним порядочным человеком меньше. Достаточно, ставлю точку, различные затасканные сентенции так и просятся на уста. Лучше, Матини, еще раз выпью с тобой эту рюмку до дна в память о нашем друге...

Вероятно, надо рассказать о себе. Если излагать лишь факты и события, в которые уложится моя жизнь, то их не так уж много. Был интернирован, но вскоре выпустили. Осел в Берлине, в западной его части, потому что именно здесь нашел своего старшего брата, единственного, кто остался в живых из всей нашей семьи. Впрочем, из дома брата пришлось бежать, чтобы не слушать нудных нравоучений добропорядочного бюр-

гера. Теперь я живу, как репетитор, у одного из своих учеников. Да, я еще не сказал тебе, что преподаю в школе историю молодым балбесам. Зарабатываю не так уж много, но на скромную жизнь хватает. Тем более, что за репетиторство я получаю комнату и стол. Я очень привязался к мальчику, ласковому и любознательному. Он увлекается живописью, мечтает стать художником, но отец, который все время разъезжает по разным странам, наверное, не позволит ему,— так,

по крайней мере, думает мать мальчика, моя хозяйка Берта.

Вот тебе факты. Ничего особенно страшного вроде бы и нет. А на самом деле есть, Матини, есть! И бессонные ночи, и страх, и полная путаница в душе. И тут уж не отделаешься несколькими словами. Скверно мне, Матини, так скверно, что и не скажешь!

Как-то на аэродроме, возле Сен-Реми один из наших шутников поймал то ли мышь, то ли крысу, я уже не помню, облил бедного зверька бензином и пустил бегать по летному полю. А несчастное создание возьми и прыгни в самолет. Самолет, конечно, сгорел. То же самое происходит сейчас в Германии. Преступные руки не скупятся на горячее, чтобы поджечь молодые сердца, и это кончится так же, как на аэродроме,— живые факелы сожгут все вокруг. Я говорю только о молодежи, потому что соприкасаюсь с ней ближе и больше всего огорчаюсь за нее. Одновременно мучают меня и мысли о собственной персоне. Ты же знаешь меня — увалень да и только! Если бы кто-то толкал меня в затылок, и я, может быть, полпыл бы против течения, а так только и всего, что хлопаю руками по воде, не решаясь зайти поглубже. И напрасно мои коллеги поглядывают на меня косо — какой из меня боец!.. Эх, милый друг, милый друг! Думал излить тебе душу, а слова, словно кость, застряли в глотке. Может потому, что я сам еще не пережевал все как следует. Скорее всего так. Поэтому прости за это слюнявое послание.

Будь здоров и напиши о себе. Посылай письма на главпочтамт, до востребования; если напишешь на домашний адрес, письмо может попасть не ко мне, а в нежные пальчики фрау Берты. Итак, жду ответа. Обнимаю тебя, друг! Эх, как жаль Генриха, как жаль! Помнишь наши беседы и споры втроем? Еще раз будь здоров! Желаю тебе удач, счастья. Ведь фортуна проживает в ваших местах и к тебе, как к соотечественнику, возможно будет милостивее, чем ко мне.

Твой Карл Лютц».

Медленно, очень медленно складывает Григорий листики. Бедняга Карл! Сейчас ему трудно. Но душевная боль, как и всякая боль,— сигнал, предупреждение: осторожно, отсюда надвигается опасность! Здоровый организм отвечает на такие сигналы защитной реакцией... Так-то это так, но чтобы мобилизовать защитные силы, чаще всего необходимы и лекарства. А где он ищет их? В бутылке?

Долго горел свет в кабинете Матини. Григорий бродил по квартире, снова ложился. Раздумья — это такая вещь, что стоит только какой-то мысли засесть в голове...

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ

Петр ДУДОЧКИН

Рожок Михайлы

В сенокосную пору, поутру, нес я завтрак отцу в Лисееву Луку, куда он уходил косить еще затемно.

Пока отец завтракал, я успел сбегать на пригорок, где на опушке леса, под дубом, мой приятель пастушок Михайло, усевшись на разостланном вверх шерстью полушубке, плел из лозовых прутьев корзину.

Утреннее солнце еще не грело, но зато так бодрило все живое, что лесная опушка заливалась сотнями птичьих голосов и подголосков. Казалось, росистая роздымь горит — сверкает не от лучей, а от искрометного песнопения.

Влажный шум листвы смягчал и без того мягкие мелодии природы, отчего они становились еще нежнее, ласковее, задушевнее.

Я взял рожок Михайлы, вытер рукавом губы, вздохнул поглубже и заиграл свою любимую песню «Во саду ли, в огороде».

Ни один наигрыш у меня не получался так складно и напевно, как эта песня. Кто знает, может быть я и любил ее потому, что она хорошо получалась, а может быть потому она и получалась хорошо, что я ее любил.

Вот и на этот раз рожок запел; стоило только подуть, как песня сама полилась, пальцы сами заплясали над всеми шестью дырочками.

И в ту же секунду весь птичий хор умолк. Лесное многоголосье прекратилось сразу, словно по команде.

Я даже оторопел и тоже смолк, с удивлением глядя то на друга, то на притихший лес.

А Михайло смеялся:

— Ну, брат, и заиграл, аж всех птиц напугал.

Потом, сжалившись надо мною, объяснил:

— Чудные они, птицы. То — хоть кричи, хоть грохочи, — все им нипочем, а то от одного наигрыша мигом стихают, будто громом их обдало.

Почему замолкли птицы — об этом я думал с любопытством, строил разные догадки, но в своей правоте сомневался.

— Новый наигрыш, если по-настоящему складно сыграть, любую птицу может так обворожить — весь лес угомонится! — доказывал Михайло.

Наверно, он был прав. Стоило мне поиграть на рожке несколько минут, как сызнова очнулся и ожил невидимый лесной хор. Сперва воробьи чирикнули, синица пискнула, на макушке березы запосвистывал конек, и вот уже отовсюду полились многоструйные, птичьи песни.

Тогда Михайло достал из кармана три разной толщины тростниковых пищика и заиграл сразу на всех — нежно, протяжно, грустно.

И опять — тишина, не такая, правда, как при игре на рожке, но все-таки кое-какие птицы, прислушиваясь, утихли и на этот раз.

Довольный, что разгадал один из множества секретов леса, Михайло заулыбался во весь рот.

Собачья бровка

Мы, ребятня, давно знали, что собаки и кошки со всей деревни бегают летом под горку, к заросшей кустовьем старой канаве; место это так и звали — Собачья бровка. По вечерам даже побаивались ходить поблизости.

В диковину было, что собаки, увидев там кошек, не гонялись за ними, как обычно гоняются в деревне; кошки, правда, старались держаться поодаль, но без особой боязливости, во

всяком случае устрашающе не фырчали и не горбились, распутив хвосты.

Почему канава была излюбленным местом для собачьих и кошачьих прогулок, я узнал лишь после, когда колхозники стали чистить старые и рыть новые каналы. Тогда мой отец посоветовал старику бригадиру:

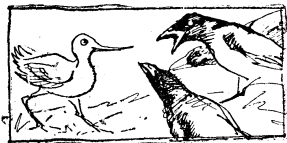
— Может, Собачью бровку не будем трогать?

Бригадир подумал, согласился:

— Это, пожалуй, верно, пускай остается. А новую канаву пониже протянем.

Оказывается, в этом месте, у самой бровки, росла в канаве трава с тремя ярко-зелеными листочками на низком стебельке, с белыми цветками. Это была трифоль или, как называют ее в нашей деревне, — вахтушка, лекарственная трава. Ее-то и ели время от времени собаки и кошки, лечились ею.

Бровка у канавы стала своего рода больницей, которую приготовила сама природа.

Соловьиное состязание

Отец и сын работали в саду. Они обрезали сухие ветки. Вдруг у забора, над кустом сирени, взлетели две серенькие птички. Взлетели и стали драться. Они столкнулись в воздухе и с тревожным писком упали в куст.

Прошла минута, другая... И вот запел соловей. Сразу же, ну может на секунду попозже, и другой соловушка рассыпал свою трель. Оба без умолку свистели на все лады. Чудесные пересвисты сменялись щебетанием, потом началась нежная стукотня, катились тихие раскаты.

Отец и сын стояли под яблонькой и боялись шевельнуться. Им обоим было в диковинку, что два соловья распевают в одно время, да еще так долго, с каким-то задором, заглушая друг друга.

Иногда соловьи затихали. Казалось, они устали и вот-вот прекратят свое состязание. Но это были только лишь сменяющиеся коленца, все новые и новые переливы чудесной песни.

Так продолжалось несколько минут.

Песня одного соловья с каждой секундой звенела все сильнее и сильнее. У другого же, наоборот, слабела, потом она как-то неожиданно оборвалась, словно певец поперхнулся, и больше уже не возобновилась. Затихший соловей выпорхнул из куста и улетел. А другой, голосистый, все распевал не умолкая.

Отец и сын не могли понять, отчего это соловьям вздумалось петь рядом. Места в саду мало, что ли? Подрались — и тут же запели. Чудные какие-то!

Может быть, они учили друг друга петь? Но подошедший дед-садовник объяснил совсем по-другому. Певчие птицы часто борются за гнездовой участок не так, как, например, воробьи, а по-своему. Воробьи в азартной драке клюют друг друга, бьют крыльями и царапаются так, что перья летят во все стороны. Иногда и певчие птицы дерутся. Но чаще они борются — чем бы вы думали? — пением! Точь-в-точь как вот эти два соловушка.

А в ветвях сирени все пел и пел неугомонный соловей, пел один, будто старался доказать всем живущим в саду птицам, что можно бороться и побеждать не только клювом да лапами, но и песней.

Чужое тепло

В теплые майские сумерки шел я с дедушкой по стежке через болото. Кругом раздавалось такое дружное кваканье, что, казалось, заквакали не только самцы лягушек, как пишут в учебниках, а и самки тоже.

Вдруг дедушка остановился. На жердочке, лежавшей поперек наполненной водой канавы, сидела большая зеленая лягушка и, не боясь нас, изо всей мочи надрывалась: «Ква-ква-ква!» По бокам ее головы раздувались большие пузыри. Говорят, от этих пузырей кваканье громче бывает.

— Ты чего остановился, дедушка? — спросил я.

Он кивнул в сторону лягушки.

— Ежели ты грамотный, скажи, почему она квакает?

— Тепло стало — вот и расквакалась, — ответил я. — Лягушки любят тепло.

— Правильно толкуешь, — согласился дедушка. — А почему ей хорошо, если тепло?

Пока я думал, как ответить, дедушка стал объяснять:

— Такая уж судьба у нее, у лягушки, — ее нутро чужому теплу подчиняется: на улице теплынь — и ее кровь теплеет, а повеет холодом — и лягушачья кровь остывает. Чужим теплом живет эта тварь. Мы с тобой — пускай мороз трещит или солнце печет — всегда свой жар в крови носим. Понимаешь? Правда, есть людишки, которые при малейшей непогоде меняются, будто в жилах у них не человекья кровь, а лягушачья. Но такие не в счет.

Дедушка загадочно подмигнул и ступил на жердочку. Лягушка заикнулась и прыгнула в канаву.

Я шел вслед за дедушкой и думал. Думал и про жизнь лягушек, температура тела у которых всегда «чужая», и про дедушкин намек...

**ПАВЕЛ
АМНУЭЛЬ
РОМАН
ЛЕОНИДОВ**

*Научно —
фантастический
рассказ.*

Рисунки
Ю. ЕФИМОВА

ТРЕТЬЯ СТОРОНА МЕДАЛИ

С Яношем Золтаи я познакомился на одиннадцатом конгрессе филателистов. В дни работы конгресса Яношу исполнилось восемнадцать. С непримиримостью, свойственной возрасту, он считал свою коллекцию лучшей и остро переживал присуждение восьмого места его тематической серии «Первые люди на Луне».

Моя коллекция фальшивых марок начала двадцатого века заняла десятое место, и я тоже чувствовал себя обойденным. Ведь собрать такую коллекцию неизмеримо труднее, чем «Электростанции Сибири» или, скажем, «Покорение Сахары».

Мы стояли с Яношем на террасе Дворца коллекционеров, рассматривали чужие работы и роптали.

— К следующей выставке, — сказал Янош, — я готовлю серию «Пейзажи планет». Пятьсот марок с видами Меркурия, Венеры, Марса и Юпитера.

Я собирал фальшивые марки и в коллекции Яноша не видел ничего особенного. Но марки с видами Марса заинтересовали меня. Не как филателиста, а просто как человека, прожившего на Марсе лучшую часть жизни.

— Пойдемте ко мне, — предложил Янош. — Коллекция у меня в номере.

Несколько минут спустя я держал в руках

толстый альбом. Марок марсианской серии было около сотни. Сине-зеленый блок из шести ромбических беззубцовок привлек мое внимание сначала тем, что уголок одной из марок был надорван. Однако прежде, чем я успел заинтересоваться этим дефектом, меня поразила надпись, мелкой вязью проходившая по краю блока: «Миражи в Змеином море».

Минуту я сидел словно оглушенный. Каждый коллекционер, хоть раз нападавший на величайшую редкость, поймет мое состояние.

— Этот блок, — поспешил объяснить Янош, — я выменял у Хендрока на голубую «Гати» 1897 года. Здесь, правда, небольшой дефект...

— Это не виды Марса! — воскликнул я. — В марсианской атмосфере миражи невозможны! — Значит...

— Блок — явная фальшивка. Янош, давайте меняться! Для вас «Миражи» не представляют ценности, раз они фальшивые, а для меня просто клад. Соглашайтесь, я дам вам «Пионеров Меркурия», их нет в вашей коллекции.

Янош колебался, и мне пришлось объяснять, что в разреженной и сухой марсианской атмосфере луч света не может претерпеть тех изменений, которые на Земле приводят к появлению фата-морганы. Я призвал на помощь весь свой авторитет специалиста по астрономическим

приборам, и Янош уступил. «Пионеров» я пообещал прислать ему, как только вернусь в Ашхабад.

Мы поговорили еще о наших филателистических заботах, я без интереса досмотрел коллекцию и поспешил к себе в номер. Мне не терпелось основательно заняться своим приобретением.

Устроившись в кресле с лупой в руках, я просидел над блоком допоздна. В художественном отношении он был выполнен безупречно. Но главное, пожалуй, заключалось не в мастерстве художника, а в том, что он изобразил.

На первой марке я увидел типичный уголок марсианской пустыни. Рисунок барханов, цвет неба были переданы с большой тщательностью. Я ни секунды не сомневался в том, что неизвестный автор знал Марс не по книгам и фильмам о космонавтах. Нет, он жил на Марсе, он ходил по этим пескам и — он любил эту планету...

Рассматривая рисунок, я снова почувствовал волнение, которое испытал сорок лет назад, впервые увидев алó-зеленые пески. Но тем иное показалось мне мираж.

От песка исходил едва заметный туман, чуть светлее фиолетового неба, прозрачный, как воздух. Облачко имело определенную форму: что-то вроде шара на трех тонких ногах, упавшихся в песок...

Вторая и третья марки давали более бла-

годатный материал для размышления. Фоном и здесь служила тщательно выписанная пустыня. Из песка выступали острые синие грани ареи, этот неприхотливый марсианский кустарник отсвечивал металлическим блеском под лучами низко стоящего солнца. В воздухе парили пять полупрозрачных дисков. На каждом из них я разглядел сеть правильно расположенных черных точек.

Необычно выглядело на этих марках небо. В разреженной атмосфере Марса многие звезды видны и в полдень, на рисунке же они проецировались чуть не на самое солнце! Эта вопиющая бессмыслица отвлекла меня на некоторое время от другого: созвездия не имели привычных очертаний. Впрочем, я мог допустить, что незнакомый с астрономией художник мог исказить созвездия. Но рисовать звезды в лучах солнечного диска?..

Остальные три марки были менее интересны. На фоне той же пустыни художник изобразил ряд строений, высоких и ажурных, напоминавших стиль поздней готики. Ничего особенного, за исключением того, что на Марсе никогда не строили таких зданий.

На каждой марке стояли дата и место выпуска: «2001 год, почта ВФКС, Марс, Эолида».

Вернувшись в Ашхабад, я отослал Яношу «Пионеров Меркурия» и скоро привык, открывая альбом, видеть блок с «Миражами» между фальшивой «Панамой» 1947 года и не менее фальшивыми «Героями Нового Танаиса» 1969 года.

Было, впрочем, одно обстоятельство, которое не давало мне покоя. Мне казалось, что я не впервые вижу «неправильный» пейзаж. Я просмотрел свою коллекцию от первой до последней марки, но ничего похожего на «Миражи» не нашел. Можно было, конечно, послать запрос во Всемирную справочную библиотеку. Перелистав каталоги марок за последние полвека, сотрудники найдут то, что мне нужно. Правда, это было не совсем этично: если марки фальшивые, их может и не быть в каталогах.

Мысль о виденной марке не покидала меня даже во сне, и однажды утром, едва проснувшись, я вдруг увидел ее, увидел совершенно ясно. Вспомнил, на какой конверт она была наклеена, вспомнил, от кого пришло это письмо.

Наспех одевшись, я бросился к столу. Да, они были тут, в самом нижнем ящике: восемь писем двадцатипятилетней давности, восемь писем — единственная тонкая и давно разорвавшаяся нить, связывавшая меня с Леной.

Вот письмо, в котором Лена писала, что строительство обсерватории закончено, проведены первые наблюдения, астрономы до сих пор вспоминают обо мне. В конце письма стояло то самое «нет», которое заставило меня в свое время покинуть Марс. Нет, Лена не любила меня. Она настойчиво повторяла это в каждом письме. В последнем она сообщала, что вышла замуж, и просила оставить ее в покое...

На одном из конвертов и была наклеена седьмая марка. С трудом отогнав воспоминания, я стал рассматривать ее.

Возле нижней кромки сиреневого ромба шла надпись: «Миражи на острове Стронгила». Марка была выполнена в той же манере, что и предыдущие, и, видимо, тем же художником. Кустики ареи на переднем плане, в центре — повисший в воздухе зеленый шар, и рядом несколько темных шаров меньшего размера. Шары двигались — художник великолепно передал их движение. И они были полупрозрачны, далекий смерч виден был сквозь один из шаров...

Невообразимая чушь! Приближение смерча означало, что скорость ветра никак не меньше двадцати метров в секунду. Миражи на Марсе невозможны и в тихую погоду, при ураганном же ветре... Трудно придумать что-нибудь более несуровое.

Я вспомнил о своем намерении обратиться в Справочную библиотеку и позвонил в Ленинград.

Шесть часов до получения ответа я не находил себе места. Вспоминал, последние встречи с Леной. Момент расставания на космодроме Эоли-

ды. Я молчал, потому что все уже было сказано, а Лена улыбалась...

Мягкий гудок видеотелефона прервал эту улыбку, нарисованную моим воображением. Вызывал Ленинград. Оператор, не по годам серьезный молодой человек, вежливо попросил включить диктофон, зачитал сообщение:

— Четыре блока «Миражи на Марсе» были выпущены в две тысячи первом году Марсианским отделом Союзной почты и зарегистрированы в качестве официальной серии, годной к обращению во всей Системе. Кроме блоков «Миражи в Змеином море» и «Миражи на острове Стронгила», имеются «Миражи в Спокойном заливе» и «Миражи на плато Девкалиона». Блоки хранятся в архиве Библиотеки. Автор рисунков — археолог Ноэль Бельчер. К сожалению, о нем ничего не известно, поскольку Бельчер не являлся сотрудником Союзной почты...

Ноэль Бельчер! Знакомое имя... Да, я знал Бельчера. Не лично, но много слышал. Кто на Марсе не помнил Бельчера, неизменно оформлявшего все Карнавалы и погибшего во время одного из них? Это было в девяносто девятом году...

Мы с Леной торопились к началу, по дороге обсуждая костюмы. Условия ежегодного Карнавала были далеко не просты. Каждый из участников должен был представить типичный портрет прошлого в сатирической интерпретации. В тот вечер Лена была гадалкой. На ней небрежно сидела пышная юбка, в складках которой прятались карты и прочая кабалистическая чепуха.

Едва мы вошли в зал, к нам подошел человек, в котором я не без труда узнал своего помощника, инженера Марка Колкера. Волосы его были всклокочены, в зубах торчала трубка.

— Я хочу показать вам нечто, пока не началось веселье, — сказал он.

Мой друг — фантастика

ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ

КОГДА разговор заходит об истории фантастики как жанра, зачастую слышишь: жанр этот создан в последней трети прошлого века Жюлем Верном и Гербертом Уэллсом. В дореволюционной России — не существовал... Вот так, — коротко и безапелляционно.

С первым из этих положений трудно не согласиться: у колыбели научной фантастики действительно стояли Жюль Верн и Герберт Уэллс. Но вот со вторым...

Очень плохо знаем мы нашу дореволюционную фантастику. Оно и немудрено: расцвет

жанра лишь начинается. Долгое время фантастика считалась у нас литературой второго сорта, развлекательной, несерьезной. О какой уж там истории жанра могла идти речь, когда даже и мимо новинки-то его в самом недавнем прошлом критики проходили — да и сейчас еще нередко проходят — с завидным равнодушием...

Но даже и при таком — куда уж печальнее! — положении дел знатоки фантастики, говоря о русских ее истоках, непременно вспомнят и шумно знаменитые в свое время романы А. Богданова

«Красная звезда» и «Инженер Мэнни», и «случайную» фантастическую повесть А. Куприна «Жидкое солнце», и повести К. Циолковского, тоже написанные до революции, и романы Б. Красногорского, В. Семенова, П. Бахметьева, А. Родных, В. Чиколева, А. Беломора, Н. Шелонского... Кое-кто не без иронии припомнит и многочисленные «астральные» романы В. Крыжановской-Рочестер...

Словом, окажется, что не столь уж редким гостем была фантастика в старой русской литературе.

Найдутся, конечно, люди,

Мы поспешили за ним. Марк протащил нас сквозь тяжелую, обитую лоснящимся дермантином дверь, и мы оказались в унылом с виду помещении. Грязноватый свет струился по белым торсам скульптур, беспорядочно громоздившихся в углу, между ними коробились бесцветные облупившиеся полотна, похожие на пятна отсыревшей штукатурки.

— Этот прелестный уголок — шедевр Бельчера под названием «Типичный запасник энного века или размышления о судьбе искусства», — с довольной ухмылкой пояснил Марк.

— Здесь так сыро, — поежилась Лена.

— Все ради колорита!

Я хотел сказать, что наши предки не могли столь варварски относиться к картинам, как кажется Бельчере, но в это время зазвучал сигнал тревоги.

Мы выбежали в зал, когда динамики сообщали о начале поиска. Ноэль Бельчер бесследно исчез несколько часов назад. По сведениям, он ушел на станцию «Королёв» почти без всякого снаряжения. Полчаса назад вдоль трассы прошел пылевой смерч.

Зал быстро опустел. Я немного замешкался, поискав глазами Лену. Она о чем-то говорила с ареологом Зарастровым. Марк, успевший узнать подробности, подбежал ко мне.

— Отколол номер этот Бельчер!.. Все вездеходы уже ушли на плато. Можешь не торопиться, Петр, машин больше нет. Лучше подождать здесь, думаю, его скоро найдут.

Мы ждали до утра. То и дело поступали сообщения, однообразные и лаконичные: «Ничего нового». Рано утром вернулась группа, ушедшая первой, и мы с Марком заняли места в вездеходе. Мы рыскали по пустыне больше суток, но бесполезно — после смерча пустыня выглядела будто подметенная гигантской метлой. Другие группы

тоже вернулись ни с чем. Очевидно, Бельчер попал в пылевую бурю и погиб в песках. Поиски продолжались еще неделю. Я в них не участвовал, потому что два дня спустя вылетел рейсовым «Аметистом» на Землю...

Итак, Бельчер. Бельчер — ареолог, открывший море под Теплым Сыртом, Бельчер — художник, придумавший Карнавалы. И этот Бельчер с какой-то целью нарисовал несуществующее явление, а почта выпустила марки с его картинами и снабдила их нелепым названием «Миражи»...

И все же, когда марки вновь оказались у меня перед глазами, сила их художественной убедительности заставила меня задуматься. Бельчер постигал мир как художник, я же — как человек науки, и кто знает — может быть, именно в этом и скрывалась загадка миражей? Была ли у меня действительно твердая уверенность, что все оптически иллюзии и аномалии Марса мне известны? Пожалуй, теперь я не смог бы ответить однозначно. И помочь мне мог только один человек — Зацепин.

Я не видел Зацепина лет десять, с того дня когда принял у него экзамен по квантовой оптике. Уже тогда, на пятом курсе Ашхабадского университета, Зацепин был признанным теоретиком. Академиком он стал, когда я бросил преподавание и перешел на более спокойную работу в лабораторию телескопостроения.

Зацепин жил в Киеве. Когда меня соединили с его кабинетом, был поздний вечер. Зацепин работал, но, узнав меня, отложил бумаги. Первые несколько минут мы топтались на месте, вспоминая эпизоды из университетской жизни, а затем я перешел к цели моего звонка.

Я рассказал о встрече с Яношем, о марках, о замечательном мастерстве художника. Зацепин

которым вот такое копание в архивах фантастики покажется ненужным: ведь там же, в старой фантастике, — ничего хорошего, что их пониманию!

Но «копаться» — надо Надо, чтобы понять: в какой почве вызрела современная советская фантастика, все громче о себе заявляющая, все увереннее выходящая на мировую арену? Надо, чтобы убедиться: фантастика — отнюдь не инородное тело в русской литературе, отнюдь не искусственно привитые традиции западных фантастов. Надо, наконец, чтобы подтвердить: народ, осуществивший грандиознейшую мечту всех народов и поколений, — этот народ умел и любил мечтать!..

Несколько лет назад в статье Жака Бержье, прослеживавшей истоки советской фантастики, я наткнулся на имя Антона Мартыновича Оссен-

довского, — имя, прочно забытое, ни разу не упоминавшееся в отечественной нашей критике. А критик французский относил повесть этого фантаста «Ужасы на бригаantine» — к разряду «истинных шедевров»...

Нужно ли говорить, как взволновало меня, давнего поклонника научной фантастики, это краткое упоминание?! Долгое время я пытался найти «истинный шедевр» Оссендовского — и не мог. Не мог, потому что не знал — где искать.

Но вот совсем недавно один мой товарищ, столь же фанатично преданный фантастике, вдруг сообщил мне: он — разыскал!.. И вот у меня в руках — «Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу «НИВА» на 1913 год». И в них — повесть А. М. Оссендовского «Бриг «Ужас», — французский кри-

тик, библиотека которого погибла в годы второй мировой войны, о дореволюционной русской фантастике писал по памяти и непреднамеренно искал название произведения...

Заранее предвкушая удовольствие и одновременно тревожась: действительно ли повесть так хороша? — начинаю переворачивать пожелтевшие от времени страницы.

...Группа русских ученых работает над выведением «гигантского плазмодия» — плесневого гриба, с необычайной быстротой размножающегося, согревающего и удобряющего почву. Вот и первые успехи. На дворе — декабрьские морозы, а на опытных грядках зеленеют молодые побеги. Открытие обещает стать грандиозным: применение «плазмодия» продвинет далеко на север такие типично южные культуры, как, скажем, цитрусовые, позволит снимать по три урожая в год..

слушал внимательно. Потом, придя к какому-то решению, он удовлетворенно улыбнулся. Марки он просмотрел без особого удивления.

— Интересная история,— сказал он.— Бельчер мог ведь изобразить и то, чего не видел. Фантастические пейзажи сейчас в моде. Вы были на выставке Монтеля?

— Это другой случай, Андрей. Все равно, как если бы вы обнаружили на знакомом до одурения письменном столе машину непонятной конструкции и неизвестного назначения.

— И тем не менее я настаиваю на своей версии. Это фантазия Бельчера. Миражи на Марсе действительно невозможны, и вы, Петр Николаевич, знаете это не хуже меня. Разреженный воздух, холодная и равномерно прогретая атмосфера, отсутствие водных массивов, отсутствие вертикальных потоков воздуха — вы хотите, чтобы в таких условиях появились миражи! Да на Марсе самая тривиальная атмосферная рефракция почти равна нулю...

— Девять и шесть десятых секунды на линии горизонта,— машинально уточнил я.

— Вот видите! Нет, миражи — фантазия Бельчера!

— Но неужели вы допускаете, что может появиться марка «Бронтозавры на Крещатике»? Кто-то нарисует, а Союзная почта выпустит?

— Было бы любопытно... Миражей на Марсе нет, фантазию Бельчера вы не признаете. Остается одно: покопаться в архивах почты.

— В архивах нет данных о Бельчере. Хранятся лишь дубликаты блоков.

— Это осложняет дело.

— Но в Союзной почте работало много людей, которые могут помнить эту историю.

— Вы хотите их найти?

— Согласитесь, это единственная возможность что-то узнать.

— Вы хотите лететь на Марс? — спросил Зацепин.

Вопрос застал меня врасплох. На Марс? Три десятилетия я избегал любого упоминания об этой планете, и вот — лететь? Вновь ворошить воспоминания, которые и сейчас вызывают боль?

И неожиданно я услышал свой голос:

— Да, хочу.

Рейсовый «Глетчер» шел к Марсу трое суток. Я выбрал каюту с круговым обзором в носовой части корабля. Я был похож на беглеца: явился к рейсу почти без багажа, редко выходил из каюты, сторонился пассажиров. Впрочем, и я был беглецом. Решение лететь пришло неожиданно, и я боялся спугнуть его. Боялся, что, оставшись на Земле еще день, откажусь от своего плана...

Сразу после разговора с Зацепиным я вылетел в Москву и взял билет на первый ухаживший к Марсу корабль. Единственное, что я успел сделать до отлета, это послать фотограмму Марку Колкеру: Марс, Эолида, поселок Эмпанарис. Я не был уверен, что фотограмма найдет адресата. Наша переписка с Марком угадала несколько лет назад, он был единственным человеком на Марсе, которому я мог сообщить о своем приезде. К тому же Марк отлично знал историю освоения Марса, его память могла оказать мне неоценимую помощь...

Колкер никогда не был гурманом, но кофе по-марсиански не переставало восхищать его и сейчас, на седьмом десятке. Мы сидели на застекленной веранде маленького «ранчо», потягивали темную жидкость, обжигавшую рот, и смотрели, как над поселком Эмпанарис клубится красная мгла.

Поначалу наша беседа напоминала абстрактный диалог из пьес Крейна: перечислялись имена,

Что же, для 1913 года мечта о продвижении цитрусовых на север, о трехстах пятидесяти зернах в одном колосе и трех урожаях в год — довольно-таки смелая мечта! Особенно если вспомнить, что фантасты 1930—1950 гг. мечтали порой о куда меньшем: о том, чтобы хоть два-то урожая снять, и не на шестидесятой параллели, как у Оссендовского, а значительно южнее, в средней полосе России. И все-таки: не маловато ли одной только этой — в конце концов, чисто технической — идеи для «истинного шедевра»?

Читаю дальше.

...На огромном пространстве между Шпицбергом и Беринговым морем начинают гибнуть деревянные рыбацьи суда, занимающиеся ловлей рыбы и китобойным промыслом. Они не тонут, нет, — много страшнее: непонятная плесень съедает их обшивку, палубы, мачты и даже паруса.

Одновременно рыбаки сообщают, что в северных морях ими обнаружены целые косяки рыбы, всплывшей на поверхность, — десятки миль покрыты гниющей треской и сельдью...

На изучение загадочного явления отправляется научная экспедиция. И выясняется постепенно, что неожиданное бедствие — дело рук человеческих. Это Яков Силин — маньяк, в обиде на близких ему прежде людей возненавидевший все человечество, — заразил океан плесневым грибом, быстро и жадно поедающим свои жертвы.

Опасность между тем грозит уже не только океану: попав на берег с выброшенной волнами рыбой, «плазмодий» распространяется и по суше, мгновенно убивая все живое на своем пути.

И ученые — герои повести — вступают в прямую борьбу с бывшим своим коллегой. Одна

мысль движет ими, одно стремление — загнать джина в бутылку, из которой он, используя удобный момент, вырвался...

Да-а... Повесть Оссендовского — отнюдь не из числа благополучных научно-технических утопий. Жак Бержье (кстати сказать — известный ученый-атомщик, а в годы войны — активный участник французского Сопротивления) имел все основания для того, чтобы вспомнить об этой повести в наши дни.

Удивительно современно звучит сегодня фантастическая история «гигантского плазмодия», который ведь создавался в лаборатории и создавался из самых гуманных побуждений, но вдруг превратился в причину грандиозного бедствия. Не слишком ли часто даже на памяти нынешнего поколения повторяется это «вдруг»? Вспомните: общечеловеческое дело борьбы с гит-

даты, корабли, далекие земные города. Марк был весь в прошлом, первые впечатления застыли в нем навеки...

Когда чашки опустели и ритуал воспоминаний был закончен, я отважился на откровенный разговор.

Я начал издавека, но рассказ неожиданно оборвался, когда марки оказались в руках Колкера. Он сказал:

— Павлов поставил памятник собаке, Пастер — кролику, а эти марки, как ни странно, — памятник болезни. Покойный Зюсмайер назвал ее «мнемофантомом».

— Болезнь... — повторил я, теряя душевное равновесие и чувствуя, что превращениям марок не будет конца.

— Эпидемия вспыхнула вскоре после того, как ты улетел на Землю, — продолжал Марк. — Это была единственная вспышка, больше мнемофантом не появлялся. И первым пострадал Бельчер — отсюда эти сюжеты.

— Позволь, — сказал я. — Значит, мнемофантом — просто галлюцинация?

— Далеко не просто, — усмехнулся Марк. — Джон Валлин, врач из Дарнлея, до сих пор убежден, что тут имел место какой-то действительно природный феномен, нечто вроде катализатора, ускорителя болезни. Кое в чем он прав...

— Валлин, — сказал я. — Невысокий, кругленький, с вечно торчащей шевелюрой... Я видел его, когда бывал в Дарнлее.

— Какая там шевелюра! — рассмеялся Марк. — Он давно лыс, как пустыня Харон. Но тебе лучше поговорить с ним, чем слушать мои объяснения. Я почти ничего об этом не знаю!

— Валлин на Марсе?

— Более того, в Эмпанарисе. С некоторых пор у него плохо с сердцем, и ему нельзя на Землю. Вон его коттедж, четвертый слева.

Джон Валлин, действительно, оказался кругленьким, лысым и совсем не таким, каким я помнил его и ожидал увидеть. Мы с трудом узнали друг друга. Услышав о цели моего приезда, Валлин покачал головой.

— Это не очень приятные воспоминания... Поражение всегда неприятно, а мы потерпели поражение. Что такое мнемофантом? Я этого не знаю, хотя и выпустил в свое время... вот, если хотите...

Он показал небольшую книгу в синей обложке: «Мнемофантом. Клиническое исследование».

— Случай с Бельчером особый, — продолжал Валлин, — потому что только этот случай закончился трагически. Может быть, в какой-то степени в этом виноват я... Видите ли, как-то Бельчер пришел ко мне с жалобой на галлюцинации. Я провел полное исследование и нашел, что Ноэль — исключительно здоровый человек. Но я предупредил его, что если галлюцинации появятся вновь, его придется эвакуировать: земной климат, привычные условия жизни излечат его скорее, чем вся моя терапия. Фраза об эвакуации, возможно, и была причиной трагедии. Косвенной причиной, конечно.

Бельчер больше не приходил ко мне, и я решил, что происшедшее с ним — случайность. Во время очередного медосмотра я спросил его об этом. Ноэль только покачал головой. Он скрыл свое заболевание, узнав, что это грозит высылкой на Землю... Между тем Бельчер часто бывал в походах, рыскал по плоскогорьям и пустыням, и галлюцинации, видимо, здорово досаждали ему. Он даже переносил их на холст, ведь он и в походах не расставался с этюдником... Но об этом мы узнали лишь после его гибели. Никто не догадывался, что Бельчер болен. Никто, кроме меня, а я тоже многого не знал и думал, что все в порядке...

леризмом и — чудовишный гриб над Хиросимой... все более крупные успехи медицины и — поистине грязное бактериологическое оружие... близкий, как никогда, полет человека на Луну и — палец, лежащий на кнопке запуска смертоносных баллистических ракет...

«Замерзший камень я могу превратить в цветущий сад и полную кипучей жизни пучину океана — в огромное кладбище!» — с упоением восклицает в повести Оссендовского Яков Силин, обуеваемый жадной безграничной власти, власти над всем миром.

Но разве не находятся и сегодня мракобесы от науки, готовые повторить вслед за Силиным это заявление?

Люди, кто бы вы ни были, — и в первую очередь те из вас, кто стоит в непосредственной близости от испытательных стендов и полигонов, — будь-

те осторожны, будьте предельно бдительны в своих научных экспериментах, помните о джине, могущем снова — в который раз! — вырваться из бутылки... — вот к чему сводится содержание повести А. М. Оссендовского «Бриг «Ужас».

Находка, увенчавшая поиск, оказалась, действительно, находкой. Романы А. Богданова, повесть А. Куприна, «Бриг «Ужас» А. Оссендовского — все эти произведения, вместе взятые, всерьез позволяли заявить: нет, отнюдь не только слабыми подражаниями жюльверновским романам о путешествиях к Северному полюсу и в иные малодоступные места, не только сугубо техническими утопиями и слащавыми грезами о будущем представлена фантастика в предреволюционной русской литерату-

ре! Была у нас, как видим, и фантастика остро социального звучания...

Этот вывод, сложившийся у меня по прочтении повести «Бриг «Ужас», нашел неожиданное подкрепление, когда в тех же приложениях к «Ниве» — но уже за 1914 год — я прочитал... еще одну «завтрашнюю повесть» А. М. Оссендовского! «Грядущая борьба» — так называлась она.

...Над Землей пролетели века и века.

Земля будущего во многом отлична от планеты, современной автору повести. Изменился транспорт: железные дороги используются теперь лишь для перевозки грузов, людей же с куда большей скоростью переносят во всех направлениях воздушные «яхты» и «лодки». Ученые Земли научились добывать золото из морской воды, без помощи прово-

Через несколько недель после гибели Бельчера я понял, что совершил непростительную ошибку. Среди строителей термоядерной электростанции в южной части Савского залива вспыхнула эпидемия болезни, похожей на ту, которой страдал Бельчер. Единственным проявлением болезни были галлюцинации. В самом организме никаких отклонений от нормы, как и у Бельчера, не наблюдалось.

В то время я был на практике у Зюсмайера. Всех нас срочно командировали в район стройки, где был объявлен карантин. Зюсмайер видел причину эпидемии в том, что строители пили плохо очищенную воду, добываемую бурильными установками. Но когда мы прибыли, что называется, в полном вооружении, болезнь исчезла так же неожиданно, как и появилась. Исследования ничего не дали. Мы составили подробный отчет, в котором слово «вероятно» повторялось по меньшей мере пятьдесят раз. По настоянию Зюсмайера в отчет был включен и случай с Бельчером.

Не успели мы расставить все запятые в объемистой рукописи, как тревожный сигнал поступил из другого района — обсерватории «Марс-96». Зюсмайер срочно разделил нас на две группы — оперативную и исследовательскую. Я вошел в последнюю и должен был обследовать больных в спокойной обстановке медцентра «Дружба». Оперативная же группа опоздала и на этот раз. Зюсмайер метал громы и молнии. Ведь теперь говорить о плохо очищенной воде не приходилось, поскольку в обсерваторию ее привозили из общего распределительного центра Большого Сырта.

Тогда Зюсмайер обратил внимание на такой факт. Строители болели, когда работали в степи на подстанции. Наблюдатели обсерватории заболели во время одного из походов за пределы поселка. Болезнь прекращалась, стоило только вернуться к привычному образу жизни.

дов передавать на расстояние энергию, «видеть» на любом расстоянии и тоже без проводов... Но самое главное — коренным образом изменился образ жизни человечества. Земная кора охладилась настолько, что на ее поверхности могут созревать лишь злаки. Значительная часть сельскохозяйственного производства уведена в подземные галереи. Зато там с помощью искусственного освещения снимается до десяти урожаев овощей и фруктов в год! Под землю же ушла и большая часть человечества: на глубинах до семи верст расселилась она, избавившись от жары и духоты посредством охлаждающих труб и отлично налаженной вентиляции.

Все это, так сказать, — чисто внешний облик грядущего мира. А в социальном отношении? О, тут также достигнут несомненный «прогресс»!

Так появилась гипотеза, согласно которой галлюцинации объявлялись следствием нервного напряжения во время работы на трудном участке. Учитывалось, что все это происходит на Марсе, где психика человека и без того находится в постоянном возбуждении. Зюсмайер настоял на принятии специальной инструкции, по которой все, кто подвергся действию мнемофантама, подлежали немедленной эвакуации на Землю. Но случаев с трагическим исходом больше не было. Два месяца спустя мнемофантом исчез вовсе, и больше о нем никто не слышал. Осталась одна память — несколько монографий и марки... Да-да, марки! Дело в том, что в домике Бельчера нашли более тридцати законченных полотен с зарисовками «миражей» и столько же эскизов. Дружья Бельчера добились выпуска памятных марок с его полотнами...

— Да,— подтвердил Марк, когда Валлин закончил рассказ,— я хорошо помню, что примерно около года многие письма приходили с марками «Миражи на Марсе».

— Где сейчас хранятся эти полотна? — спросил я, надеясь хотя бы в возрождении забытых шедевров найти оправдание своему отчаянному волежу на Марс.

— Вероятно, у вдовы Ноэля — Дженни Бельчер,— сказал Валлин.— Я слышал, она все еще работает где-то неподалеку от Ареограда. Адрес можно узнать в справочном...

Дженни Бельчер работала в лаборатории полевой ареологии. Это была энергичная, волевая женщина, которой никак нельзя было дать шестидесяти двух лет. Меня она не знала, но приняла с большим радушием, хотя ее несколько озадачила цель моего визита.

— Картины Ноэля? — Дженни покачала голо-

На смену многочисленным правительствам пришли гиганты-монополии, горстка всемогущих промышленных королей правит миром. А горстку эту возглавляет выдающийся изобретатель Джемс Брайтон. Формально — это не диктатура, нет, боже упаси! — Брайтон и не помышляет о личном диктате! Но по существу...

«Так думаю я! — достаточно откровенно заявляет он. — Что же касается других, то ими тайно руководят другие, например... я».

Конечная цель режима, изображенного Оссендовским, — «создать счастливое человечество». Какими же путями это «всеобщее счастье» создается?

Первоэлемент «всеобщего счастья» — «всеобщая сытость». Но обеспечить материально всех и каждого — увы, не под силу Брайтону и его компании. Естественно, они

ищут иных путей. И находят их в том, чтобы... всемерно сократить количество своих «подопечных». Уже уничтожены, стерты с лица земли с помощью гигантского плесневого гриба (вспомним первую повесть Оссендовского!) азиатские народы. «Действенной и эффективной» мерой искусственного регулирования численности человечества оказывается и система «рациональной работы». Страшная потогонная система, при которой рабочий, не выдержавший заданного темпа, не просто отстраняется от работы, нет, — он физически уничтожается... Вот как иллюстрируется эта система в повести:

«...Около массивных железных печей копошились люди. Они, как черные тени, мелькали в разных местах, подвозя тачки с углем и рудой, забрасывая их в печи, прочищая решетки топок, с лязгом и гро-

хотом опуская тяжелые двери и выливая ослепительно белый металл в каналы, ведущие к фабрикам стали.

Через равные промежутки времени из отверстий в печах брызгал расплавленный металл или прорывалась тонкая струя пара и почти касалась обнаженных тел рабочих. Иногда из стен печей, как жала огромных змей, быстро и беззвучно выскальзывали острые ножи и мелькали в воздухе, проходя рядом с грудью только что шагнувшего вперед когегара или литейщика.

— Что это такое? — в ужасе крикнул Русанов.

— Это система рациональной работы, — с легкой усмешкой произнес Брайтон. — Рабочие, благодаря этой си-

стеме, привыкают лишь к необходимым движениям и совершают их с точностью и быстротой машин...».

«Разумное» общество Брайтона оказывается столь же далеким от всеобщего счастья, как и все другие формации, основанные на слепом подчинении одного человека другому. И вовсе, оказывается, не «ушло под землю» человечество в эпоху Брайтона; оно в принудительном порядке загнано туда. Лишь ничтожная «лучшая» часть человечества имеет право наслаждаться всеми удобствами и прелестями наземного существования. И оно закреплено за нею, это право; и никому не допускается нарушать заведенный порядок. Нарушителей ожидает

вой. — У меня их нет. Часть забрали для изготовления клише, когда выпускали марки: А остальные попросил Зюсмайер, они были нужны ему для монографии о мнемофантоме. Он обещал вернуть их, но... вы, вероятно, знаете, что он погиб... У меня осталось всего несколько эскизов.

Я объяснил Дженни, что картины ее мужа — выдающиеся произведения искусства и что любой музей Земли был бы рад иметь хоть один эскиз его работы.

— Зюсмайер называл это иначе, — задумчиво возразила Дженни. — Он называл это болезнью.

— Болезнь вашего мужа не имеет никакого отношения к его таланту художника!

Дженни посмотрела на меня изучающим взглядом, как бы проверяя, стоит ли говорить дальше.

— Вы точно знаете, что это была болезнь? Зюсмайер убедил в этом всех, но был ли он прав? Альтернатива очень простая: или — или. Или действительно были миражи, или, если миражи невозможны, тогда болезнь, мнемофантом. Третьего не дано...

Дженни смолкла. Казалось, в ней происходит внутренняя борьба, она хотела что-то сказать, но то ли не решалась, то ли не считала нужным рассказывать все.

— Вы знаете, как погиб Ноэль? — спросила она.

— Знаю то, что известно

мучительная смерть в «стеклянных ящиках»...

В «Грядущей борьбе» Оссендовский показал уже не частные отношения между отдельными представителями рода людского, как это еще во многом было в предыдущей его повести. Нет, здесь схвачено главное противоречие капитализма — противоречие между трудом и капиталом. Схвачено и — доведено до абсурда, помогающего понять: это противоречие неизбежно должно привести общество, на нем основанное, к распаду, к гибели.

Так оно и происходит в повести. Русские инженеры Гремин и Русанов первыми организуют внутреннее сопротивление режиму технократии.

всем,— сказал я, чувствуя в этом вопросе намек на что-то ранее не известное.— Он ушел один в пустыню и погиб между Дарнлеем и «Королёвым». Найти его не удалось...

Дженни покачала головой.

— Вот тут вы ошибаетесь. Ноэль не нашли в период Карнавала, потому что не там искали. Он сказал, что уходит на станцию «Королёв», а пошел к Берегу Сциллы. Я знала об этом не больше, чем все. Ноэль даже мне не говорил о своей, как вы ее называете, болезни... Его нашли через год и чисто случайно: другая буря обнажила пласт, и тело оказалось на поверхности. Мне не показали его, пощадили. Принесли только документы, полустлевший этюдник и фотоаппарат с отснятой пленкой...

Я почувствовал, как все во мне напряглось. Дженни заметила мое волнение.

— Нет-нет, это ничему не помогло... Пленка оказалась засвеченной, только на самых первых кадрах можно было что-то разглядеть. Но и там была пустыня, пески — и только.

— Пленка сохранилась?!

— Нет, в ней ведь не было ничего ценного. Но... если вас интересуют работы мужа... у меня есть несколько эскизов. Наброски, сделанные угольным карандашом и, как мне кажется, по памяти.

Увидев, с какой горячностью я набросился на эскизы, Дженни Бельчер улыбнулась. Ей, видимо, было приятно, что и сейчас работы ее мужа вызывают интерес.

— Я могла бы показать вам еще кое-что,— в раздумье сказала она.— Может быть, тогда и вы начнете сомневаться в том, что Ноэль был болен...

— Что же это? — насторожился я.

— Записная книжка Ноэля. Я нашла ее в вещах мужа, когда переезжала в Ареоград. Это было уже после гибели Зюсмайера. Он-то, конечно, не отмахнулся бы от дневников мужа. А так... Все настолько уверовали в болезнь Ноэля, что никто не заинтересовался всерьез его записями...

Записная книжка Бельчера оказалась большой тетрадь, исписанной размашистым почерком.

Дженни разрешила мне взять ее с собой, при условии, что через десять дней я ее верну.

В тот же вечер я вылетел в Эмпанарис.

Нам пришлось основательно потрудиться, прежде чем удалось разобраться в хаотических записях Бельчера. Вот когда я пожалел о том, что плохо знал этого человека! Что я мог сказать о нем? Ареолог, художник. Человек с богатой фантазией... Но насколько богата эта фантазия, я понял только сейчас, прочитав беглые отрывочные заметки Бельчера о миражах.

Марк знал Бельчера не лучше меня, даже Валлин не мог сказать о нем ничего, кроме общих фраз...

— Вот в чем наша беда,— сказал Валлин, когда была перевернута последняя страница тетради.— Мы привыкли в каждом явлении видеть максимум две грани. Палка — о двух концах. Медаль — о двух сторонах. С одной стороны — миражи, невозможность которых нам казалась очевидной, с другой — болезнь, мнемофантом... Нужен был Бельчер, чтобы мы поняли, что у медали есть и третья сторона. Мы слишком узколобы, вот что...

Произнеся эту тираду, Джон закурил трубку и надолго погрузился в молчание. А мы с Марком достали большую карту Марса, чтобы обозначить на ней точки, упоминавшиеся в записях Бельчера.

Я не стану приводить здесь эти записи целиком. Главное было — найти в них нить, отделить ее от хаоса сведений о взятии проб грунта и составе почвы.

Бельчер впервые столкнулся с миражом во время одного из своих походов в Змеиное море, где он снимал показания самописцев автоматических буровых. В дневнике не было описания самого явления: Бельчер, вероятно, полагался на свои эскизы и картины. Поэтому мы не смогли выяснить, что именно он увидел. Сделав по памяти несколько зарисовок (явление продолжалось, по словам Бельчера, одиннадцать минут), он тщательно исследовал почву, но не нашел ничего примечательного.

Это сопротивление растет, и настолько неотразимы и сильны его идеи, что уже и лучшие представители вчерашней «элиты» включаются в борьбу за уничтожение несправедливого строя. В том числе — и Джемс Брайтон, резко порывающий в конце концов со своим окружением.

И вот на обломках изжившей себя технократии вырастает Земля Побеждающей Мысли...

Выше я говорил о современном звучании первой повести Оссендовского. Очень злободневной представляется мне и мысль, проведенная во второй его повести. С помощью дубинки рай на земле не построить, — вот что утверждает писатель. Это — та самая

мысль, которую в 1935 году вложил в свою киноповесть «Облик грядущего» поздний Уэллс, та самая мысль, которая и сегодня очень остро звучит в произведениях фантастов. Да и только ли — в произведениях фантастов?!

Я много пока не знаю об Оссендовском. Не знаю, были ли написаны им и другие произведения. Не знаю его биографии, не знаю, как сложилась его судьба в бурные дни «грядущей борьбы», оказавшейся совсем не за горами, не за столетиями. Уже через три года после опубликования «завтрашней повести» наступил Октябрь 1917-го...

Но и то немногое из написанного Оссендовским, что

мне уже известно, позволяет с полным правом говорить о нем как о фантасте действительно незаурядном, смело ставившем в своих произведениях вопросы социального плана и — в меру сил своих — отвечавшем на них.

А более глубокое знакомство наше с Антоном Мартыновичем Оссендовским... Очень хочу надеяться, что оно — будет. Оно — впереди, и в нем, мне думается, неопенимую помощь могут оказать наши читатели, — те любители научной фантастики, кого мой рассказ о двух повестях забытого русского фантаста вдохновит на самостоятельные розыски.

Поиск продолжается!..

Виталий БУГРОВ

Первой его мыслью было: галлюцинации. Вернувшись в Дарнлей, Бельчер явился к Валлину, и доктор убедил ареолога, что тот абсолютно здоров. Валлин оказался не прав, утверждая, что Бельчер скрыл последующие приступы, опасаясь эвакуации на Землю. Просто врач убедил его в том, что последующих приступов не может быть. Выходя от Валлина, Бельчер был уверен, что и первого приступа тоже не было, что все виденное — действительное явление марсианской природы.

В дневнике стояла короткая запись: «То, что я видел, — не болезнь. Если же это — явление природы, то оно может повториться».

Бельчер вновь ушел в Змеиное море через два дня, взяв с собой фотоаппарат и кинокамеру. День прошел, как обычно: Бельчер ничего не увидел.

Оставалось снять показания самописцев с западной группы буровых, стоявшей километрах в шестидесяти от первого куста. Бельчер отправился туда назавтра и там захватил конечную фазу миража — исчезающие в высоте блики. Но зато Бельчер обнаружил здесь то, чего не находили люди, наблюдавшие мнемофантом впоследствии. Не находили, потому что были загипнотизированы словом «болезнь»... Бельчер обнаружил в почве круглый тоннель диаметром около метра, с оплавленными краями. Тоннель шел почти перпендикулярно в глубь планеты, и его очень быстро заносило песком: уже через час от него не осталось и следа. Впрочем, ареолог уже взял пробу оплавленных пород, с нею он возвратился в Дарнлей. Лабораторные анализы показали, что почва радиоактивна.

Еще через два дня Бельчер выехал в восточную часть Змеиного моря. Там, на острове Стронгила, он увидел мираж в третий раз, но увидел не в том месте, где ожидал. Мираж появился далеко на севере, наполовину скрытый линией горизонта, и Бельчер на своем вздохе едва подошел к концу явления. Воронка, все та же, с оплавленными краями, была на месте, и Бельчер взял очередную пробу.

«Теперь я не верю ни в болезнь, ни в миражи, — писал он в дневнике. — То, что я видел, невозможно забыть. Эскизов становится все больше, работаю ночами, пишу холст за холстом. Странно: киноплёнка почти не фиксирует мираж, одни лишь цветные пятна. Я мог бы сомневаться в своих ощущениях, если бы плёнка вообще не показывала ничего. Но ведь что-то есть, и, кроме того, — воронка и повышенная радиация! Думаю, что все это связано с искусственным явлением. Прибор?! Если прибор, то — чей? Самое неприятное, что я не могу заявить о находке... Что у меня есть? Эскизы и картины («Болезнь», — сказал Валлин...), да горсть радиоактивного песка, какого много вблизи любого космодрома. Если бы удалось увидеть мираж еще...»

Три точки, нанесенные Бельчером на карту, почти не давали информации. Они могли быть и просто случайными, если миражи — явление природы, и звеньями определенной цепи. Три точки могли быть элементами и треугольника, и многоугольника, и ломаной линии, и окружности... Но в какую бы фигуру ни складывались точки, новое появление миража можно было бы наблюдать наверняка не ближе, чем в шестидесяти километрах к востоку от прежнего. Это было все то же Змеиное море, его северо-восточная часть... Бельчеру повезло: турболет ареоразведки не был

занят, и ареолог вылетел на нем, получив, таким образом, большое поле обзора.

Тогда он увидел мираж в четвертый раз.

«Теперь я знаю почти все, — записано в дневнике. — Четвертая точка вместе с тремя предыдущими легла на дугу окружности! Центр — в заливе Астронавтов. Сделал еще несколько эскизов и закончил одно большое полотно. Думаю, что мне удалось передать цвета, хотя и не ручаюсь, что смог передать смысл. Впрочем, это уже не существенно. Мираж должен появиться в пятый раз через трое суток на берегу Сциллы. Координаты по моим расчетам... Тогда я смогу сказать всем, тогда будет уверенность!»

...Досадно, что через три дня Карнавал. Буду занят все время. Ну, да ладно, Дженкинс подготавливает аппаратуру, возьму с собой обоих ареологов из Дарнлея, если они согласятся променять веселье Карнавала на гонку по пустыне. Надеюсь, что не откажутся. Скажу им обо всем в последнюю минуту. Пусть думают сначала, что это карнавальная мистификация. А что же это на самом деле?»

Последние страницы дневника было очень трудно читать. Строчки прыгали, буквы налезали одна на другую. Чувствовалось, что Бельчер писал в спешке, держа тетрадь на весу. Мысль пришла неожиданно, и он отказался от первоначального плана:

«Пойду сам. Если я прав, то следующие двадцать один мираж увидят все. Но подумать только — как просто! Цепочка замыкается: мираж — радиоактивная воронка — прибор (?), изготовленный не на Земле, так сказать, проектор миражей, — космический корабль (?) — пришельцы (???)...»

Вслед за этой записью в дневнике была неровно нарисованная окружность, разделенная на двадцать шесть частей. Четыре точки были помечены красным, около пятой надпись: «Берег Сциллы, 16 сентября 1999 года».

И дальше — последняя запись:

«Выхожу. Взял фотоаппарат, этюдник. Думаю, что сегодня они мне не пригодятся. Главное — увидеть прибор. Нужно успеть, нужно заставить аппарат, когда он всплывет на поверхность планеты!.. Вернусь к концу Карнавала. Неясно — сколько уже было циклов и где? Сколько раз появлялся на поверхности прибор? И еще — кто он и? Откуда? Надеюсь, я правильно зарисовал созвездия — не наш созвездия, и схему планетной системы — не Солнечной системы. Что это — первый контакт?..»

Мы с Марком нанесли на карту точки, о которых говорил Бельчер. Они легли на окружность с центром в заливе Астронавтов. Их было двадцать шесть, на расстоянии пятидесяти восьми километров одна от другой.

Валлин вынул изо рта погасшую трубку.

— Видел бы это Зюсмайер, — сказал он. — Вот одиннадцатая точка Бельчера, она всего в шести километрах от термоядерной электростанции «Харон-4», где мнемофантом наблюдался впервые. Шестнадцатая точка — обсерватория «Марс-96». Помню, как эвакуировали на Землю директора обсерватории Хохлова. Он, как и все, был уверен, что болен... Девятнадцатая, двадцать вторая, двадцать пятая точки — все точно, как в кибердиагнозе... Но залив Астронавтов — что там?

— Может быть, космический корабль? — сказал Марк. — Точнее, может быть, именно

там корабль пришельцев совершил посадку сколько-то миллионов лет назад?... Послушайте, я буду рассуждать вслух, а вы поправьте, если я ошибусь... Я думаю о том времени, когда люди достигнут звезд. Возможно, человек найдет там активные формы организмов, которые в будущем смогут развиться в разумных существ. Пройдут миллионы лет, и в девственных лесах появятся разум... Что мы оставим ему в память о своем посещении? Пирамиды, гранитные веранды, металлические колонны, статуи, богов?! Какую информацию о нас, о людях, посетивших далекую планету, могут содержать статуи и пирамиды? Такие памятники слишком фундаментальны и потому никуда не годятся. Они, в конце концов, слишком банальны, чтобы их можно было отнести к разряду «нерукотворных», неуничтожимых ни временем, ни варварством примитивных цивилизаций... Что же должны будем мы оставить на далекой планете, и что оставили те, кто миллионы лет назад посетил Солнечную систему?

— Могу предложить два аргумента в пользу гипотезы Бельчера, — сказал я. — Первый: памятник должен содержать максимум информации при минимальном полезном весе и, кроме того, должен выдавать эту информацию самым простым из всех возможных способов. Что может быть естественней создания миража, несущего в себе информацию о мире пришельцев?

— Аргумент второй, — подхватил Валлин. — Памятник не должен попадаться в руки существ, способных его разрушить. Естественней всего — упрячь аппарат, создающий миражи, в глубь планеты, тем более, если речь идет о Марсе. Тектоническая деятельность здесь давно угасла, и в глубине планеты аппарат не могут подстергать никакие сюрпризы... Следуя программе, аппарат, назовем его условно...

— Мнемограф, — подсказал Марк.

— Назовем его условно мнемографом, — согласился Валлин. — Так вот, следуя программе, мнемограф время от времени «всплывает» на поверхность планеты, создает цикл оптических

лин. — Ясно одно: в инструкции о мнемофантоме нужны изменения. Не к врачам должен спешить «пострадавший», а в Комитет по контактам...

Мы помолчали, и Валлин закончил, усмехнувшись:

— Счет не в нашу пользу... Люди освоили Марс, и что они сделали, увидев изображения далекой планетной системы, сцены жизни разумных существ? Они объявили мнемофантомом болезнью... Я сказал: они? Нет — мы!.. Тридцать лет мы разглядывали медаль с обеих сторон и упорно не хотели понять, что есть и третья. Что это, как не узость мышления?..

Валлин отошел к окну, за которым уже сгустилась ночная темнота. Марк колдовал над картой: он, наверняка, набрасывал план будущего похода в залив Астронавтов. А я думал о Бельчере. Чтобы знать о человеке все, нужно понять строй его мыслей. Много в поведении, в поступках Бельчера еще оставалось непонятным, но одно я представлял себе так ясно, как будто сам был вечером шестнадцатого сентября девяносто девятого года в песках у берега Сциллы.

...Ураган налетел неожиданно из-за гребня хребта. Он смял изображение далекого чужого города, отбросил в сторону этюдник. Все кругом стало тускло-желтым, и Бельчер почувствовал, как его поднимает в воздух, и крутит, как пылинку, и снова швыряет наземь. И в этот страшный момент он, наверняка, видел над собой звездное небо с незнакомым узором созвездий и зеленое опалющее солнце в зените.

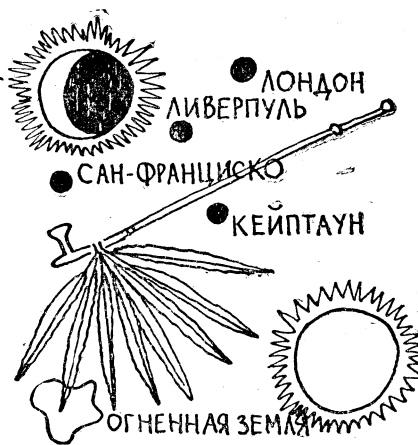

иллюзий в атмосфере, выдавая таким образом содержащуюся в нем информацию, и вновь погружается в толщу песков. Мнемограф — памятник практически неуничтожимый. Что по сравнению с ним пирамиды, колонны из чистого железа, даже целые искусственные острова? Мнемограф — вот памятник, достойный высокоразвитой цивилизации!

— Так... И когда же следует ожидать повторения цикла?

— Кто нам скажет об этом? — отозвался Вал-

ВОСПО- МИНА- НИЯ БЫВ- ШЕГО РЕБЕНКА

ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Михаил АНДРАША

1. Коллективное письмо Фенимору Куперу

Знаменитый Александровский рынок был построен задолго до революции и как раз напротив нашего дома, но теперь он интересовал только начинающих коллекционеров, мечтавших найти в мрачных развалинах лабазов и складов золотые редкости для своих коллекций; ребята из нашего дома, давно-предавно очистившие каждый уголок рынка от стоящих вещей, завидев задумчивого коллекционера среди развалин, свистели в два пальца. Дом наш стоял на берегу великой реки, название которой было увековечено песней:

— Чижик, чижик, где ты был?

— На Фонтанке водку пил...

Фонтанка вытекала из Невы, впадала в Неву, снова вытекала и опять впадала. Это продолжается до сих пор. Рыба, торопящаяся по своим делам в Финский залив, не желая терять время, в Фонтанку не заходит, но рыбаки, которые толкуются здесь с удочками, этого не знают. Вообще рыбаки многого не знают из того, что рыба уже давно усвоила.

Фонтанка вливается в Неву у самого залива. Так что через Балтийское море наш шестизэтажный дом связан водным путем с Роттердамом,

Ливерпулем, Лондоном, Сан-Франциско и Огненной Землей. В один из дней Генка Комлев из сороковой квартиры остановил идущую по Фонтанке землечерпалку своего отца и отбыл на ней в Кейптаун. Кажется, это в Африке...

Нам, оставшимся на суше, еще предстояло разобраться во всех этих путях, хорошенько разузнать, куда они на самом деле ведут.

Мой товарищ Январь, спустя время, писал в своей газете: «Ужасно завидую быв-

шим детям, которые уверяют, будто свои убеждения они впитали с молоком матери. Меня и моих друзей в детстве кормили сухим молоком из жестяных банок, и, как потом выяснилось, в нем не было и намека на убеждения».

Январь имеет в виду, кроме меня, Вильку Булочникова и Костю Субботина, известных во дворе под именами «Суббота» и «Булочная». Да, и Январь не январь, а Анатолий Январев.

В тот год, — от которого до половины века рукой подать, — Субботе, Булочной и Январю было в общей сложности лет тридцать шесть, а может, тридцать четыре или тридцать пять.

И вот как-то раз Булочная позвал меня к себе домой и сказал, что мне надо подписать полным именем «Михаил Андраша» коллективное письмо писателю Фенимору Куперу.

В нашем большом доме, имеющем открытый выход в море, постоянно куда-нибудь писали коллективные письма. Взрослые уверяли, что в одиночку лучше не браться за перо: письмо придет обратно или без ответа останется. Считалось надежнее собирать подписи и просить от имени всей лестницы или от имени квартиры. Вот доказательство силы коллективной подписи: лифт нам починили, потому что писала вся мансарда; сарай сделали, идя навстречу пожеланиям всего двора... Куда только не летели из нашего дома письма! Мчались в суд, шли в райсовет, в Министерство иностранных дел, в ателье «Индпошив»...

И вот наш дом убедительно просит писателя Фенимора Купера написать продолжение романа. Вернее, просит не весь дом, а только его восьмая часть — наша парадная лестница.

Сочинила письмо Белоножка. Она жила с Булочной на одном этаже. Через пятнадцать лет, когда Белоножка стала классной руководителем Софьей Николаевной Белоноговой, выяснилось, что у нее светлые волосы и карие глаза. А тогда Белоножка была просто рыжей, с глазами цвета ржавых гвоздей.

ЯНВАРЬ

жестя, Марк Твен, тоже писали для нее продолжения. Многие знаменитые писатели получали от Белоножки просьбы и отвечали ей.

Надо честно сказать, что книг Фенимора Купера ни я, ни Булочная не читали и ничего не знали про этого писателя. Однако в письме, которое мне предстояло разборчиво подписать,

СУББОТА

Мы собирали марки, спичечные коробки, трофейные перья, оставшиеся после войны, а Белоножка собирала письма разных писателей: «Автографы», — называла она. Булочная, зная о ней все или почти все, говорил, что собственными глазами видел толстую папку с этими автографами.

Знаменитый писатель Алексей Толстой прислал Белоножке обещание сочинить продолжение «Золотого ключика». Мамин-Сибиряк, Горький и, кажется, другие писатели прислали ей письма с просьбой и отвечали ей.

«Как жаль, как жаль, что вы, товарищ Фенимор Купер, своим гениальным пером убили сына Чингачгука Ункаса и его возлюбленную бледнолицую Кору».

Белоножка умела разговаривать с великими на их вежливом обходительном языке и знала, как надо составлять такие письма.

Булочная поплевал на чернильный карандаш:

— Андраша, ты по алфавиту первый, я второй, Белоножка — третья. Январь подпишет последним, — сказал он, — протягивая карандаш мне.

— Ты не знаешь, зачем Фенимор Купер убил сына Чукигека? — спросил я, сомневаясь в полезности насильственных смертей.

Булочная поправил меня:

— Чук и Гек — это из Аркадия Гайдара. А это убийство из Фенимора Купера.

— Разве я не так сказал?

— Да, не Чукигека! — отмахнулся Булочная.

— А почему Белоножка пишет, что он его убил пером? — спросил я.

— Ты думаешь, что человека нельзя пером убить, да? Повернись, я тебе перо воткну.

— Да, мне не очень понятно...

— А ты читай, что дальше она пишет: «Присим вас, дорогой товарищ Фенимор Купер, от имени юных читателей дома № 121 оживить бледнолицую Кору и темнокожего Ункаса, а также написать для нас продолжение гениального и талантливого романа «Последний из могикан».

— Вот я и не понимаю, зачем он убил его гениальным пером? — подумал я вслух, по-прежнему искренне сожалея об этом убийстве.

— Так ты не против, чтобы их оживить? — подловил меня Булочная, снова вкладывая мне в руку обслуживающий карандаш.

Я вспомнил, как наши жильцы, когда их очень просят, охотно подписывают коллективные письма, и произнес обычную в таких случаях присказку:

— Мы люди маленькие, чаще дело подпиши и посторонись, — дай написать другому.

Булочная от радости даже промакнул рукавом мою подпись, хотя она в этом вовсе не нуждалась.

Суббота уехал к бабушке в Сиверскую, а Января дома не было, и Булочная расписался за них, оставив свободное место для Белоножкиной закорючки. За Субботу пришлось расписываться зубами, чтобы изменить почерк.

От излишнего усердия Булочная перекусил чернильный карандаш, проворчал:

— Теперь язык пемзой не ототрешь, — долго плевался он.

Мы приписали мой адрес, так как я жил на первом этаже, и ко мне письмо, естественно, дойдет скорее, чем к Булочной или Белоножке на шестой этаж.

Меня явственно мучила совесть за подделку подписей Января и Субботы. Это же письмо писателю, рассуждал я, а не какой-нибудь важный документ. Но меня точили сомнения насчет того, захочет ли Январь или Суббота оживлять бледнолицую Кору и темнокожего Ункаса. Может, они считали, что их прикончили справедливо. Суббота копался в своем приемнике и читал, в основном, по принуждению учительницы русского языка. Продолжение романа — для него только лишняя забота.

На другой день я рассказал про письмо Январю.

— Держите меня! — завопил он на всю лестницу. — Держите, упаду! Филмон Купер пишет продолжение!

— Во-первых, Фенимор Купер, — поправил я.

— Ловите меня внизу! — крикнул Январь, хоча и перегибаясь через перила. — Знаешь, когда жил твой Филимон Купер?

БЕЛОНОЖКА

Мы поднялись к Булочной, чтобы выяснить отношения. Булочная не хотел слушать Января, говоря, что все правильно, и повел к Белоножке.

Белоножка решала задачки и вышла к нам с задачиком под мышкой. Она ни разу не мигнула своими ржавыми глазами, слушая, как Булочная с улыбкой излагал ей издевательским тоном наши сомнения.

— Серые, — сказала Белоножка.

— Что? — не понял я.

— Серые люди, — уточнила Белоножка свою мысль. — Вы ничего не читаете и ничего не знаете.

— Так он же умер! — воскликнул возмущенно Январь.

— Спорим, он пришлет письмо? — Белоножка протянула нам руку, но никто из нас не решился поспорить: мы знали, что из всех девочек нашего двора Белоножка самая серьезная. Она повернулась ко мне: — Андраша, я тебя отрезала и написала свой адрес. Ты же не собираешь автографы великих писателей.

— Ладно, — сказал я. — Мне все равно. Мы люди маленькие.

Январь ехидно спросил ее:

— Интересно бы знать, куда ты послала? У вашего Филимона Купера почта давно не работает...

Белоножка не скрыла своего презрения к Январю:

— Послала, куда надо. Вот куда. Булочная, я тебе покажу ответ. — И она захлопнула дверь, прищепив кончик своей косы.

— Пошли, — сказал Январь, когда она втащила косу в квартиру. — Сама ничего не читала. Ой, держите меня! — снова завопил он на всю лестницу, свешиваясь через перила.

Мы сразу же отправились в центральную детскую библиотеку на Садовой и там Январь, тыча Булочную носом в толстую книгу, заставил его прочесть даты жизни и смерти Фенимора Купера.

Давно, очень давно не было писателя в живых и наше письмо до него не дойдет.

— Голову даю на отсечение, у нее все письма липовые, — сказал Январь. — Автографы — шмантографы!

Наша земля сделала полных восемь оборотов вокруг оси, — еще в первом классе мы узнали, что Земля вертится, — ветер хорошо продул наш переулочек, одним концом упирающийся в

Фонтанку. Солнце подсушило мостовую, и Булочная, взяв с меня слово не выдавать его Январю, сказал:

— Мишка... Мишка, знаешь что? Все же я думаю, Фенимор Купер жив. Знаешь, как она ждет ответа. Каждый день смотрит в ящик!

Многое в жизни бывает необъяснимо. Можно целыми днями торчать на Фонтанке с удочкой в руках и ждать какую-нибудь подгулявшую корюшку, завернувшую на твой крючок из Невы. Если очень ждать, то, конечно, поплавок в конце концов задержится. Можно еще ждать, что на твой знак остановится когда-нибудь милицейский катер, рассекающий на две части реку, затормозит обратным ходом, подойдет к стенке, возьмет тебя на борт и домчит до Балтийского моря. Уехал же Генка Комлев в Кейптаун на землечерпалке. Всякое бывает...

И вот потому, что белоножка очень ждала письма от Фенимора Купера, ей вскоре пришел ответ.

Кажется, я навсегда запомнил его.

«Дорогие ребята! — начиналось ответное письмо. — Выражаю вам благодарность за отзыв на книгу замечательного писателя Фенимора Купера. Знаменательно, что наше молодое поколение читателей так заинтересованно относится к литературе и принимает такое живое участие в жизни литературных героев и воспитывается на лучших образцах. Желаем вам отлично учиться на благо народа, расти бодрыми и здоровыми. Мы с огромным удовольствием передадим все ваши пожелания автору «Последнего из могикан» и вы получите новые замечательные книги.

Секретарь комиссии по работе с детским и юношеским читателем:
Васильчиков В. М.»

История с письмом произошла давно, лет пятнадцать или шестнадцать назад, и Васильчиков В. М. давно забыл про нас.

Мы его не забыли. Мы его вспоминаем иногда. И нам становится очень весело. Бедный друг детей, Васильчиков! Ему, наверное, некогда было придумывать новые варианты ответов на письма ребят. И он писал всем одно, меняя лишь фамилии писателей и названия книг.

А что касается Фенимора Купера, то из всех прочитанных потом писателей, по-моему, он самый живой...

2. Не всякий пес — друг человека

Мы были знакомы с одним доберман-пинчером по имени «Жоржик», перезванивались с ним на протяжении многих лет, но он так и не стал нашим другом.

Какая может быть дружба, если ты говоришь: «Здравствуй, Жоржик», а тебе в ответ: «Гав-гав!».

История нашего знакомства начинается с записной книжки, кожаной, коричневого цвета. Мы нашли ее в нашем переулке. Она лежала на мостовой между булыжниками и ждала, когда мы с Субботой сделаем уроки и выйдем на улицу.

Сумерки, жалкие остатки солнечного дня, изменили цвет переулочка. Из нашего парадного, придержав хлопавшую дверь, вышла Екатерина

Моисеевна Субботина в дворницком переднике с новой метлой в руках. За нею Суббота и я.

Иногда выходили Суббота и Январь или Суббота и Булочная. Мы помогали субботиной матери прибирать наш переулочек после толкучки. Днем тут обменивали комнаты.

Я уж и не помню, когда в нашем доме поселилось обменное бюро «жилых помещений». Обменники заняли часть первого этажа, еще оставшегося от чертежной конторы, и открыли у нас настоящую толкучку. В воскресенье в переулочек приезжали люди со всего города. Их бывало так много, что стоило прибыть еще одному человеку, как сразу же начиналась давка. Один раз Булочная попробовал проехать по пере-

улку на своем велосипеде. Его так сдавили, что из камер вышел весь воздух.

— Сорок метров, годные к разделу! — слышны крики.— Сорок метров! Даю большее, беру меньшее!

— Две вместе на две врозь. Вместе на врозь! Кто хочет разъехаться?

— Съезжаю с тещей! Съезжа-а-уюсь с т-е-ещей! — плывет над толпой голос без всяких надежд на лучшую жизнь.

Нынешние дети, которым родители преподнесли отдельные квартиры на блюдечках, должны знать, что человечество не всегда обитало в отдельных квартирах, не всегда плескалось в белых ваннах и прохлаждалось ветерком на собственном балконе. Еще и сейчас далеко не все человечество прохлаждается на личных балконах.

Наш дом помогал человечеству жить на свете.

На первой странице записной книжки, которую мы подняли с мостовой, было написано:

«В случае утраты настоящую записную книжку прошу молниеносно возвратить по телефону А-2-44-57 Гранту Захаровичу. Позвонивший получит исключительно крупное вознаграждение».

— Ты увидел первый,— великодушно сказал Суббота, протягивая мне кожаную книжку, а вместе с ней исключительно крупное вознаграждение.

— Чего ты? Сам левой ногой наступил первый.

Суббота посмотрел вниз на свои ноги, которые он позже, лет в семнадцать, пытался выпрямить рыбьим жиром.

— Врешь.

— Вот книжка валялась здесь,— я положил книжку на булыжную мостовую.— Ты наступил пяткой, почувствовал что-то мягкое, оглянулся, а я в этот момент и увидел.

Суббота листал находку.

— Мишка, думаешь Грант Захарович не свистит?

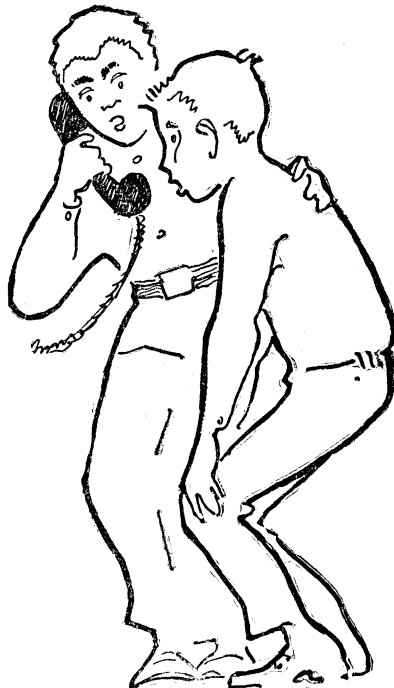
— Зачем ему свистеть? Мы, конечно, и так вернули бы ему, как порядочные. Но он на всякий случай отложил энную сумму. Ему такая

толстая книжка, знаешь, как нужна! Чего же он свистеть станет? Надо только звонить молниеносно.

Обычно мы звонили из квартиры Января. Январь жил на втором этаже, и мы поднялись к нему на лифте.

Январь обрадовался находке. Сидевший у него и рассматривавший себя в зеркале Булочная отложил расческу:

— В прошлом году,— сказал Булочная,— я вытащил из люка телефонную книжку побольше этой раз в пять, снес ее в домоуправление,

самому Холопатову, мне «спасибо» сказали, а пальто дверью прищемили.

— Раз пять! — передразнил Булочную Суббота.

Январь вычислял, кому из нас следует крупное вознаграждение.

— Значит, книжку обнаружил Суббота левой ногой. Мишка только заметил и поднял. Так?

Суббота наморщился и погладил себя по голове, не очень-то уверенный в этом.

— Январь, позвони, у тебя по телефону голос лучше всех,— сказал Суббота.— Мы и тебе вознаграждение отвалим. Тебе чего нужно?

— Мне нужно новое пальто,— честно сказал Январь.

Это верно, старое пальтишко сидело на нем, как на пугале. У Субботы были худые ботинки. Такие рваные, что сапожники уже не брались их чинить. У меня не было костюма, свитер начинал самораспускаться, даже Булочная, которому отец навез барахла с войны, поистерся и испытывал кое-какую нужду. Но среди нас не было тряпичников, а рвачи водили другие компании. Поэтому Январь сказал:

— Плевать, дохожу в старом. Фабричный альбом для марок — это да!

Субботе дозарезу нужна была лампа 6К7, еще ему нужны были сопротивления и трансформатор из магазина «Пионер» (семьдесят рублей в старых ценах). Я заявил коробку шести-миллиметровых шурупов по дереву и от остальной доли отказался в пользу трансформатора.

— Очень, очень мне нужна бумага «бром-портрет», прямо необходимо, — вдруг сказал Булочная.

— Тебе и проявитель, может, нужен? — спросил я как можно ядовитее.

— Нужен. А откуда ты знаешь, что у меня проявитель кончился?

— А «Лейку» тебе не хочется? — спросил я.

— И «Лейку» можно, — сказал Булочная с той же наглостью. — Да, ладно, пускай ваш Грант Захарович купит мне набор светофильтров.

Январь молча смазал Булочную по шее. Булочная принял как должное шлепок дружеской руки.

Мы пошли звонить.

Грант Захарович расцеловал Января в телефонную трубку. Он думал, что книжку у него вытащили на толкучке. Он летел к нам хоть на край света. Январь предлагал ему встретиться возле магазина «Пионер»: нам это с руки, от нас это рукой подать, в двух шагах. Но Грант Захарович уверял, что нет более удобного места для встреч, чем Невский проспект, на стороне кондитерской «Север».

Булочная выглядывал из комнаты и знаками давал понять, что мы ему срочно нужны.

— Смотрите, — сказал он, постукивая ручкой по столу. — Я выписал из книжки адреса. Смотрите, что вышло. Только читайте в два глаза.

Мы рассматривали листок с фамилиями и адресами.

А

Авдюша Павел Кузьмич, Глав, нач. ПУП. К-Ш-44, домашний: Е-2-2-22-2.

Б

Брахман Валентина Евлампиевна (супруга Павла Кузьмича) домашний телефон Е-2-2-22-2.

В

Вася Авдюша (сын Павла Кузьмича) грудной младенец, телефон Е-2-2-22-2.

Г

Галина Авдюша (дочь Павла Кузьмича) Мед-институтка, день рождения 2-го мая. Любит анатомировать на трупах.

Ж

Жоржик (доберман-пинчер). Проживает совместно.

К

Ключева Анна Ильинична (троюродная сестра Павла Кузьмича) домашний адрес: остров Диксон, Ледовый тупик, 6.

О

Орляков Ф. Ф. (заместитель Павла Кузьмича) добавочный 2. «Боржом», медвежатина, «Казбек».

Я

Яковлев Исидор Матвеевич (прадед Павла Кузьмича) знал Кутузова, герой Отечественной войны 1812 года. Домашний телефон: А-777-46.

В записной книжке были и другие телефоны, но эти относились к Павлу Кузьмичу, носившему детскую фамилию Авдюша... Булочная выписал все до последней точки, как упражнение на простые предложения.

Взрослые пишут в своих дневниках и книжках, что угодно, потому что их никто не проверяет, не выставляет оценки.

Грудные младенцы у Гранта Захаровича ходят в приятелях? Ну и что? Двоюродный брат Булочной, родившийся зимой, тоже приходится нам приятелем. Какой-то заместитель Орляков жить не может без боржома и медвежатины? На здоровье! Мы сейчас же могли пойти в коридор, набрать номер А-777-46 и попросить:

— Если не трудно, позовите, пожалуйста, героя Отечественной войны 1812 года.

Нет, не эти адреса и телефоны поразили наше воображение.

— Кто-то зашифрован под видом Жоржика, — постучал по столу Булочная. — Доберман-пинчер вовсе не доберман-пинчер.

И словно в подтверждение этой мысли Суббота рассказал нам таинственную историю, леденящую кровь, одну из тех, что мать приносит ему домой с курсов повышения квалификации дворников. И я тоже вспомнил, как в прошлом году в нашем домоуправлении собирали всех ребят и человек, не умевший носить гражданский костюм, говорил:

— Вы живете на берегу великой реки Фонтанка. Хоть бы и два метра глубиной. Но куда она ведет? В открытые воды. Так что прошу вас, ребята, никогда и нигде не терять настороженности.

Человек знал, кому говорить, кого наставлять.

Всех шпионов мы ловим в детстве, потому что именно тогда мы бываем самыми хитрыми и смелыми.

Булочная сложил вчетверо листок с адресами, сказал:

— Копию записной мы сняли. Надо незаметно узнать, чем занимается Грант Захарович и так называемый доберман-пинчер. — Он поднял палец. — Надо его так прощупать, чтобы он не почувствовал.

В условленное место мы ехали озабоченными. Не позволяли себе лишних движений, разговаривали в грамме тихо, приставляя губы к самому уху, так что на мочке оставались влажные слова. Честно взяли четыре билета. О трансформаторе и прочих пустяках не заикались.

Доберман-пинчер.

Кем является доберман-пинчер?

Не доходя до кондитерской, мы увидели возле витрины человека, его лицо было укрыто от прохожих газетным листом. Вот он делает вид, что читает газету. На всякий случай я засек по башенным часам точное время.

В девять часов тридцать пять минут мы отделились от вечерней толпы и окружили этого человека.

— Oго-го! — воскликнул он. — Сколько вас? Раз, два, три, четыре!

Суббота наметанным глазом сына дворничихи определил цвет его костюма — черный. Такого же цвета усы, с острыми кисточкообразными кончиками. Позже Булочная уверял, что на шее Гранта Захаровича виднеется шрам — след ожесточенной борьбы. Я шрама не видел, но отметил про себя, что голосом

Грант Захарович похож на двери нашего парадного: бух-пах-бух!

Записную книжку приняли из наших рук, осмотрели, по ней похлопали ладонью и засунули во внутренний карман черного пиджака, где, как я успел заметить, недоставало пуговицы копейного размера.

Человек, называвший себя Грантом Захаровичем, неожиданно сгреб нас и быстро втолкнул в узкую дверь кондитерской. Мы не сопротивлялись, вошли, сели за свободный столик, ожидая удобного момента, чтобы начать осторожное прощупывание.

Январь представил нас, показывая на каждого пальцем.

— Исключительно! — воскликнул Грант Захарович, закручивая усы. — Исключительно хорошо! Толя, Костя, Виля и Михаил — дети капитана Гранта. Смотрели такую картину?

— Это про собаку, да? — осторожно задал первый наводящий вопрос Булочная.

Грант Захарович пропустил вопрос мимо ушей.

— Вот! Исключительная картина! Ведь я кто? Кто я? Не догадываетесь? А ну, пошевелите этим местом, — он показал на свой морщинистый лоб.

— Вы — хозяин собаки, верно? — снова Булочная шупал хозяина записной книжки.

Грант Захарович делал вид, что не слышит Булочную.

— Я, братцы, бывший мальчик. Товарищ официантка, перед вами сидят дети капитана Гранта. Кино такое смотрели? Обязательно сходите. Для начала мы просим вас молниеносно доставить нам полторы дюжины ассорти, фирменной воды по бутылке на каждый нос и кофейник под крышечку. А там будет видно. Аппетит приходит во время ходьбы. Так я говорю, Толя, Костя, Виля и Михаил? Нет худа без добра. Каких я ребят нашел! Я в детстве тоже очень честным был. Исключительно честный ребенок. Меня можно было на выставке достижений показывать. Да-а, детство! Уехал, оттуда не вернешься. Девушка, а девушка!.. Ладно, потом добавим. Я, Толя, Костя, Виля и Михаил, перед вами в долгу. Мой телефон помните? Давайте, условимся с вами. Я спрашиваю: «кто это говорит?» А вы мне каким-нибудь паролем.

Суббота выпалил:

— У пола жила собака. Легко запомнить!

— Нет, — сказал твердо Булочная. — У пола жила собака Жоржик.

— Исключительно! — Чуть не закричал Грант Захарович. — Есть у меня один знакомый доберман. Умнейшее существо. Все понимает.

— По-русски? — прощупал я.

— По-русски, по-немецки, по-английски. А что ему? На всем готовом у большого человека, как у бога за пазухой.

— Вот хорошо бы познакомиться с умнейшим Жоржином, — сказал Январь как бы незначай и как можно простодушнее.

— Как-нибудь, как-нибудь... Так что, договорились? Я спрашиваю, «кто говорит», а вы: «У пола жила собака Жоржик». Исключительный пароль. По паролю узнаю своих клиентов. Конечно, если вы мне позвоните: поменяй, Грант Захарович, мне кладовку на место под солнцем, я ничем не смогу помочь. А что для трудовой жизни нужно, все сделаю.

— Вы кем-нибудь важным работаете? — продолжал я осторожное прощупывание.

— Важное — не важное, не в этом дело. А дело в том, чтобы у тебя на крючке были большие люди. На текущем этапе, в чем большие люди нуждаются? Они нуждаются в отдельных квартирах. Ничего не пожалейте за отдельную квартиру. — Машину? — Бери машину, швейную, конечно, — засмеялся Грант Захарович. — Один мой знакомый хочет получить квартиру из пяти комнат. У него самого две сугубо смежные в коммунальной, плюс комната сестры в другом районе, плюс еще комната сестры на острове Диксон, плюс одну комнату ему сослуживец уступает и изо всего этого сделаю, Грант Захарович, отдельную квартиру. Делаю... Сделаю! Ах, вы себе не можете представить, какой я был в детстве честный ребенок! — он обнял меня и Января, прижал. — Как вышло! Потерял на толкучке книжку и там же нашел таких ребят. Девушка, товарищ официантка, принесите нам «Мишек на Севере» пятьсот граммов для начала, а там — посмотрим...

Пирожные, пирожные...

Пирожные делают человека, особенно если он еще ребенок, доверчивым, крем проникает в самые отдаленные, настороженные уголки и человек становится добрым. Так или примерно так думал я, откусывая третий эклер с заварным кремом.

Откусывая пирожное полным ртом и держа наготове в другой руке корзиночку с кремом, Суббота, оставаясь настороженным, допытывался:

— Можно вас спросить, Грант Захарович? Вот, вы не помните, сколько ног у доберман-пинчера?

— Тебе честно?

— Честно, — подтвердил Суббота.

— Честно, честно, честно? — снова про- верил Грант Захарович.

— Да! Скажите как бывший ребенок, — попросил Январь, чью бдительность не так-то легко было усыпить «Мишками на Севере» и тающим во рту безе.

— Во, видите, — и Грант Захарович показал ладонь с загнутым вниз большим пальцем. — А по-честному? — никак не унимался Суббота.

Булочная усыплял свою настороженность трубочками с кремом, поджаристые корочки хрустели на его острых зубах, крошки вылетали со страшной силой. Булочная от сливочного крема сделался мягким и податливым.

— Грант Захарович! — клялся он. — Я вас очень уважаю. Если вы еще раз посевте на толкучке записную книжку, позвоните, я моментально найду.

А я, никогда не еввший столько пирожных сразу и размягченный видом ломящегося от сладостей стола, уже после второго эклера был уверен: у доберман-пинчера четыре ноги, три бывает изредка, а две — никогда; в записной книжке Гранта Захаровича нет никаких зашифрованных записей: он просто один из тех, кто помогает людям обменивать комнаты.

Между тем Грант Захарович говорил:

— Толя, Костя, Виля и Михаил, я не только уважаю вас, я вас люблю всей душой. Я с вами обратно в свое детство приехал. Привет, мама! Привет, папа! Привет, братик! Привет, те-

тя! Привет, дядя! Привет, бабушка! Ты еще жива? Я с вами, как в горах. Знаете, когда люди бывают исключительно честными? Да, вот тогда... Я был исключительно честным ребенком. Мне, думаете, жалко кушать эти пирожные? Я же к ним не притронулся. Мне не жалко. А вы ешьте!

Теперь читатель видит, как легко было усыпить нашу бдительность в те годы.

На следующий день, вернувшись из школы, мы первым делом позвонили доберман-пинчеру.

Когда сняли трубку, и я услышал спокойный женский голос, я сказал как можно вежливее:

— Попросите, пожалуйста, к телефону Жоржика.

— Кого-кого?

— Это «е двадвадцать... двадвадцать два?»

— Правильно.

— Позовите, пожалуйста, Жоржика, — снова попросил я.

— Жоржик! — крикнула женщина. — Иди, милый, сюда, тебе звонят.

По-видимому, Жоржику звонили впервые, он только сопел в трубку.

— Жоржик, это ты? — допытывался. — Ты, Жоржик? Ну, подай голос! Здравствуй, Жоржичек! Это говорит твой друг Андраша, Мишка Андраша. А вот тут рядом стоит еще один твой друг — Январь. Передаю ему трубку...

Мы все по очереди послушали, как Жоржик умеет сопеть по телефону.

Прошла, наверно, неделя, а, может быть, прошло две недели — с высоты нынешних лет три недели тогда, как один день. И мы снова, затаив дыхание, набрали: «е двадвадцатьдвадвадцатьдва». — Ах, это опять ты, отщепенец! — сказал знакомый мне женский голос. — Хули-

ган, сейчас я позову тебе Жоржика! Жорж, фас! Фас! Фас!

И я услышал в трубке злобное:

— Гав-гав!

Один раз в год, не чаще, мы, случайно вспомнив про Жоржика, звонили ему.

— Ты еще дышишь, отщепенец! — говорила мне женщина в ответ на сердечную просьбу позвать к телефону Жоржика. Вслед за ней трубку брал мужчина, по голосу — внушительных размеров с большим вываливающимся животом и поносил меня самым крайним образом. Наш разговор заканчивался «гав-гавом».

Прошло много времени. У нас погубили голоса, потому что мы стали усатыми. Да и в семье Жоржика голоса изменились: поосипли да поохрипли.

— Жоржика мне, — просил я, как просят взрослые, по-деловому, без нудной учтивости.

— Жоржика?... Ах, Жоржика! Сейчас позову, — отвечал тот же женский голос.

С годами Жоржик превратился в завистливого злобного старца. В его некогда принципиальном и громком «гав-гаве» появилась обида отставшей от своры собаки. Время не трамвай: уходит и не возвращается, и все знают, что не зачем торчать на останковке. Как был Жоржик собакой, так и не поднялся...

Я написал, что эта история не вчерашняя, и вот теперь я думаю, что судьба Жоржика закономерна. Собаки похожи на своих хозяев, а хозяева добермана никогда не понимали шуток. Они всегда считали нас хулиганами, отщепенцами семьи человеческой, а с нами надо было просто поиграть.

Ведь дети не бывают плохими людьми и, наверное, не всем это известно.

Рисунки Г. Пербатова и Ю. Ефимова

ЛЕСНОЙ РЕГУЛИРОВЩИК

Как-то зимой поехал сосед Ерофеич в лес. Я напросился с ним. Километров восемь мы катили по одиночному санному пути, а спустившись в овраг, Ерофеич по каким-то ему одному известным приметам направлял лошадь.

Я спросил: «Не приходилось ли плутать в оврагах?» Он засмеялся: «Куда здесь плутать? Да тут один приятель есть. Наткнешься на него — считай вышел на дорогу».

Через два километра я увидел «приятеля». Это был высокий пень с туловищем, головой и двумя руками, направленными в сторону дороги. Пеня удивительно походил на регулировщика уличного движения.

— Мы его милиционером зовем, — сказал Ерофеич. — Он у нас человек десять выручил, двоих даже в метель крошечную вывел. Лесник хотел спилить пеня, да мы его уговорили оставить.

Э. ХАКИМОВ

ОДНА, НО ПЛАМЕННАЯ СТРАСТЬ

Воскресным утром электричка уносила нас из душного города к лесной прохладе, к прозрачным речкам. В нашем вагоне было тесно и шумно. Девушки напевали непритязательную туристскую песню, парень в клетчатой рубашке гулко аккомпанировал им на гитаре, еще кто-то крутил ручку транзистора — от нечего делать. Сквозь треск и обрывки мелодии вдруг отчетливо прозвучали некрасовские строки:

Плакала Саша, как лес
вырубали,
Ей и теперь его жалко
до слез...

— Про тебя, Саша, — улыбаясь, парень обратился к своей попутнице.

Все засмеялись. А девушка бойко ответила:

— Из-за деревьев плакать — слез не останется. Поищи лучше джаз, — посоветовала она хозяйну транзистора.

* * *

...Я вспомнила об этой девушке недавно, когда в мои руки попала книжка Б. Рябинина «О любви к живому». Вспомнила и подумала: неплохо бы ей прочитать ее. Нет, не для того, чтобы покаяться в своей неудачной остроте. Тревожно, что слышалось в ее ответе определенное убеждение: в наш век смешно быть сентиментальным и умиляться каждому деревцу, каждой травинке.

Смешно? Но ведь вот многие люди, которые служат для нас непрекаемым нравственным авторитетом, отнюдь не стыдились признаться в своей любви к природе, к животным.

Великий пролетарский писатель Максим Горький любил жизнь и никогда не упускал случая приласкать живое существо, пусть даже это будет бездомная, клокастая дворняжка, при виде которой другой от-

вернется брезгливо: еще блох нахвататься или заразишься...

Почему не стыдится знаменитый советский конструктор самолетов А. Н. Туполев, отправляясь на прогулку с внуком Андрюшкой, брать с собой общего любимца — барашка?

А какими замечательными знатоками и друзьями природы были Пришвин, Куприн, Куинджи, Маяковский, Луначарский!

С особой тщательностью, я бы сказала даже со скрупулезностью, автор приводит примеры того, как относились к животным различные люди в различные эпохи. Таких примеров хватило бы не на одну книгу — такой в ней собран огромный материал.

Прочитав ее, читатель, наверняка, задумается над многим, мимо чего раньше проходил равнодушно. Быть может, он впервые посмотрит на лес не только как на «зону отдыха» и предмет лесозаготовок, но и прислушается к легкому колыханию травы, шелесту зеленой листвы, шороху ветра в кустах.

Но чтобы подготовить человека к эмоциональному и эстетическому восприятию живого, «надо прежде всего научить его любить «ближайшую» фауну и флору — кошку Муську и березку под окном. Ибо нет двух природ, а есть одна». Не случайно в книге так много внимания уделено тому, что окружает нас с первых шагов жизни, так подробно рассказывается о повадках домашних животных, о их преданности своим хозяевам. Опасаясь, что читатель что-то не поймет, недооценит, автор убеждает и убеждает там, где, на мой взгляд, можно было бы остановиться, поставить точку. Но тут у писателя — определенная позиция. На разговорном языке его принцип, пожалуй, можно сформулировать так: «Кашу маслом не испортишь».

Воспитание любви к природе, к живому рассматривается Рябининым в самых различных аспектах. От простого любопытства и изумления перед красивым мотыльком автор идет к утверждению человеческой доброты, гуманности, справедливости. Он размышляет о роли родителей, педагогов, медиков в развитии нравственных черт подростков. А в конечном итоге рассуждения сводятся к тому, что воспитание любви к природе, к живому — государственная проблема. Не решив ее, мы не приумножим богатства родной земли, не научим молодежь понимать многие важнейшие процессы жизни, не научим ее разумно хозяйствовать, двигать вперед науку.

Пчела, собирая нектар, опыляет цветок клевера, клевер обогащает землю азотом, азот приносит плодородие. «Не так ли и ход спеления в области психологии?» — спрашивает Рябинин. И сам же отвечает: «Убежден — да. Вот так же, как нельзя вырубить лес, чтобы не остаться без воды, — так нельзя вырубать чувство любви к живому — останется только сушь. Сушь в сердце, сушь в душе».

Писатель одной темы... За последнее время часто встречаемся с авторами, которые верно служат одному делу, создавая общественное мнение, — собирают неизвестные страницы истории или участвуют в поисках разлученных войной людей. У писателя Б. Рябинина тоже «одна, но пламенная страсть». Он раскрывает перед нами мир, который нужно понять и полюбить, учит жить по законам гуманности и красоты. Его книга в равной степени интересна и пожилому человеку, и «юноше, о б д у м ы в а ю щ е м у житье»...

В. СТРОВСКАЯ

Среди туристов, охотников и вообще любителей загородных прогулок немало рассеянных людей. Как вы полагаете, за какими предметами, вероятнее всего, пришли в Бюро лесных находок эти растеряхи? Подскажем только, что каждый потерял лишь одну вещь.

Ответ смотрите в следующем номере журнала.

Рисунок-загадка В. Семенова.

В Н О М Е Р Е:

«МЫ, ПОДВОДНИКИ» <i>Г. Сенников. Документальная повесть</i>	1	ОЗЕРО МИФИЧЕСКОГО ДРАКОНА <i>Д. Буракаев</i>	28
НОВЫЕ СТИХИ <i>С. Кузнецова</i>	17	РУССКИЙ УНИКУМ <i>С. Руженцев. Очерк</i>	33
ШЕСТАЯ СТУПЕНЬ <i>С. Бетев. Очерк</i>	18	И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН <i>Ю. Дольд-Михайлик. Приключенческий роман</i>	50
«ВО ГЛУБИНЕ СИБИРСКИХ РУД» <i>Следопыты Краснокамска. На приз нашего журнала</i>	23	ТРЕТЬЯ СТОРОНА МЕДАЛИ <i>П. Амнуэль, Р. Леонидов. Научно-фантастический рассказ</i>	61
САМОЗВАНЕЦ КРЫ-БРЫ <i>В. Житников. Статья</i>	24	ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ <i>В. Бугров. Мой друг — фантастика</i>	63
		ВОСПОМИНАНИЯ БЫВШЕГО РЕБЕНКА <i>М. Андриша. Юмористическая повесть</i>	72

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Технический редактор Э. Максимсва

Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87. Телефон Д1-22-40.

Средне-Уральское Книжное Издательство.

НС 13002. Подписано к печати 2/1 1968 г. Бумага 84×108/16=2,62 бум. л.—8,82 печ. л. Уч.-изд. л. 10,95. Тираж 110 000. Цена 30 коп. Заказ 610.

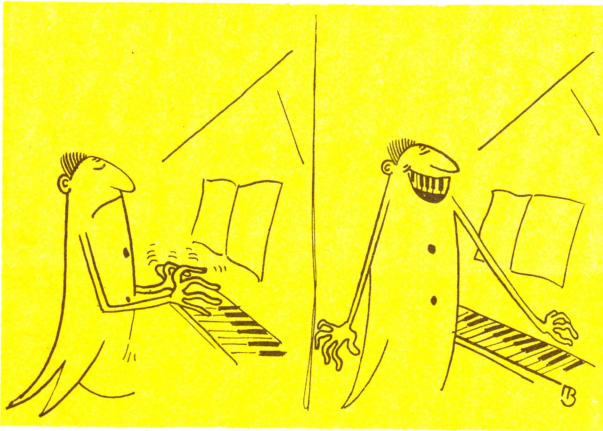
Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49. Обложка и вклейка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

Рисунки
Н. Мооса,
В. Пескова
и В. Тесленко.

Без слов.

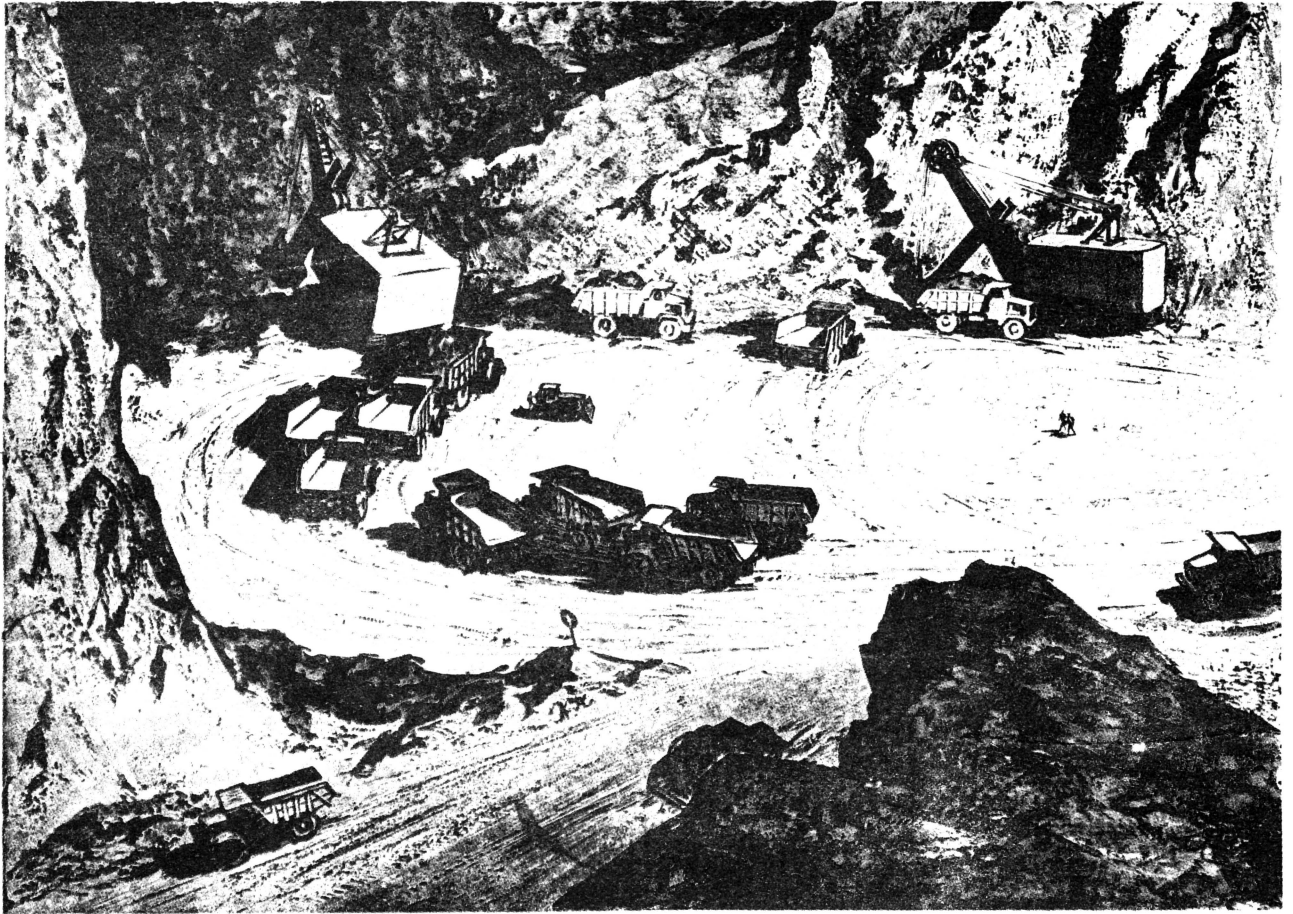
Истинный музыкант.

Хобби.

Чем больше дров, тем дальше в лес!

В. ПОВИЧЕНКО.

ЗА РУДОЙ.

30 коп

73413

Главный редактор И. АКУЛОВ

Редколлегия: В. АЛЬТОВ, А. АСС, В. АСТАФЬЕВ, А. БОГАЧЕВ (зам. главного редактора), М. ГРОССМАН, О. ЛЕОНОВА, А. МАЛАХОВ, МУСА ГАЛИ, В. НИКОНОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный секретарь), Ю. ХАЗАНОВИЧ, В. ШУСТОВ